

ЕВГЕНИЙ САПИРО

Никого впереди

Евгений Сапиро
Никого впереди

«Маматов»

2015

Сапиро Е. С.

Никого впереди / Е. С. Сапиро — «Маматов», 2015

Они шли – каждый своим путем. Они покоряли – каждый свою вершину. Жизнь сводила их и вновь разводила, они дружили и ссорились, они делали одно дело и враждовали, они любили своих женщин и уходили от них, они решали поставленные задачи, они сталкивались лбами, они проигрывали, они бились об стену, они вступали в схватки, они побеждали. Они творили свою жизнь и лепили лицо эпохи. Эпохи извилистой и разноцветной. Сталинское детство, хрущевская юность, зрелость, стартовавшая в брежневском застое и заставшая перестройку Горбачева, поначалу лихие, а потом гаснущие годы Бориса Ельцина. И в этом бурном потоке они все мчались за своей мечтой, пытаясь взять судьбу за горло... Обо всем этом вы прочтете в романе Евгения Сапиро «Никого впереди». О событиях той эпохи автор знает не из вторых рук и не из архивных папок. Длинная и отнюдь не столбовая дорога, пройденная им от мастера металлургического завода и университетского профессора до федерального министра, дала ему возможность много увидеть, о многом подумать и рассказать.

© Сапиро Е. С., 2015

© Маматов, 2015

Содержание

Слово ректора	6
От автора	7
Часть первая.	8
Пролог 1	8
Дьяков. 1949	9
Дьяков. 1955	10
Дьяков. 1959	12
Атаманов. 1960	13
Брюллов. 1961	17
Атаманов. 1962	20
Брюллов. 1962	24
Атаманов. Март 1963	26
Брюллов, Дьяков. Июль 1963. Утро	30
Дьяков. 1963	31
Брюллов, Дьяков. Июль 1963. Поздний вечер	33
Дьяков. Июль 1963. Три дня спустя	36
Атаманов. 5 августа 1963. Утро после Дня железнодорожника	38
Дьяков. Октябрь 1963	45
Дьяков. Октябрь 1963. Десять дней спустя	48
Атаманов. 1964	52
Дьяков. Конец июля 1964	53
Атаманов, Брюллов. Осень 1964	59
Дьяков. 1965	60
Дьяков, Брюллов. Февраль 1966	63
Брюллов, Атаманов, Морозовский. 1967	76
Атаманов. 1968	88
Брюллов. 1969	91
Варя Дьякова. Июнь 1970	103
Брюллов. Август 1970	105
Дьяков. Октябрь 1970	106
Брюллов. Ноябрь 1970	109
Брюллов. Февраль 1971	112
Дьяков. Сентябрь 1971	116
Варя Дьякова. Июнь 1972	118
Конец ознакомительного фрагмента.	124

Евгений Саулович Сапиро

Никого впереди

© Е. С. Сапиро, текст, 2015

© Издательство «Мамагов», оформление, 2015

Слово ректора

Евгений Саулович сделал то, чего от него ждали. Он написал художественные мемуары или, если хотите, роман на документальной основе – «Никого впереди», где нашлось место для каждого из нас. Вне зависимости от того, в какой главе мы появляемся на свет – той, что ближе к началу или к концу.

Профессор Сапиро со свойственной ему иронией пригласил нас совершить путешествие в прошлое. Книга, которую вы держите в руках, – это проводник по приснопамятным временам: несколько фрагментов из раннего детства, первые шаги самоопределения, жизненные перипетии. Здесь переплетается все – дружба, карьера, семья. Все по правде и абсолютно живые эмоции. В лукавом прищуре автора скрывается острый взгляд на события, свидетелем и участником которых ему случилось быть.

Это уже не первая книга Сапиро, где в буквальном смысле играет каждый эпизод. Это и сравнительно недавний «Трактат об удаче», и совсем актуальные «Времена и мгновения», представленные автором в нашем университете. Вот и сейчас, каждый фрагмент первой части наполнен романтикой молодости: студенческие уловки, простые разговоры ректора, напоминание об «университетском ромбике» – все это заставляет остановиться и примерить эти истории на себя.

Вторая часть посвящена перестройке и смене общественно-политических парадигм. Текст стал чуть строже, точнее. Видно, что эта тема неподдельно волнует автора до сих пор. И мы, читатели, вновь, вместе с его героями, проживаем это уже ставшее историей десятилетие, ведь в нас еще жив нерв девяностых.

«Никого впереди» – нерафинированное, душевное воспоминание автора. Особенно ценна книга Евгения Сауловича тем, что она базируется на едином для нас всех фундаменте – университете. Сквозь призму художественного восприятия автор показывает, сколь значимое место в жизни человека занимает Alma Mater. В этом я вижу абсолютную гармонию автора и университета.

***От имени Пермского университета
ректор Игорь Макарихин***

Лиде – боевой подруге, редактору, цензору... и музе

От автора

Книги не приносят аисты, их не найдешь в капусте. Их рожают. В муках. Осознанно. Та, которую открыли вы, не исключение.

В далекие школьные годы учебники по гуманитарным дисциплинам я воспринимал как сухую справку, описывающую, кто, что и когда натворил. По форме – что-то вроде набора черно-белых фотографий со скупыми надписями под ними. Зато хрестоматии с их жанровым многообразием смотрелись мною как фильм: в цвете, в движении, а если сосредоточиться, то даже со звуком, дающими возможность почувствовать дух времени.

За свою жизнь я не только написал несколько монографий по экономике, но и отметил в мемуарном жанре.

Три года назад, перелистывая свои довольно откровенные воспоминания, я попытался прочитать их глазами молодого читателя. Просто задал себе вопрос: почувствует ли он деловую атмосферу моей эпохи, уже ставшей для кого-то историей второй половины прошлого века. И был разочарован. Стремление описать прошедшие события точно и правдиво, да еще со ссылкой на персоналии, привело к «справке», к статичному «черно-белому» изображению.

Тогда-то и возникла, наверное, очень странная для моего возраста мысль: создать на этом материале «художественный фильм», пригодный для «хрестоматии».

По какой дисциплине? Да, например, по новейшей истории, политологии, менеджменту, экономике. Но, главное, чтобы с ароматом тех десятилетий.

– Попытка не пытка, – решил я. – Будем рожать.

Зачатие, как и положено, доставило мне удовольствие, но вскоре начались неприятности. Тошнота от сделанного. Головокружение, но не от успехов. Где-то на половине пути даже появилась мысль прервать творческую беременность.

Уберегла от минутной слабости подруга по ремеслу – журналист и писатель Светлана Федотова. После ее: «Рожать и только рожать!» – плод стал активно прибавлять в объеме и в весе. Наступил момент, когда он попросился на свет. А здесь без медицины – никуда.

Но медицина-то теперь платная! Спасибо спонсорам, давним моим соратникам: политику и предпринимателю Олегу Чиркунову, компании «Новомет» в лице ее генерального директора Олега Перельмана. Они создали все условия, чтобы акушеры издательского рода: Ильдар Маматов, Лилия Дубовая, Инна Плотникова, Елена Северюхина, Людмила Черных – филигранно приняли роды без вреда для здоровья ребенка... и автора.

За это им всем мой нижайший поклон!

Часть первая.

Пролог 1

Жаждущие, выстроившись в шеренгу, развернутой могучей стаей стремительно неслись вперед по безбрежному океану.

Добычи пока еще не было видно, но их молодой нюх уверенно подсказывал: вон она – впереди!

От скорости, напора, превосходства над «теми, кто не с нами», сладко пьянило головы.

В какой-то момент их острые взгляды почти одновременно засекли цель.

У каждого из Жаждущих были свои планы распорядиться своей Добычей.

Они мгновенно скорректировали курс и, еще больше взвинтив темп, устремились в одну точку – к возжеленной Добыче!

Дьяков. 1949

Свое первое открытие в области микроэкономики Александр Дьяков сделал в шесть лет. Открытие гласило: где очередь, там обязательно имеется что-то вкусное, красивое или интересное. Увидев своими зоркими гляделками стоящих друг за другом людей, он молча, но решительно разворачивал взрослого попутчика в ту сторону. И чаще всего не напрасно.

Мама или бабушка, подходя к очереди, всегда задавали вопрос: «Кто последний?». А папа спрашивал по-другому: «Кто впереди?».

Однажды, отвечая на вопрос Саньки, почему он спрашивает не как все, папа сказал, что не хочет обижать людей, называть их последними. Ведь каждому гораздо приятнее чувствовать себя впереди.

Санька внес в этот ритуал свой вклад. Когда, выстояв очередь, они подходили к прилавку, он звонко спрашивал:

– Кто впереди?

Папа, принимая правила игры, отвечал:

– Никого впереди!

Дьяков. 1955

В двенадцать лет жизнь полна до краев и интересна. Особенно на каникулах. Тем более на летних.

Во-первых, у Санькиной мамы в ящике комода, где хранились семейные документы, еще прошлым летом появился лист из твердой бумаги с гербом РСФСР¹, где сиреневым по белому было написано, что ее сын самостоятельный и образованный человек – выпускник начальной школы. Такому уже никто не осмелится кричать с балкона:

– Саша! Уже девять часов – пора домой!

А это означает, что весь теплый, загадочный вечер – вот он, твой.

Во-вторых, уже десять лет как окончилась война. Сам Санька войну не помнит, но по настроению взрослых ощущает, что вокруг становится как-то спокойнее, сытнее и даже форсирее. Удивительно, но выламываются не только девчонки. Лешкин старший брат – студент приехал на каникулы из Свердловска в брюках дудочкой и в ярко-желтых чешских туфлях-«говнодавах» на толстой подошве. Любопытно, набьют ли ему морду сегодня вечером на танцах местные пацаны?

В-третьих, в магазин потребкооперации вчера завезли настоящие футбольные мячи. Правда, через полтора часа на прилавке их уже не было, но Санькина «компашка», мобилизовав все свои и родительские финансовые резервы, два мяча купить все-таки успела. А это значит, что сегодня Санька подтвердит, что умеет копировать не только «бобровскую»² походку, но и его коронные удары по воротам.

Все это будоражит, но, как человек образованный, Санька понимает, что это лишь эпизоды, а не события. То, что событие и эпизод – вещи разные, он усвоил недавно. Накануне 9 Мая в школьный спортзал вошла директриса и, прервав занятие, объявила:

– Ребята, давайте поздравим нашего Василия Ивановича, активного участника важнейших событий Великой Отечественной войны, с юбилеем Победы!

Физрук, он же военрук Василий Иванович, молоденьким лейтенантом потерявший два пальца правой руки еще в 1941 году где-то под Смоленском, как-то не по-командирски шмыгнул носом и после короткой паузы произнес:

– События – это контрнаступление под Москвой, Сталинград, Курск, Берлин. Все это было потом. А мне достались эпизоды. Правда, боевые.

События в сегодняшней Санькиной жизни тоже присутствовали. Так или иначе, они имели природно-климатическую основу и по этой причине ежегодно повторялись. Каждое из них он с нетерпением ждал.

Если по порядку, то событием номер один была новогодняя елка и следующие за ней зимние каникулы. Событием и надежнейшим сигналом прихода короткого уральского лета было первое купание в Каме. Следующее событие было совместным подарком далекого южного солнца и до боли родной советской системы снабжения продуктами питания: в начале августа в Камск приходили первые баржи с астраханскими арбузами. Арбузы появлялись на месяц-полтора, чтобы потом бесследно исчезнуть до следующего праздника души и живота.

Имелось в Санькином неписаном реестре и самое азартное событие. В июне-июле в прикамских лесах появлялся первый слой белых грибов. С чем можно сравнить чувство, которое Санька испытывал, обнаружив притаившуюся под сосной стайку боровых «беляшей»? Разве что с мячом, который удавалось вколотить «с лёта».

¹ Российская Советская Федеративная Республика – первая среди равных республика Советского Союза.

² Всеволод Бобров – легендарный футболист и хоккеист сороковых-пятидесятых годов.

Сколь велика радость от находки крепышей в коричневых шляпках, столь же горестна «пустышка» – возвращение налегке с десятком сыроежек да парой «свинушек», срезанных «до кучи», чтобы не позориться с пустой корзинкой. Случалось такое не только в не балующее грибами засушливое лето. Бывало, что в самый сезон твои заповедные места буквально перед носом прочесывала какая-нибудь приبلудная ватага с зоркими пионерками, не оставляющими никаких надежд вслед идущим.

Санька такой горький урок получил всего два раза. Но вывод сделал правильный. Вот и на этот раз, вывалившись из первой пятичасовой электрички, он вместе с тремя друзьями с ходу, еще по тропинке от железнодорожной платформы до леса, обогнал всяких там теток и пенсионеров. А вот рослые парень с девчонкой, похожие на баскетболистов, оказались им «не по зубам». Не смотря на все усилия и даже пыхтение ребят, рыжий затылок «баскетболиста» неуклонно удалялся. Против таких особо шустрых у друзей имелся в запасе прием, навеянный иллюстрацией из учебника истории, на которой изображались суворовские солдаты, скатывающиеся на собственных задницах со швейцарских Альп³.

Тропинка к грибному сосновому бору, километра в три длиной, огибала покрытую буреломом если не гору, то приличную горку. Достигнуть заветной цели можно было и напрямую – по неприметной тропинке. Этот путь был в два раза короче, но с колючими зарослями кустов, полусгнившими стволами и вывороченными корнями деревьев. И все это в гору.

Правда, противоположная сторона горы была лысая. Пробившись к вершине, друзья обнаружили «баскетболистов» далеко внизу и... позади. Приготовившись к суворовскому спуску, Санька радостно заорал:

– Кто там впереди?

И получил в ответ дружное:

– Никого впереди!

³ Картина В. Сурикова «Переход Суворова через Альпы».

Дьяков. 1959

На семнадцатом году жизни Санька уже точно знал, что главная газета страны – «Правда». Но в ведомственном доме, в котором он жил, на «Правду» подписывались не все, а только партийные. Зато заводскую многотиражку почтальон приносил в каждую квартиру. А если в «коммуналку», то и не по одному экземпляру. Называлась многотиражка «Мотор». Так же, как многое, находившееся в радиусе десятка километров: Дворец культуры, стадион, фабрика-кухня и, главное, завод по производству авиационных двигателей.

Подписка на «Правду» была раза в три дороже, чем на «Мотор». Да и писали в «Правде» о тех, кого своими глазами не увидишь, о том, что собственными руками не пощупаешь. Другое дело в «Моторе» – все о своих да о нашем.

Поэтому Санька несколько не огорчился, что его фотография с кубком в руках и текст под ней, что «решающий гол, определивший судьбу юношеского кубка города, забил воспитанник нашего спортклуба Александр Дьяков», появились в «Моторе», а не в «Правде» или в областной «Молодой гвардии».

Хотя отчет о соревнованиях был на последней странице, мало кто из знакомых не обратил на него внимания. Даже одноклассница Танька, которая до этого замечала лишь студентов или – в их отсутствие – десятиклассников, снисходительно спросила:

– Дьяков! Так ты у нас чемпион?

За что и схлопотала:

– Работай над собой, темнота. Не чемпион, а обладатель кубка!

Увидеть себя в газете было вдвойне приятно. Это означало, что ты если не знаменитый, то известный. На весь соцгород!

Почему вдвойне? Потому, что на этот раз известность была «трудовая», а не случайная, вроде прошлогодних четырнадцати секунд в кинохронике, где их показали с метелками и лопатами, а писклявый девчачий голос произнес за кадром: «Дружно вышли на ленинский субботник ученики восьмого класса школы № 77».

Победа была наградой за три года тренировок, за пропущенные из-за них походы в кино, за терпение и настырность. Фотография в газете была памятью о том чудесном мгновении, когда впервые в жизни Санька по-настоящему испытал это восхитительное ощущение – чувство *победы*. За две минуты до финального свистка, получив пас метрах в пяти от штрафной, он каким-то чутьем уловил, что уделает двух дергавшихся перед ним сине-белых. С хода, обойдя защитника и финтом уложив на газон выбежавшего вратаря, он оказался с мячом перед пустыми воротами.

И никого впереди!

Атаманов. 1960

Коля Атаманов провел детство в поселке, в котором все без исключения жители имели отношение к небольшой железнодорожной станции. Он родился в железнодорожной больнице, ходил в железнодорожный детский сад, учился в железнодорожной школе. Лет в десять ему было доверено отоваривать на всю семью продуктовые карточки в железнодорожном магазине.

Даже первый в своей жизни анекдот, который он услышал и запомнил, был железнодорожный:

После крепкой выпивки мужик просыпается в канаве, лежа в обнимку со свиньей. Не открывая глаз, осторожно начинает ощупывать соседа, но облегченно вздыхает:

– Свой брат – железнодорожник! В два ряда пуговицы!

Железная дорога сохранила ему, брату и двум сестрам отца. Отец был специалистом редкой профессии – слесарем по пневматике и гидравлике. За что имел «бронь»⁴ и не был отправлен на фронт.

В тысяча девятьсот пятидесятом году Коля успешно окончил семь классов единственной в поселке «неполной средней школы». Теоретически имелось два варианта продолжения учебы: в десятилетней школе-интернате при узловой станции или в техникуме. Школьный вариант в их многодетной семье даже не обсуждался. Техникум и только техникум. Какой? Конечно, железнодорожный! С тем, чтобы через четыре года вернуться домой в новеньком кителе с погонами «техника-лейтенанта движения».

В пятьдесят четвертом он получил и китель, и лейтенантские погоны, и право на ежегодный бесплатный проезд в отпуск «в оба конца».

Дома демонстрировать новую форму технику-лейтенанту Атаманову долго не пришлось. Через три недели он «убыл по месту распределения» на вновь построенную станцию Кругобайкальской железной дороги.

Он получил должность дежурного по путям и довольно просторную комнату в общежитии. В комнате было все, что полагается: кровать, стол с двумя стульями, шкаф и тумбочка. Дно выдвижного ящика тумбочки было застелено синькой⁵ со схемой: «КРУГОБАЙКАЛЬСКАЯ Ж/Д». Поперек схемы красной тушью было написано: «Кругобайкальская дорога – кривовата и убога».

Специалистов на новой станции было мало, зато работы – хоть отбавляй. Молодой специалист окунулся в нее полностью, что называется, «по горлышко». Можно было бы сказать и «по макушку», но малую толику времени он от работы все-таки отщипывал. Причина была уважительной: через год Николай поступил на заочное отделение института. Естественно, что это был институт инженеров путей сообщения.

Двадцатилетие он отметил двумя событиями: удачной сдачей первой институтской сессии и... потерей невинности.

Не удивляйтесь. В середине прошлого века такие запоздалые чудеса еще случались.

Завершение сессии заочники отмечали с размахом, забронировав самый большой городской ресторан. Выпитого ему хватило, чтобы в голове приятно зашумело и исчезла закрепощенность. Но не настолько, чтобы отважиться отплясывать под джаз популярный тогда фокстрот «Мой Вася». Николай сидел в одиночестве за столом, когда к нему подскочила раскрасневшаяся девушка с капитанскими погонами железнодорожного связиста.

– Лейтенант! Что отсиживаетесь в окопах? Марш танцевать!

⁴ Не подлежал призыву в армию.

⁵ Копия чертежа, сделанная с оригинала, выполненного на прозрачной кальке.

– Да я это... не умею.

– Не умеешь – научим! Не хочешь – заставим!

Весь оставшийся вечер он провел под командованием отчаянной капитанши.

Потом в общежитии они ходили из комнаты в комнату и подкреплялись «Кривой Мэри». Капитанша командовала:

– Машка! Марш в двести пятую! До завтра! Маневровый – на горку!..

Проснулся он в ее постели. Неумело ткнулся губами в плечо. Капитанша повернула к нему голову. Лицо и на трезвый взгляд было приятным. Но сразу стало понятно, что тридцатилетний юбилей у нее остался, хотя и в недалеком, но прошлом.

– Жив, лейтенант? Благодарю за службу. А теперь одевайся и, соблюдая правила маскировки, полный вперед! Если засекут, то пойду я по статье «растление малолетних».

За три года работы Атаманов преодолел еще две служебные ступеньки: маневрового диспетчера и дежурного по станции. Институт он окончил, будучи ее главным инженером.

Перед назначением начальник станции сказал ему тоном, исключающим дискуссию:

– Главный инженер станции должен быть человеком партийным и женатым. Невесту я тебе предложить не могу. Ее надо выбирать по собственному вкусу. А партия у нас, слава тебе Господи, одна. Зайди к парторгу и напиши заявление. Я его предупредил.

Своему быстрому росту по службе Атаманов порой и сам удивлялся. В школе и технике он не был отличником, лидером, общественником, звездой художественной самодеятельности или спорта. Не было у него высокого покровителя или покровительницы. Даже нахальством судьба его не пожелала или забыла обеспечить.

А какая без него карьера?

В виде компенсации за «недостачу» кое-что ему все же перепало. Безотказное, ответственное отношение к работе, живой, даже азартный интерес к ней. И не только к работе. К окружающей жизни, к людям. Выше, ниже и рядом стоящим. Кто из них что может и чего стоит? Как устроены их быт и развлечения?

Газеты он читал от корки до корки, а не только заметки о футболе летом и о хоккее зимой, как это делало большинство его приятелей. Умудрялся выкроить время и для чтения художественной литературы, включая поэзию. Иногда и сам пытался рифмовать.

Поэтический процесс, как правило, протекал в дрезине, рассекающей фарами черную байкальскую тайгу строго пополам. Стихи были преимущественно бодрые, но случалось, что на него накатывала грусть, высекая чувства и сочинительные союзы от «а» до «и»:

*Нет у меня шашки, нет горячего коня.
Выходит, атаманство мне не по плечу.
И девушки красивые не любят меня,
А некрасивых я и сам не хочу.*

Наверное, подсознательно он добирал то, что не было отпущено ему в должной мере в детские годы на его родной маленькой станции. Кругозор, культуру, способность разглядеть многоцветие жизни.

Не был Николай равнодушен даже к тому, что творится в далеком от Забайкалья мире. Меньше, чем к красивым и редким в их округе девчатам, но не без того.

Увы, интерес к внешней политике и девчатам пока носил скорее теоретический, чем прикладной характер.

Кроме ответственности и безотказности, все остальные качества молодого специалиста Атаманова находились вне зоны видимости руководства и кадровиков. Может, это и к лучшему. Для среднего командного состава службы движения узловой станции наличие кругозора, культуры и любознательности полвека назад не являлось поводом для увеличения числа

звездочек на погонах. Впрочем, как и сегодня. Сильнодействующим стимулятором служебного роста было активное неприятие Атамановым конфликтных ситуаций. Уже через два-три месяца все работающие с Николаем знали, что попытаться вовлечь его в какую-то склоку и склонить на сторону «наших» или «чужих» было совершенно бесполезно. Он выслушивал жалобу «истца» и выносил вердикт: «Извини, меня здесь нет». Если кто-то пытался «проехаться» за его счет по мелочи, то он уступал. Если же по-крупному, переходил на формальные отношения: давайте документ, проводите контрольные замеры.

Часто, слушая перепалку соратников по труду, не желающих выполнять невыгодную работу, Николай предлагал свою помощь. Первое время – личную, став начальником – командную. Помогал без всяких условий. Процентом семьдесят это понимали правильно и отвечали взаимностью. Не с первого раза, но все же.

Не всегда удавалось все решать «мирным путем». Один раз даже пришлось пойти на крайнюю меру: врезать по физиономии. Физиономия принадлежала бригадиру, приписавшему своей бригаде треть объема работ, выполненных смежниками.

Акция была не спонтанной, а хорошо продуманной: мужик не только был не прав по существу, но и вел себя подчеркнуто нагло. Атаманов понял, что он или добьется своего, или останется в глазах своих подчиненных начальником только на бумаге. Он выпроводил обманутых бригадиров в коридор и остался с «непонятливым» наедине.

– Последний раз спрашиваю: подпишешь? – он кивнул на лежащий перед бригадиром исправленный «Акт выполненных работ».

– Не-е-е. Попробуй доказать! – ответил бригадир, педалируя «попробуй», а не «попробуйте».

– Попробую, – буркнул Атаманов.

Он еще раз взглянул на «оппонента», оценивая уровень его физической подготовки, взял в левую руку увесистую пепельницу, вышел из-за стола и внезапно, без подготовки, ударил снизу правой в плохо выбритый подбородок. Удар получился не сильный, но хлесткий. Сделав шаг назад, Атаманов демонстративно переложил пепельницу в правую руку:

– Еще доказывать?

Он чувствовал, что вот-вот, и он потеряет над собой контроль. Дошло это и до бригадира.

– Да ладно, ладно. Чего разволновались?

Главным инженером станции Атаманов проработал меньше года. Однажды, часов в восемь вечера, когда он сидел в своем кабинете и вносил последние изменения в свой рабочий график на завтра, зазвонил прямой телефон начальника станции:

– Николай, ты у себя? Я сейчас зайду.

Такое случалось и раньше, но не часто. Начальник вошел и сел на «гостевой» стул.

– Начну издаека. Тебе с этим старым хреном, – он ткнул отогнутым большим пальцем в знак «Почетный железнодорожник» на своей груди, – работать не надоело?

– Вячеслав Вячеславович! Я недавно Владимира Попова⁶ читал. Он пишет, что через два года после назначения каждый главный инженер проникается тихой ненавистью к непосредственному шефу – директору. Если автор и прав, в чем я сомневаюсь, то я «главным» еще года не проработал. Могу признаться только вам: в этом качестве я еще полуфабрикат.

– Тогда поедем дальше. Звонил Гаврилыч (так в своем кругу начальник называл заместителя начальника дороги – своего однокашника и друга), его переводят на Уральскую дорогу. Начальником. По традиции он предложил мне войти в команду. Конкретно: НОД-4⁷ в Кам-

⁶ Советский писатель. Лауреат Сталинской премии за роман «Сталь и шлак».

⁷ Начальник отделения дороги. Аббревиатура, как правило, употреблялась с цифрой, указывающей номер отделения в Управлении конкретной дороги.

ске. Но, чтобы не оголять станцию, он разрешил мне взять с собой только одну единицу. Как смотришь, если я тебе предложу стать этой «единицей»? Своим заместителем на новом месте пока взять не смогу – надо оставить кого-то из местных. А начальником отдела движения и пассажирской работы – милости просим. Думай. На размышление даю всю ночь. Для полноты картины информирую: в Камске я дважды бывал. Областной центр. Кама не Байкал, но тоже впечатляет. Персонально для тебя: рядом с нашей будущей конторой – университет. Студен-точки – одна другой краше. Малинник! Спокойной ночи не желаю. До завтра.

Брюллов. 1961

До десятого класса Брюллов с родителями жил в Иркутске. В его семье не любили «сюсюканий», с самых малых лет называли его Юрой и лишь по великим праздникам – Юриком. Славился Иркутск не только Байкалом, Братской ГЭС и авиационным заводом. Имелась в нем в ту пору одна из лучших в Советском Союзе школа настольного тенниса легендарного Зусмана. Ее воспитанниками были десятки мастеров спорта, чемпионы всех мастей. В эту школу Юру привел отец еще во втором классе. В восьмом он получил «первый разряд» и на этом застрял. Ребята, на год, на два младше его, становились «мастерами», попадали в сборную города, РСФСР, а он так и топтался во втором-третьем составе.

Тренер считал его способным, трудолюбивым, но «без искры». Насчет трудолюбия он не ошибался. От отца-хирурга и мамы-лингвиста и чистюли Юра унаследовал скрупулезность, неприятие плохо выполненного дела. В детсадовском детстве он не только разбирал, но и собирал, чистил и даже смазывал масленкой для швейной машины свой игрушечный автомобильный и тракторный парк. На чистописании без малейшего насилия над собой исписывал целые страницы, добиваясь, чтобы буквы не валились друг на друга, а ровно и красиво встраивались в отведенные им клеточки. Начав заниматься спортом, Юра с первых дней мог часами отрабатывать хитрые подачи и крученые удары.

Что касается «искры». Как тренер, так и его ученик не догадывались, что стать чемпионом Брюллову мешает крупный недостаток: домашний любимчик Юрик был просто добрым. Ему нравилось достигать успеха собственным умом, трудом. Но не нравилось делать это за счет других и тем самым кого-то огорчать. Пусть даже и в честной борьбе. Тем более расталкивая локтями и подставляя ноги, что исключено в теннисе, но сплошь и рядом встречается не только в других видах спорта, но и в мирной жизни.

По уму со спортивной карьерой надо было «завязывать». Помог, как часто бывает, случай. Когда Юра заканчивал девятый класс, его отец, преподававший в мединституте, защитил кандидатскую диссертацию и решил, что кандидату наук, к тому же хорошему практикующему врачу, не пристало жить в «коммуналке». Как это часто водится, своему преподавателю ректор отдельную квартиру в новой «хрущевке» не дал. Под нее он выманил профессора из Воронежа. Профессор сделал трудный выбор между увядшей женой и темпераментной аспиранткой. В пользу последней. И остался по этой причине бесприютным. Предложенные в Иркутске квартира и кафедра оказались как нельзя кстати.

Рассуждения ректора укладывались в два коротких тезиса: куда он, Брюллов, денется. Дорастет до докторской – дадим.

Уверенность начальства, что подчиненный никуда не денется, происходила в том числе и от содержания пятой графы заведенного на отца «Личного листка по учету кадров».

С момента окончания школы до выхода на «заслуженный отдых» (так интеллигентно назывался тогда выход на пенсию) жизнь советского человека скрупулезно отражалась в этом скромном документе. В графе, на которую обратил внимание ректор, типографским шрифтом было напечатано ее название – «национальность».

Владимира Теодоровича Брюллового, как и его знаменитого художника-однофамильца, большинство коллеги студентов считали чистокровными русскими. Наиболее продвинутые даже имели правдоподобную версию происхождения фамилии: от березовых брялек, на которых гурманы настаивали самый популярный российский напиток. Однако эта комфортная версия не соответствовала действительности. Брюлловы были из немцев. Ректор был не продвинутым, но информированным.

Как минимум два последних поколения Брюлловых, осевших в Поволжье, отдавали руку, сердце и фамилию привлекательным девицам славянского происхождения. Но ливонские гены

брали свое: славянки исправно рожали сыновей-немцев. Может быть, отцы мстили им за разгром немецких «псов-рыцарей» на Чудском озере?

Владимир Теодорович попытался осуществить перелом в национальной политике рода Брюлловых. Произошло это уже в Сибири, куда его – пятикурсника, мобилизовали как немца Поволжья, но отправили не на фронт, а в Сибирь – в медсанчасть ОСМЧ⁸. Там он и встретил девушку по имени Диляра. И хотя не знал, что в переводе с татарского это «красавица, радующая сердце», но сражен был мгновенно и наповал. По этой причине уже осенью сорок четвертого на свет появился их сын Юрик.

У Диляры, несмотря на ее крымские корни, в паспорте стояло не «крымская татарка», а просто «татарка». Поэтому, после непродолжительных обсуждений, было принято решение из двух бед выбрать меньшую, то есть записать Юрика «по маме».

Нельзя не отметить, что природа положительно отнеслась к такому выбору. Бриться Юра начал в шестнадцать лет, а в семнадцать его гладковыбритый подбородок уже отливал синевой, свидетельствуя, что в нем далекие предки из Золотой Орды, как и семьсот лет назад, безжалостно подавили своих белокурых западных конкурентов.

От папы Юра унаследовал доброжелательность, пытливость, настойчивость и любимую присказку: «Насколько я разбираюсь в урологии».

Ректора Камского мединститута, в отличие от его иркутского коллеги, этнические тонкости не интересовали. У него была достоверная информация, что уролог Брюллов имеет золотые голову и руки. Еще он твердо знал, что мужские проблемы могут плохо повлиять на «качество жизни» не только представителей трудового народа, но и его слуг, включая первого секретаря обкома. И понимал, что если первому секретарю не все равно, кто перед ним – русский, немец, еврей или кореец – то его предстательной железе без разницы, чьи пальцы ее массируют, лишь бы были половчее.

Так Брюлловы оказались в Камске.

В камской школе требования к десятиклассникам оказались жестче, чем в Иркутске. К тому же надо было думать о приемных экзаменах в институт. Это помогло забыть о «большом спорте». О своих былых теннисных заслугах Юра в школе никому не сказал и за ракетку больше не брался. То же самое произошло и в «политехе», на металлургический факультет которого он поступил на удивление легко.

Решение стать металлургом свалилось на Юру за полгода до окончания школы. Свалилось оно с верхней полки книжного шкафа. Фанатичка-литераторша даже на короткие ноябрьские каникулы озадачила их написанием сочинения. Ладно бы о Гагарине, о космосе. Литераторшу больше волновала «Осень в русской поэзии». Когда он открыл дверцу шкафа, чтобы достать Пушкина (память, кроме болдинской осени, ничего не подсказала), на его голову упал небольшой томик. Это был роман Александра Бека «Доменщики». Юра для порядка открыл книгу и, неожиданно для себя, не выпустил из рук, пока не прочитал всю. Благо что были каникулы. Тему сочинения он изменил на «Поэзию кипящего металла».

Потом была экскурсия в сталеплавильный и прокатные цехи пушечного завода, а затем вслед за поэзией возникла проза: не стать ли ему металлургом?

Отец хотел, чтобы Юра пошел по его стопам. Он не раз повторял:

– В наше время мужчина, чтобы состояться, должен быть начальником. Исключение – свободные профессии или врач.

Медицина была Брюллову-младшему противопоказана. Еще в Иркутске пятеро восьмиклассников пришли проведать своего любимого физика после операции. Выздоровливающий попросил, чтобы гостям показали его удаленный аппендикс. Когда принесли банку, девочки с

⁸ Особая строительно-монтажная часть, военизированная организация времен Великой Отечественной войны.

любопытством зашебетали, а Юра потерял сознание. На этом вопрос о продолжении династии медиков был закрыт.

Готовясь к разговору с родителями, Юра не забыл слова отца о состоявшихся начальниках и попытался разузнать о профессиональном происхождении директоров крупнейших камских заводов. Необходимые сведения обнаружились в листовках о кандидатах в депутаты местных Советов, которые вместе с газетами оказались в почтовом ящике. Из шести директоров-кандидатов два оказались литейщиками, а один – сварщиком. Из литейщиков был и второй человек в области – председатель облисполкома.

Выслушав Юрины аргументы, родители в восторг не пришли, но мудро рассудили: если нравится, дерзай.

Атаманов. 1962

На новом месте Атаманова ожидали не только работа и должность, но и двухкомнатная квартира. В МПС со времен царя-батюшки чтили субординацию. В том числе и правило, что жилье должно неукоснительно соответствовать занимаемой должности и «чину».

Получая ордер на квартиру из рук пожилого НГЧ⁹, Атаманов для очистки совести напомнил, что не женат и живет один. НГЧ ответил философски:

– Дают – бери, бьют – беги, – и, заглянув в лежащий перед ним листок, добавил: – У тебя сестры? Для порядка одну пропиши.

Должность, на которую в Камске назначили Атаманова, оказалась вакантной. Бывший НОД-4, переведенный в Молдавию, забрал его предшественника с собой. Это упрощало вхождение в «плотные» и до поры незнакомые «слои атмосферы».

Первое время «атмосфера» как-то напряженно воспринимала неприличные для его немалой должности двадцать четыре года, но довольно быстро одни привыкли, а другие смирились.

Сама же работа была не только знакомой, но и прощупанной собственными руками, многократно пропущенной через себя. Одна ее сфера, правда, оказалась не то чтобы новой, но более масштабной. Это было своевременное и правильное обеспечение билетами «высоких должностных лиц».

Проездные билеты на хорошие места были дефицитом. Особенно в отпускной период. К числу «высоких лиц» относились областное, городское и районное руководство, ректоры городских вузов, руководители авиаотряда и речного пароходства, крупнейших предприятий и строительных трестов. Не обошлось и без экзотики, представителями которой были директор и администратор театра оперы и балета и модный закройщик ателье по пошиву верхней одежды.

Особой наукой была расстановка по ранжиру всех претендующих на внимание. Ни в коем случае нельзя было перепутать тех, кого «нельзя огорчать ни в коей мере», с теми, кто «извините, но только в ближайшие дни». Бдительный современник той эпохи может покритиковать приведенный перечень «персон» за отсутствие в нем представителей таких ключевых «полезных» профессий, как торговля и медицина. В данном отдельном случае он будет неправ: медики и торговля у железнодорожников были свои собственные, подчиненные.

Система обеспечения «персон» была отработана десятилетиями. На ней сидели исполнители, которые по своей ловкости и знанию человеческих душ могли бы украсить МИД. Однако вечно живой принцип «доверяй, но проверяй» требовал личного погружения Атаманова и в эту сферу деятельности.

Полтора года он довольно спокойно набирался ума и опыта, все глубже оказываясь на новой позиции. И это происходило до тех пор, пока сверху до их отделения не докатился новый почин – объединение и укрупнение подразделений. НОД-4 починов не любил, справедливо считая, что это «показуха», отвлекающая от полезных дел, но этот подвернулся вовремя. От прежнего начальника отделения Вячеслав Вячеславович получил в наследство две штатные единицы и двух живых заместителей, имеющих прямое отношение к основному «хлебу» железнодорожников – перевозкам. Старожилы дружно его уверяли, что раньше каждый из членов этого дуэта четко знал границы своей делянки и никогда их не нарушал. С приходом нового НОД система мирного существования почему-то пошла вразнос. Вячеславу Вячеславовичу заниматься исследованием причин и урегулированием возникающих пограничных спо-

⁹ Начальник дистанции гражданских сооружений. В промышленности соответствующие функции выполнял «заместитель по общим вопросам».

ров было некогда и неинтересно. Он уже стал задумываться над тем, как бы укрупнить спорное хозяйство. «Почин» не только подтолкнул его к этому, но и развязал руки.

В порядке его реализации НОД изменил структуру управления отделением, и всё, что не касалось техники и безопасности движения (это осталось за главным инженером), переподчинил одному заместителю, дав ему статус «первого».

Это решение он принял легко и быстро. А вот с выбором кандидата на должность оказалось сложнее. Оба на время выведенные за штат прежние заместители повели себя суетливо и склочно, не уступая друг другу в негативе. Понадобилось не больше недели, чтобы окончательно определиться: ни один из «старожилов» этой ключевой должности не достоин.

Сначала НОД предложил ее тоже местному – своему ровеснику, заместителю по экономике и финансам. Тот поблагодарил за доверие и... отказался:

– Вячеслав Вячеславович, извините за откровенность, но я за четыре года пребывания на этом посту привык к бумажной работе, к теплему кабинету и совсем не тоскую по романтике борьбы со снежными заносами. Если прикажете – готов на подвиг. Но не из-за мужества, а по суровой необходимости.

Когда дверь за экономистом закрылась, НОД-4 пригласил зайти Атаманова. Благо тот оказался на месте.

– Николай, меня интересуют твои мысли о кандидатах на должность первого заместителя. Зная твою нелюбовь к пересудам и интригам, поясню: свое мнение, как начальника, о претендентах у меня имеется. Но меня интересует, что о них думают «трудящиеся». Здесь, кроме тебя, мне спросить об этом некого. Поэтому извини, что напрягаю. И еще одно – разговор неофициальный.

– Вы мне кандидатов назовете или самому выдумывать?

– Назову: Сидоров, Оганян (это были фамилии прежних заместителей). Если кого добавишь – буду только рад.

– Дайте мне хоть полчаса, чтобы подумать и сформулировать.

НОД взглянул на часы, висевшие на стене:

– Жду тебя через сорок пять минут.

Ровно через сорок пять минут Атаманов стоял перед шефом с тремя листками, содержащими нарисованные от руки таблички. В каждой табличке было по три колонки и по десятку строк. В первой (самой широкой) колонке перечислялись качества претендента. От инженерной квалификации и пунктуальности до кругозора и отношения к подчиненным. Во второй и третьей колонках напротив каждой строки стояли плюсы или минусы.

Атаманов разложил перед шефом две таблички, по одной на претендента. И в той, и в другой минусов было больше, чем плюсов.

– Ну, и какой вывод? – спросил начальник.

– Мои приборы особой разницы не уловили. Хоть монетку бросай. С одной стороны, дело свое знают, поставить задачу и заставить ее выполнить умеют, но оба лишнего шага не сделают и всего нового боятся как черт ладана. А вот за повышение в должности землю роют рогами. Главный недостаток Сидорова, что все, кто под ним, ему неинтересны. Он на людей смотрит, как сквозь стекло. Все знает сам и Бога держит за бороду. Это неприятно, но терпимо. Зато у Оганяна есть качество, с которым я раньше не встречался. Когда что-то не так, он легко сдает своих подчиненных. Даже когда явно виноват сам. Вывод, говорите? Позвольте воздержаться. И по этическим соображениям, и по существу. Вы подбираете заместителя лично «под себя». В этом процессе советчикам места быть не должно.

– Не уверен. А что это у тебя за «фига в кармане»? – он показал на третий листок, лежащий перед Атамановым чистой стороной вверх.

– Я такую же табличку сделал на Носова (это была фамилия заместителя по экономике). Тут совсем другая картина, светлая.

– Предлагал я уже Носову. Отказался. По-честному. Ты сам на него глаз положил? Или девчонки проболтались, что я с ним общался на эту тему?

– Вы при девчонках с ним шептались?

– За кого принимаешь?

– И с одним Носовым сегодня общались?

– Ладно, Николай, не обижайся. Спасибо тебе. Ты еще мало жизнью бит, чтобы оценить, как важно иметь человека, с которым откровенно можно «сверить часы». И чем старше становишься, чем выше поднимаешься, тем меньше шансов найти такого человека. Последний на сегодня вопрос: как ты отнесешься к предложению стать моим первым заместителем?

В эту ночь Атаманов почти не спал. Ворочался, размышлял сквозь дрему. Соблазнительным было одним шагом переступить если не через две, то через полторы ступеньки вверх. Он уже уловил одну прелесть карьерного роста. С каждой новой высотой увеличивался круг масштабных, интересных задач и убывал объем неблагодарной и трудоемкой мелочовки. Ее удельный вес и определял разницу между «белым» и «черным» человеком.

С другой стороны, Атаманов отлично понимал, что предлагаемая ему должность не только выше, но и шире. Далекое не все из того, чем придется завтра руководить, было ему хорошо знакомо. По отношению ко многому он теперь не сможет сказать подчиненным свое коронное доходчивое и убедительное: «Делай как я!».

Эти аргументы на другой день он изложил Вячеславу Вячеславовичу, завершив разговор конкретным предложением.

– С моей позиции, идеальным был бы такой вариант: Носов – первый заместитель. На его место идет начальник планово-экономического отдела Фалько, а я – вместо него. К плановикам сходятся все ниточки. О существовании многих из них я сегодня даже не догадываюсь. А года через два я вам в ноги упаду, если сделаете мне это же предложение.

Какое-то время оба молчали.

– Я задам тебе еще один вопрос, – начал шеф. – Сколько раз за последние годы ты обращался ко мне со словом «прошу»?

– Последние четыре – как минимум раз в неделю.

– И какая доля этих «прошу» была удовлетворена?

– Процент девяносто. Может быть, больше.

– Я понимаю, что в этом высоком проценте не только моя заслуга. Получается, что просьбы твои были толковыми и реалистичными. Но кое-что за это и мне причитается. Верно? Главное, что до сих пор я к тебе с этим словом ни разу не обращался. А теперь обращаюсь: Коля, прошу! Прошу, не желая насилловать Носова. Из-за отсутствия этих двух лет. За два года без хорошей и рискованной команды отделение забуксует, увязнет в болоте. Ты многого не знаешь. Но ты чувствуешь, что такое хорошо и что такое плохо. Ты тоже землю рогами роешь, но по делу. И последнее. Ты знаешь, что моя Глафира учительница. У них правило имеется интересное: «Если чего не знаешь – иди это преподавать. Выучишь». Давай это переиначим: вместо «учить» подставим «руководить». Ну, как?

– Когда принимать дела, Вячеслав Вячеславович?

Когда самого авторитетного в отделении машиниста-наставника спрашивали:

– Сколько тебе нужно времени, чтобы довести курсанта «до кондиции»? – он, то ли в шутку, то ли всерьез, отвечал:

– Если ему восемнадцать лет – восемнадцать дней. Если сорок, то, опять же, сорок.

Шеф не раз вспоминал эту байку, наблюдая, как быстро и ловко его молодой выдвиженец постигает непростую командирскую науку. Формально должности первого заместителя и главного инженера были равны. Но Атаманов без всякой подсказки выбрал для себя вторую роль.

Не подобострастную, но уважительную. Уходя в отпуск, НОД пригласил к себе двух своих «первых» и объявил:

– Иван Павлович, «на хозяйстве» оставляю тебя. В основном ты в курсе всех дел. Выжимка по девяти позициям, от которых у меня зубная боль, здесь, – он протянул «главному» тоненькую папку с тесемками. – На две из них прошу обратить особое внимание. Это защита в Управлении дороги лимитов подрядных работ и отчет на бюро обкома о работе с нашим подшефным совхозом. Отчитываемся не мы одни. Там еще двое. Кого определяют в положительные герои, а кого в отрицательные, я пока не выяснил. Надо будет подсуетиться, чтобы не попасть во вторые.

– Вячеслав Вячеславович! – взмолился «главный». – Разреши НГЧ на бюро отправить. Это его заботы. Мне эти свиноматки и комбикорма, как зайцу триппер.

– Ты, Иван Павлович, уже седой, а роль партии, словно писатель Фадеев, недооцениваешь. На бюро обкома и простого «зама»? Не смей!

– Может, мне пойти на отчет? – подал голос Атаманов. – Я всю весну из совхоза не вылезал. Картофелехранилище за мной числится.

– Николай Петрович, – расплылся в улыбке «главный», – век не забуду!

Что правда, то правда – память у «главного» была хоть куда. И на хорошее, и на плохое.

С восьми до восьми Атаманов вместе с директором совхоза разрабатывал маршрут, по которому следовало провести комиссию, готовившую вопрос на бюро; озадачивал, как показать товар лицом. Спустя неделю лично проверил задуманное. Еще день ушел на сопровождение комиссии и подведение итогов в небольшом «директорском» зале совхозной столовой.

Если при подготовке и проведении рабочей части визита директор совхоза был у Атаманова «на подхвате», то на завершающей стадии он солировал вне конкуренции. Говорил красивые тосты, с прибаутками подливал, на прощание лично вручил каждому члену комиссии пакет с тремя стеклянными банками «фирменных» совхозных солений.

Заключение комиссии оказалось деловым и доброжелательным. На бюро Атаманов из пяти выделенных ему минут использовал всего четыре, что произвело на членов бюро более приятное впечатление, чем красноречие директора изоляторного завода, не уложившегося в регламент. Наградой за труды была строчка в постановлении: «Бюро одобрило положительный опыт работы Камского отделения дороги по материально-технической и организационной помощи подшефному сельскому хозяйству, отсутствие в ней кампанейщины и штурмовщины».

Когда секретарь парткома положил копию постановления перед вышедшим из отпуска шефом, тот обронил: «Молодцы!».

В тот же день все они встретились в горькоме на собрании партийно-хозяйственного актива. НОД, партиец и «главный» стояли в фойе в компании «своих» – руководителей и секретарей парткомов предприятий. Атаманов, с большинством присутствующих незнакомый, устроился невдалеке, подпирая колонну. В этот момент его увидел «главный»:

– Николай Петрович, – позвал он громко, – ты что, как не родной! Давай подруливай к нам!

В этот момент Вячеслав Вячеславович мысленно похвалил себя за правильный выбор.

Брюллов. 1962

Для первокурсников, успешно закончивших учебный год, студенческий профсоюз устроил праздник. На целый день был снят трехпалубный речной теплоход с оркестром, танцевальными площадками, бассейном и двумя теннисными столами.

На металлургическом факультете представительниц прекрасного пола почти не было. Неудивительно, что будущие командиры «вредных производств» алчными взорами пожирали стайки экономисток и «химичек», ощущающих собственную дефицитность и явно завышающих себе цену. Но стройная кокетливая шатенка, на которую Брюллов «положил глаз», действительно была хороша. Она не без легкого сопротивления позволила оторвать себя от небольшого, но сплоченного коллектива однокурсниц, оказавшихся «химичками». Через пять минут Брюллов знал, что Анечка (именно так она представилась) любит органическую химию, трехцветный мармелад и вальс-бостон. Еще через три минуты он усвоил, что юбку-колокольчик надо не только иметь, но и уметь носить, и что ей нравятся спортивные ребята, но не «гориллы», вроде штангистов и метателей молота.

Что-то танцевальное на теплоходе звучало, но не на корме третьей палубы, где они в этот момент находились, а где-то выше. На вальс-бостон это было совсем непохоже. А вот мармелад в баре, который назывался тогда судовым буфетом, похоже, был.

Юра легонько за талию развернул новую знакомую в сторону бара (сигнала протеста не последовало) и успел даже сделать пару шагов, как прямо над ухом раздался, усиленный жестяным мегафоном, голос профсоюзного лидера:

– Начинается блицтурнир по пинг-понгу! Регламент: до двадцати одного очка – на вылет. Первый приз: «Советское шампанское», полусладкое. Одна бутылка! Второй приз – конфеты «Рот-фронт». Одна коробка! Запись у меня.

Первая пара, ухмыляясь, подошла к судье. «Сговорились, прохиндеи», – подумал Юра.

У второго стола в ожидании соперника, подбрасывая вверх ракеткой шарик, стоял мускулистый парень.

– Ой, а «полусладкое» я тоже люблю, – чуть слышно шепнула Анечка, вопросительно посмотрев на своего спутника.

Вмиг Юра вспомнил требующие победы горящие взгляды болельщиков. Пока, правда, на него смотрела лишь одна пара глаз. Но каких!

И Брюллов поплыл. Напрочь вылетел из головы зарок «завязать», уйти в тень. Несколько подзабытое чувство жажды победы возбудило и ускоренно погнало кровь по изрядно обленившемуся организму. Он шагнул к столу:

– Пишите: Брюллов, метфак.

«Мускулистый» играл неплохо в силу крепкого второго разряда. С его подачи Юра отыграл лишь два очка. Но этих пяти розыгрышей хватило, чтобы его глаза, нервы, мышцы вспомнили почти все, что в них вколачивали семь лет. То, что называется одним словом – мастерство. Свою подачу Юра выиграл четыре – один и до конца игры позволил сопернику добыть всего три очка.

– Двадцать один – девять, – объявил судья.

Финал вообще оказался смешным. «Хитромудрые» были способны выигрывать лишь друг у друга. Лучшего из них Юра разложил «насухую».

Потом вшестером они со вкусом тянули шампанское вприкуску с «призовыми» конфетами. На «банкете» кроме всех участников турнира присутствовали две болельщицы: однокурсница «прохиндеев» и Аня.

Лучшей наградой победителю был ее тост:

– За тебя. Юрик!

Учитывая эту награду, краткосрочное возвращение в спорт можно было считать оправданным. Если бы не одно но: судьей турнира был доцент кафедры физкультуры и спорта. Он сразу сообразил, что игроков такого уровня, как Брюллов, в политехническом институте нет и давно не было.

Первого сентября второкурсник Брюллов с туристическим мешком за плечами доложил старосте группы, что готов выполнить свой долг перед Родиной и комсомолом посредством уборки картошки. К его удивлению, патриотический порыв не был поддержан.

– Вали домой. Послезавтра тебе надо быть на тренировочных сборах.

Атаманов. Март 1963

За год, прошедший с момента назначения, Николай Атаманов постепенно превратился из номинального первого заместителя в реального. К кому идут не «для порядка», а чтобы решить проблему или получить четкий, аргументированный отказ. И то и другое – без звона сабель и орудийных залпов.

Промчался этот год, как одно мгновение.

Для многих, особенно тех, кто наблюдал за Атамановым издали, его карьера казалась стремительной и даже фантастической. У него самого такого ощущения не было.

Накануне в Камск на гастроли приезжал молодой, но уже известный в стране пародист. Исполнение пародий он перемежал с ответами на вопросы зрителей. Среди прочего его спросили:

– Показывая кого-то, вы поете лучше, чем многие «первоисточники». Почему бы вам не посвятить себя вокалу?

Ответ оказался для Атаманова открытием:

– Я бы с удовольствием, но пародируя, я пою на разные голоса, а свой собственный голос найти не могу.

Николай чуть не подпрыгнул. Как человек, командующий людьми, он тоже долго искал свой стиль работы, свой собственный «голос». В отличие от пародиста, он его нашел. Более того, сегодня он мог даже сформулировать самое главное в своем управленческом «тембре»: непрерывный поиск нового и привлечение к себе людей, способных воспринимать это новое вместе с ним.

Еще в техникуме он обнаружил: чтобы добиться успеха, не обязательно больше других зубрить страницы, качать мышцы, проводить время у станка. Быстрее и надежнее выявить главное и толком в нем разобраться. Все остальное требуется осваивать «по диагонали». Более рослого и тяжелого соперника оказалось возможным сбить с ног, освоив всего один прием – подсечку. На ХОМе¹⁰ он почти в два раза быстрее всех обработал заготовку, догадавшись попросить мастера показать, как правильно заточить резец.

Не подозревая о существовании слова «инновация», он пришел к выводу, что вокруг имеется немало людей, придумывающих умные и полезные вещи. Это добро очень часто не надо даже покупать, доставать или выкрадывать у врага. Нужно только внимательно посмотреть под ноги, наклониться, поднять его «с пола» и приспособить к делу.

Сейчас решение любой задачи Атаманов начинал с подобной процедуры.

Пока задачи касались его лично, этого было достаточно для их успешного решения. С каждой новой должностью масштаб возникающих задач увеличивался. Стало ясно, что в одиночку их не одолеть. Для штурма новых высот нужны были помощники. Не просто помощники, а союзники. Желательно толковые.

Непрерывный поиск таких людей для своей команды стал еще одним оттенком тембра его управленческого голоса. Один и тот же человек может трудиться по-разному. Может присутствовать на рабочем месте, отбывать положенное время, зарабатывая себе на кусок хлеба. Но он ведь может от работы и удовольствие получать. Благодаря интересу, азарту, чувству сопричастности или благодарности. То, что это не одно и то же, Николай усвоил, когда еще работал дежурным по станции. Не только усвоил, но стал подбирать ключики для своих подчиненных, сменщиков, обрекая их на взаимность.

¹⁰ Холодная обработка металлов.

Один из таких «ключиков» ему подбросила память. В техникуме, на «военке», преподаватель капитан Ильин рассказывал и показывал будущим офицерам, как они должны приветствовать друг друга.

– Младший по званию должен это сделать первым и ни в коем случае не должен прикладывать вытянутую в струну ладонь к «пустой», то есть без головного убора, голове. Это уставная истина. А теперь одна тонкость. На грани военной тайны. Вопрос: если два военнослужащих равны по званию, кто из них приветствует первым?

Народ зашептался, но ничего не придумал.

– Докладываю, – отчеканил капитан, – первым приветствует тот, кто лучше воспитан!

Этот принцип, когда-то услышанный от фронтовика Ильина. Атаманов назвал для себя «кредитом внимания». Каждого, с кем он начинал сотрудничать, включая подчиненных, Атаманов не гнушался «поприветствовать» первым. Уступка не повредит! Треть партнеров полученный «беспроцентный кредит» оплачивали сполна. На этой основе создавались надежные и эффективные альянсы.

Примерно половина соратников его шага навстречу или не замечала, или игнорировала («А я и не просил!»). На этом «кредитование» прекращалось. «Расходы» на жест доброй воли он мысленно списывал по статье «учеба».

Встречались и такие, кто его уступку принимал за слабость и начинал наглеть. По отношению к ним он вел себя адекватно: при первом же удобном случае наказывал по полной программе. Чтобы не держали за фраера.

То, что Атаманов «кредитует вниманием» не случайно, не по слабости, а осознанно, его шеф подметил еще в Забайкалье.

– Может, ты и прав, – сказал он как-то к слову, – не самые глупые люди и не вчера придумали: «Ничто не достается нам так дешево и не ценится так дорого, как вежливость». А с другой стороны, Николай, на всех свиней бисера не напасешься.

– Почему «на всех», Вячеслав Вячеславович? На всех действительно не хватит, да и ни к чему. А для проведения селекционной работы горсточку бисера не жаль сыпануть.

Статус первого заместителя автоматически подразумевал периодическое пребывание Атаманова в качестве первого лица. Происходило это во время командировок или отпусков шефа.

По традиции главный инженер был «более первым» заместителем, чем он. Но по своей натуре Иван Павлович был прежде всего «инженер», а потом уж «главный». По этой причине он на дух не переносил заниматься ремонтом и тем более распределением жилья, магазинами и детскими садами, спартакиадами и смотрами художественной самодеятельности.

Неудивительно, что вскоре по его инициативе функция подменять начальника, «оставаться на хозяйстве», полностью перекочевала к Атаманову.

Окунувшись в побочную по отношению к железнодорожным перевозкам деятельность, Николай еще острее ощутил «голод» на хорошие кадры. Целеустремленный поиск способных помощников постепенно превратился у него из эпизода в систему. Если до этого он вникал, насколько качественно и в какие сроки выполнена поставленная им задача, то теперь этот перечень вопросов был дополнен еще одним: «кем?». Победы и поражения фиксировались, обобщались. На их основании стали приниматься кадровые решения.

И наконец он принес шефу проект распоряжения, предписывающий отделу кадров выполнять подобные процедуры постоянно и оформлять их документально. Через пару месяцев, когда начальник отдела кадров на оперативке у НОДа отчитывался о первом опыте реализации новой системы, Атаманов его упрекнул:

– Почему вы ограничили кадровый резерв рамками НОДа? Мы постоянно работаем с подрядчиками, с соседями-коммунальщиками, с городским образованием, со здравоохране-

нием. Не секрет, что наши кадры по своему уровню в городе далеко не лидеры. Поглядывайте в чужой огород. Высматривайте светлые головы.

– Что нам с ними потом делать в чужом огороде? Воровать?

– Мы не гололобые, чтобы воровать. Мы и купить можем.

В выходной день Вячеслав Вячеславович, как это уже не раз случалось, пригласил своего холостого заместителя в гости, на домашний обед.

Наливая гостю рюмку под соляночку, шеф спросил супругу:

– Глафира! Можно я Николая развлеку на тему «индейцев»?

– Развлекай, только без фамилий.

– Коля, в школе у Глафиры половина преподавателей – жены наших, железнодорожников.

Одна из них звонит мужу на работу. Секретарь отвечает: «Его нет на месте. Вызвал „охотник за головами“»...

На второй или третий день работы в качестве первого заместителя Атаманов обнаружил, что из восьми зависших вопросов шесть упираются в снабжение. Приглашенный по этому поводу начальник отдела снабжения Трошин по памяти, не заглядывая в бумажку, объяснил, что по металлопрокату вопрос решается через управление дороги и что поставки обещаны в следующем квартале.

– По остальным, по линии МПС, как говорят милицейские, «полный висяк». Надо доставать. На моем уровне пиломатериалы мне пообещали. А с краской и особенно с подшипниками беспросветно. Надо обращаться выше. Если вы не боитесь одалживаться, попросите ребят вашего «слоя». Позвольте, я схожу к себе и принесу две свои секретные тетрадки: «Что у кого» и «Что мы кому». Полистаем их и решим: по чью душу и с чем обращаться.

Трошин работал на своем посту третий десяток лет. Еще четыре года назад он мог выйти на пенсию. Но его упростили еще потрудиться. Да он и сам сильно не упирался.

– Что вы будете бегать по коридорам, Павел Михайлович. Давайте зайдём к вам и посмотрим.

После того как они вместе набросали список нужных лиц, Атаманов пожаловался:

– Паршиво быть новичком в миллионном городе.

– Да помилуйте, Николай Петрович. Попомните мои слова: через полгода весь ваш «слой» в полном составе будет крепко-накрепко сидеть здесь, – он ткнул пальцем в лоб, – и брать трубку по первому звонку. В одном я вас все же рискну поправить: в миллионном городе нашему брату-снабженцу гораздо уютнее, чем в двадцатитысячном. В нем, если мозгами и ножками шевелить, почти все раздобыть можно. А в шестимиллионном – вообще все!

– Павел Михайлович, просветите, что за «слой» вы уже не раз упомянули?

– Тут такая история. На первый взгляд, Камск – город большой, многолюдный и бескрайный. Но если присмотреться, то весь народ расположен слоями. Как торт «Наполеон». Слоев много, лежат они стопкой. Потому не такой уж он безбрежный. Но самое интересное, что все в одном слое знают друг друга как облупленных. И неплохо тех, кто в соседних двух. Этого для нормальной работы, да и для жизни, хватает «за глаза». Ваш «слой» – вторые лица всех городских организаций. Мой смежный, под вашим. Над вашим слоем находится директорский. Еще выше – партийно-советская власть. Хотя «властный» корж называется верхним, а корж, в котором обретается МОП¹¹, нижним, на самом деле лежат они наоборот. Не может же крем стекать в сторону МОПа!

Мудрый Трошин оказался прав. Не прошло и полгода, как Атаманов перешел на «ты» почти со всеми своими «однослойниками». Куда денешься: железнодорожные услуги нужны всем. Даже «самоходным» авиаторам или автомобилистам. Он тоже завел себе тетрадку, подобную «трошинской», и примерно раз в квартал советовался с ним по ее содержанию.

¹¹ Младший обслуживающий персонал.

Новое, полезное, передовое, прежде чем его приспособить к делу, требуется отыскать в окружающем нас хаосе. Дано это не каждой паре глаз. Этим качеством обладают люди, умеющие ценить и предвидеть гармонию, красоту, комфорт, способные, даже находясь по колено в грязи, увидеть в будущем порядок и чистоту, трезво соизмеряющие потребности с возможностями.

Вспомнить об этом Атаманову пришлось очень скоро. Министерство предложило создать в Камске зональный металлургический центр, который обслуживал бы потребности всей Уральской дороги. Проект оказался привлекательным. Под него были обещаны и деньги, и фонды на оборудование. Но после всесторонней проработки железнодорожники решили от подарка судьбы отказаться: на ближайшие три года в Камске не было свободных строительных мощностей, способных выполнить такой объем работ.

Атаманов только собирался дать поручение составить мотивированный отказ, когда раздался телефонный звонок от коллеги по «слою» – главного инженера Камэнерго.

– Николай Петрович! Помоги моему другу.

– Если смогу, с удовольствием.

– На Боткинской ГЭС в сентябре запускают последний – десятый агрегат. Две трети строителей переориентировано на строительство городских объектов, а для оставшейся трети подбирают объемы работ. Без вариантов, что в следующем году им придется перебазироваться. Сейчас они готовят заявку для Госплана на транспорт для передислокации. Не найдется ли у вас специалистов по смешанным – железнодорожным и водным перевозкам? Надо помочь им поработать над заявкой и потом организовать ее сопровождение в МПС.

– Свободные строительные мощности, говоришь? – Атаманов даже привстал. – Звони своему другу, чтобы срочно выходил на меня. Все сделаем в лучшем виде!

После разговора с заместителем начальника Воткинскгэсстроа он чуть ли не бегом влетел к шефу:

– Вячеслав Вячеславович! Ключет!

Следующим утром на «кукурузнике» Атаманов вместе с начальником строительного отдела вылетел в Чайковский. «Смотринами» обе стороны оказались довольны. Далее пошла рутинная работа: походы в обком, МПС, Минтопэнерго, Госплан, Госстрой.

Через пару месяцев на селекторном совещании начальник дороги минуты три раздавал комплименты шефу и Атаманову «за инициативу и творческий подход». Это не помешало ему через неделю объявить им выговор за нецелевое использование средств на реконструкцию стадиона «Локомотив».

К первому своему «камскому» взысканию Атаманов отнесся спокойно. Утешало, что выговоры выносят и снимают, а стадионы остаются.

Брюллов, Дьяков. Июль 1963. Утро

За неделю до выезда на республиканские студенческие игры всех членов сборной Камской области перевели на «казарменное положение». В гостинице «Речной вокзал», в нескольких огромных комнатах верхнего этажа, человек на пятнадцать каждая, поселили футболистов, «настольных» теннисистов и акробатов.

Талоны на питание им дали две недели назад, сразу после окончания весенней сессии. Тогда же и предложили переехать в гостиницу. Ребята, жившие в общежитиях, снимавшие «угол» или чрезмерно опекаемые родителями, воспользовались этим сразу. Тем более что кормили спортсменов в столовой пароходства, расположенной рядом. Для Юры эти проблемы не были актуальными: квартира у них была уютная, к тому же недалеко от стадиона, где проходили тренировки. Родители его не «доставали», а мамино кулинарное мастерство было вне конкуренции. В столовую он ходил только на обед сразу после тренировок, да и то, когда у мамы были занятия в институте.

Когда Юра впервые появился в гостинице, в комнате никого не было, кроме парня, лежавшего в тренировочном костюме на заправленной кровати, и стоящей перед ним фигуристой девчонки.

Не замечая Юру, парень сделал уголок, задрал ноги вверх, и голосом Озерова¹² изобразил:

– Эти ноги принесут России славу!

– Ты так думаешь? – среагировала «фигуристая». – Не уверена. А вот эти ноги, – она выставила вперед левую ногу и приподняла подол юбочки сантиметров на десять выше колена, – принесут России не только славу, но и валюту.

Юра осторожно кашлянул. Девчонка испуганно опустила подол в исходное положение, а парень, захохотав, пружинисто вскочил с кровати.

– К нам? Заходи, – он протянул руку. – Санька, футбол, универ, юрфак. Если будешь звать меня Деловой, тоже не обижусь. А это Варвара Васильевна. Если не так пышно – Пружинка. Акробатика, первый разряд. В миру – культпросвет-училище, хореография, третий курс. Сейчас мы пробуемся в ансамбль Моисеева в надежде покорить мир и наполнить закрома Родины валютой. Я ничего не перепутал, Варюха? А ты что о валюте подумал? – и он снова рассмеялся.

Юра протянул руку навстречу, кивнул Пружинке, представился:

– Юра, политех, метфак, третий курс, настольный, тоже «первый». Мне сказали, что у вас два места свободные.

– Правильно сказали, выбирай! – Санька ткнул пальцем в две кровати. – Рекомендую ту, что у окна.

Юра аккуратно поставил сумку с вещами на стул, стоящий вплотную к задней спинке кровати, махнул рукой обладателям ног, которые должны принести России славу и валюту, и сбежал вниз.

Ребята ему понравились.

¹² Популярный спортивный комментатор.

Дьяков. 1963

– Ничего вроде парень, – сказал Санька вдогонку, – интеллигент.

– Не то что некоторые, – попыталась сыграть на обострение Варя.

– Не нагнетай, подруга. Я даже на поле, когда сбиваю соперника с ног, всегда извиняюсь.

Вот и сейчас, вместо того чтобы дать тебе отпор или хотя бы пристыдить, совершаю красивый поступок. Мадемуазель, чтобы не попасть в нарушители спортивного режима, разрешите пригласить вас хоть на дневной, но сеанс. «Мой младший брат» вас устроит?

... После своего футбольного триумфа на юношеском кубке Камска Санька почти решил посвятить себя спорту. Тем более что иногда его выпускали играть за «взрослую» заводскую команду.

За полгода до окончания школы, встретив у спортзала школьного физрука Василия Ивановича, он спросил у него совета: куда поступать – в наш педагогический институт или в ленинградский имени Лесгафта? Василий Иванович, который теперь был на голову ниже Саньки, взял его под локоток и открыл дверь в пустой зал:

– Заходи. Тут одной фразой не отделаться.

Они присели на гимнастическую скамейку, и Санька услышал от своего многолетнего наставника совсем не то, что ожидал.

– Саша, когда тренер сделал тебе втык за то, что мало играешь головой, я обрадовался. Значит, понимаешь, что Бог дал человеку голову не для того, чтобы ею забивать голы. Для футболиста-профессионала ты, как это ни смешно звучит, стар. Профессионалы в семнадцать лет уже играют в команде мастеров, на худой конец, в дубле. А ты – во взрослой команде, но в любительской. Главное, ты толковый парень, общительный, настойчивый, волевой. Думаю, что из тебя получится хороший руководитель. Нелады сточными науками? Иди на юридический, географический. Займись общественной работой. А футбол тебе в жизни пригодится. Будешь играть за сборную, ну, скажем, Верховного Совета. С животиком, но технично. Неплохо?

Чтобы заполучить в университет футболиста-перворазрядника, заведующий кафедрой физического воспитания нанес визит самому ректору.

Так Дьяков оказался на юридическом факультете университета. Этой весной он благополучно, всего лишь с двумя тройками, окончил второй курс. Не напрягая кафедру физвоспитания созданием персонального «режима благоприятствования».

Футбольной команды в университете практически не было. В городских и областных первенствах вузы обычно участия не принимали. Футбол – летний вид спорта, а нормальные студенты лето проводят на каникулах или на практике. Чтобы содержать футболистов-«подснежников», как это делали крупные заводы, финансовая вузовская «кишка» была слишком тонка.

К студенческим первенствам и к спартакиадам в университете на скорую руку собирали, как сказали бы сейчас, «временный творческий коллектив». За последние десять лет «вахтовики» ни разу не смогли пробиться в «плэй-офф». Став студентом, Санька договорился с председателем университетского спортклуба, что в городе и области он будет продолжать играть за заводской «Мотор», а на студенческих выездных первенствах – за университет. Совсем недавно он пополнил свой лексикон термином «легитимно» и теперь небрежно пользовался им в случаях, когда кто-то пытался уличить его в спортивном «многоженстве».

Все действительно было «тип-топ». Санька был не только студентом очного отделения, но уже третий год числился разнорабочим механического цеха (на половину ставки). Зарплату за этот ударный труд он получал почтовыми переводами, эпизодически испытывая при этом легкое угрызение совести. В эти минуты он каждый раз давал себе наказ хотя бы разок посмотреть своими глазами, что это за штука такая – механический цех.

В свои двадцать лет Санька завоевал в заводской команде немалый авторитет. Когда по ходу игры тренер заменял капитана команды, пошедшего на третий десяток, капитанская повязка передавалась Саньке. Свидетелем такой передачи футбольной власти и оказался ректор университета, приглашенный в гостевую ложу стадиона ее хозяином и своим давним другом – директором завода «Мотор».

К футболу ректор был равнодушен и с «недееспособностью» университетской команды, несмотря на все объективные причины, мириться не хотел. Когда диктор объявил: «Вместо выбывшего из игры Смирнова, номер три, обязанности капитана команды принял Дьяков, номер одиннадцать...», – ректор на несколько секунд задумался, что-то мучительно выцарапывая из памяти. Затем, достав из нагрудного кармана авторучку, записал на коробке папирос «Казбек» всего два слова: Соколовский – Дьяков.

Спустя два дня заведующий кафедрой физического воспитания Соколовский и Санька сидели в ректорском кабинете. Четыре года, проведенные ректором на фронте, не вытравившие из него культуру общения профессора старой школы. Свой пятиминутный монолог он окончил словами:

– Все аргументы «против» я знаю вдоль и поперек. И, тем не менее, убедительно прошу вас, Николай Васильевич, и вас, Александр, подготовить предложения по созданию в университете такой футбольной команды, которая по своим результатам не уступала бы научной и учебной командам нашей «альма-матер».

Брюллов, Дьяков. Июль 1963. Поздний вечер

На ужин почти все обитатели «Речного вокзала» отправились вместе. Еще в начале сборов каждому одновременно с талонами на питание выдали комплект спортивной формы студенческой сборной области. Устоять от соблазна пройтись по улице в темно-синих тренировочных костюмах с небольшой эмблемой спортивного общества «Буревестник» на левой стороне груди и с крупными белыми буквами КАМСК через всю спину было трудно. Более того, невозможно.

Столовую речников только-только переоборудовали на новую для СССР систему самообслуживания. Заранее наполненные тарелки с закусками и горячими блюдами и стаканы с напитками стояли в десятиметровом парадном строю перед проголодавшимися спортсменами, словно призывая: «Выбери меня». Поговаривали, что новую систему лично углядел и оценил при посещении США бывший сталинский нарком торговли, а ныне зампред Совмина Анастас Микоян.

Когда, мысленно поблагодарив наркома, Юра с полным подносом аккуратно отошел от кассы, кто-то назвал его имя. Оторвав взгляд от тарелочки с салатом «Столичный», Юра увидел Саньку, показывающего на свободный стул рядом с собой.

Новый знакомый не теряя времени даром.

– Это очень здорово, что ты и перворазрядник, и металлург. Железнодорожники затевают строительство новейшего металлургического центра. Через три года им молодые специалисты во как понадобятся! – Санька резко черкнул слева направо большим пальцем правой руки у собственного горла. – Хороших теннисистов у них отроду не было. А тут готовенький. Хоть отливать, хоть ковать, хоть шариком стучать. Лет пять после института еще запросто поиграешь! Хочешь, я Атаманову подскажу, чтобы не прохлопали ценный кадр? – спросил Санька, уминая двойную порцию гуляша.

– Что за Атаманов? – поинтересовался Юра.

– Пока заместитель начальника Камского отделения.

– Почему пока?

– Потому, что ненадолго. Он далеко пойдет. Спроси любого: кто спортивный меценат у железнодорожников? Атаманов!

– Давай, Саня, не будем гнать лошадей. Насколько я разбираюсь в урологии, нам с тобой предстоит еще много чего сотворить. Получить удовольствие от ужина. Раз. Нормально выступить на играх. Два. Обеспечить устойчивую взаимность у таких девчонок, как Пружинка. Три. Убедиться, что именно железнодорожники достойны, чтобы их выбрал молодой, талантливый инженер, гордость отечественного спорта Юрий Владимирович Брюллов. Четыре.

– Что ты, Юрка, себе цену знаешь – это хорошо. Но из твоих четырех оговорок только с одной могу согласиться: ужин надо завершить на высокой ноте. Если бы не контрольная игра завтра, то по стаканчику, пардон, по бокалу игристого напитка следовало бы употребить. Для утешения давай ударим хотя бы по виноградному соку. Все остальные твои «карты» кроются козырем, который называется «одно другому не мешает!».

– Ладно, уговорил, – улыбнулся Юра, – теперь мне понятно, почему ты представился Деловым. Может, пройдемся по набережной?

Брюллову все больше нравился этот открытый, энергичный и, похоже, доброжелательный парень. Трудно даже сказать, чем именно. Вызывало симпатию не столько наличие каких-то особых черт характера, сколько отсутствие того, что Юру часто тяготило и раздражало. У своего нового знакомого он не обнаружил стремления «рисоваться», пустословия, хождения «вокруг да около». Налицо был еще один плюс: темы, которыми фонтанировал Санька, все как одна были Юре интересны.

В отличие от Брюллова, Санька точно определил, чем ему приглянулся теннисист. С малых лет, неизвестно откуда, появилась у него привычка проверять свои мысли на собеседнике. Даже на случайном. Он ставил заинтересовавший его вопрос предельно остро, «торчмя», и внимательно следил за реакцией слушающего. Бывало, что отклик собеседника подсказывал направление дальнейших Санькиных действий.

В четвертом классе на перемене он подошел к одиноко сидевшему на подоконнике старшекласснику и поделился с ним одним наблюдением и одной идеей. Наблюдение было лаконичным и точным: новенький, которого три дня назад посадили с ним за одну парту, не дал списать домашнее задание по арифметике.

– Это же надо, какой жмот! – возмутился Санька.

– Возможно, – расплывчато ответил старшеклассник, – а какие выводы?

– Отметелить бы надо, – изложил идею Санька, – но один я не справлюсь. Вон он, дылда!

Санька взглядом показал на своего соседа и продолжил:

– Давай, вдвоем?

– Я бы с удовольствием, но это мой брат. Борька, – позвал он, – иди сюда! Эта жертва аборта собирается тебя метелить.

Борька не торопясь подошел к ошарашенному Саньке.

– Этот? – уточнил он у брата.

– Этот.

Борька зажал Санькин нос между указательным и средним пальцами левой руки и полюбпытствовал:

– Будешь метелить или помилуешь?

Санька вспомнил репродукцию картины «Юный партизан на допросе» и, чтобы хоть как-то сохранить лицо, секунды три-четыре терпел. На большее терпения не хватило:

– По-омилу-ую...

– Большое спасибо.

Борька, не отпуская носа, повернул Саньку на девяносто градусов и что есть силы правым коленом под зад отправил его в свободный полет.

В результате обмена мнениями с братьями Санька не только снял с повестки дня вопрос о наказании Борьки за жмотство, но и на будущее несколько ужесточил требования к подбору советников.

Юрка не только внушал ему доверие, но и оказался благодарным слушателем. Такие под ногами не валяются!

Санька с Юрой вышли из столовой и неспешно двинулись вдоль недавно отстроенной и приведенной в порядок набережной, километров на пять протянувшейся вдоль Камы.

В том же режиме (Санька вещает, Юра внимает, реагирует) они обсудили перспективы их будущих профессий, минусы и спорные плюсы недотрог и очевидные достоинства и скрытые недостатки отзывчивых представительниц прекрасного пола. Не обошлось без спортивной тематики.

Санька не без гордости описал свое место в мире камского футбола, недавнюю встречу с ректором, а завершил рассказ в своей манере – вопросом, который требовал оценки собеседником.

– Не знаю, хорошо это или плохо. С одной стороны, сам ректор держит за человека, дает суровое задание. С другой, не вижу, как это задание выполнить.

Минуты две-три приятели шли молча, пока Юра не собрался с мыслями:

– У тебя же имеется отличный и, главное, опробованный вариант. Учеба – на «очном», завод – «по совместительству», футбол – пополам. Умножаешь твой опыт на одиннадцать и получаешь основной состав.

– Ты меня за больного на голову принимаешь? Думал я над этим. Хороших футболистов с десятилеткой кот наплакал. В «Моторе» таких всего трое.

– А ты посмотри по всему городу. И начинай не с «молодняка». Им лавры Яшина, Лобановского и Нетто спать не дают. А с ребят, кому за двадцать пять, до кого доходит, что его поезд под названием «профессиональный футбол» уже ушел. И что вся жизнь еще впереди. И в ней высшее образование не последнее дело.

– Это ты правильно рассуждаешь. Мне это же наш физрук говорил два года назад. Но есть еще одна «закавыка». Когда я в единственном числе «воюю на два фронта», то это почти незаметно. А если целая команда? «Подснежники», «очковтирательство». Ты думаешь, что другие ректоры спокойно на это будут смотреть?

Чтобы ответить на этот вопрос, Юре потребовалось в два раза больше времени.

– Это серьезно. Хорошо, что ты об этом подумал. Здесь надо играть на опережение, придумать что-нибудь красивое. Например, шефская помощь Высшей школы заводскому спорту. И инициатива должна принадлежать не университету, а горкому комсомола. Или еще лучше – партии. Чтобы они заставили «универ» это сделать. В итоге все довольны: лавры за «почин» у горкома, за футбол – у ректора, а у ребят знания в голове, пусть хоть на «тройку», и диплом в кармане!

Санька восхищенно присвистнул.

– Ну, ты силен! Юрка, все хотел тебя спросить: у тебя школьного или спортивного прозвища нет?

– В седьмом или восьмом классе было. Хаджи-Мурат. Если его рыжую бороду сбрить, то что-то общее у нас имеется. Потом я уехал в Камск, а Хаджи-Мурат так и остался в Иркутске. А что?

– Ты достоин профессионального прозвища. Например, Академик. Не раздражает?

– Да вроде нет.

– Беру на вооружение.

Дьяков. Июль 1963. Три дня спустя

Предложенный Санькой план организации университетской футбольной команды ректору понравился, а идея идеологического прикрытия привела в восхищение. Немедленно были приглашены проректор по учебной работе, секретари парткома и комсомола. Соколовскому и Дьякову ректор поручил подобрать будущих студентов, секретарям – подготовить и начать реализацию «почина», проректору – проработать механизм приема (до приемных экзаменов оставался месяц).

– Дайте задание деканам, – добавил он проректору, – чтобы ребята не только играли, но и учились по-настоящему. На первом курсе прикрепите к каждому куратора. Есть ко мне вопросы? Тогда выполняйте.

Он сделал паузу, как бы завершив официальную часть, и продолжил:

– Не по годам вы мудрый, Александр. И даже опасный. Что, если такой интеллект, да во враждебных целях? А пока в рамках моих полномочий категорически запрещаю вам играть головой. Особенно в защите.

– Извините, Петр Павлович, но подобное я уже от кого-то слышал.

Получив персональное ректорское задание, Дьяков, сразу же после поездки на студенческие игры (один матч выиграли, один – ничья, два проиграли), за две недели переговорил почти с двумя десятками потенциальных студентов из пяти городских команд. «Улов» оказался более чем приличным. Дюжина футболистов, включая двадцатилетнего мастера спорта Ножкина, завершающего свой спортивный век в дубле «пушкарей», проявили к Санькиному предложению интерес.

Кого приглашать окончательно, решали втроем: тренер, Соколовский и Санька. Все кандидатуры он предварительно обсудил с Академиком. В отличие от многих, помощь Академика была комфортной. Он не делал партнеру одолжения; не унижал его, обнаружив ошибки; демонстрировал свой истинный интерес к обсуждаемой теме.

Когда Санька выложил перед ним табличку с информацией о претендентах, Юра, после длительного изучения, задал вопрос:

– Вы команду создаете на пять лет?

– Наш ректор ничего не делает «на халтуру». Только капитально. А в чем дело?

– Из двенадцати кандидатов на семь первых мест ты поставил ребят, которые через пять лет все вместе дружно покинут университет. А это будет хорошо сыгранный костяк команды. Будете снова начинать всё с нуля?

– Есть варианты?

– Не без того. Постараемся набрать состав, который будет меняться ежегодно не более чем на четверть. Если парня принимаем на рабфак, то он наш на шесть или семь лет. Шаумян из «Сокола» у тебя предпоследний, а он был отчислен с третьего курса. Если восстановят – замена через три года. Географы и бухгалтера у вас учатся четыре года. Ротация почти равномерная. Еще одно. Не стоит гнаться за полным составом из «профи». Если их будет человек шесть-семь, «любители» подтянутся, заиграют гораздо сильнее.

– Ну ты «мозга», Академик!

На ближайшем «треугольнике» Санька изложил принцип формирования команды, не упустив красивый термин «ротация». К вечеру того же дня Соколовский посвятил в тонкости ротации ректора.

Петр Павлович довольно хмыкнул:

– Толково. Сами изобрели или позаимствовали?

– Изобрели. В соавторстве с Дьяковым.

Инициатором шефства университета над заводскими спортсменами стал горком комсомола.

Двух футболистов приняли на рабфак, двух – на «пяtilетние» специальности. «Переросток» Ножкин по собственной инициативе поставил ультиматум – учиться не более четырех лет и без хитрой математики. Его удовлетворили географией. Шустрый полузащитник из «Нефтяника», который постоянно «химичил», обналичивая талоны на питание, твердо назвал «бухгалтерский учет». Опять же – четыре года. На третий курс восстановили Шаумяна.

Дьякову повезло: «летний» футбол почти не накладывался на «зимнюю» учебу. За труды праведные ему предоставили право на свободное посещение занятий, которым он старался пользоваться как можно реже. Обе сессии третьего курса он сдал без троек. Способствовала этому невинная уловка: на занятиях он выбирал место прямо перед преподавателем, не дальше второго ряда. Но «секрет фирмы» заключался в другом. По вечерам Санька бегло просматривал учебники по курсам, которые им должны были читать завтра. Почти в каждой теме были сюжеты с элементами дискуссии. Например, сравнение федеративного и конфедеративного устройства государства. Сварганить умный вопрос из этих противоречий не требовало особых талантов:

– Какая тенденция более перспективна сейчас, в эпоху технического прогресса и расширения коммуникаций: в сторону конфедераций или наоборот?

За семестр перед одним и тем же преподавателем Санька «засвечивался» раза два-три, не более. Но этого хватало, чтобы на экзамене или на зачете лектор мог доброжелательно пошутить со всеми вытекающими отсюда положительными последствиями:

– Теперь, коллега, наступила моя очередь задавать вопросы.

Уловки уловками, но когда он листал учебник в поиске подходящего вопроса, в голове тоже кое-что откладывалось.

Атаманов. 5 августа 1963. Утро после Дня железнодорожника

Железнодорожники всегда были уважаемой профессией. Подобно летчикам или металлургам. Недаром еще товарищ Сталин выделил всем им для праздника по летнему дню. Металлургам – в июле, летчикам и железнодорожникам – в августе. Когда можно расстегнуть форменный китель и гульнуть от души не в тесном помещении, а на природе. Это вам не ноябрьские заморозки «милицейских» или декабрьский колотун энергетиков.

В прошлом году начальник дороги в порядке поощрения включил Вячеслава Вячеславовича в состав делегации, выезжающей в Чехословакию.

Завод «Шкода-Пльзень», выпускающий знаменитые чешские электровозы, пригласил к себе представителей своего самого масштабного заказчика. Уже в Пльзене гости выяснили, что город славится не только и не столько своими электровозами, сколько пивом.

Задумано это было специально или произошло случайно, но именно во время их командировки в Пльзене проводился ежегодный пивной фестиваль.

Приличные машиностроительные заводы были и в Камске. Но праздника, подобного этому, НОД-4 не видел никогда. Может ли нормальный человек представить, что на праздник пива люди идут с детьми? Только в сказках (и это как минимум) в десяти пивных ресторанах бесплатно раздают наполненные кружки с белыми шапками пены и никто при этом не кричит: «По одной в одни руки!».

На нескольких сценах выступали музыканты разных жанров, дурачились клоуны. Горожане и их гости сражались за победу в скоростном поглощении напитка, в метании пивных подносов. На древнем пивном заводе пробовали пиво прямо из бочек.

А попробовать было что!

Пиво Вячеслава Вячеславовича восхищало, но не удивляло. Удивляло явление, которое он назвал «нарядная незаорганизованность». Весь город был ярко и оригинально одет, украшен явно не по приказу. Это был праздник веселых, раскрепощенных и, еще один сюрприз, не пьяных людей. Пиво играло в этом веселье свою роль. Но не главную. Оно больше было поводом для веселья.

Еще в Пльзене запала в голову НОД-4 почти шальная мысль: попробовать устроить подобное для своих железнодорожников. Ведь мы из того же теста, что и чехи, слеплены. Тоже душа порой требует красоты и задора. Пусть у нашего паровоза труба пониже и дым поуже, но на свисток пара у нас всегда хватало.

Ни с кем своей задумкой до поры до времени Вячеслав Вячеславович не делился. Да и сам уже стал ее забывать. Вот только разбудила эту мысль телеграмма из министерства за тремя важными подписями, полученная в начале апреля. Сообщалось в ней, что их отделение признано победителем Всесоюзного социалистического соревнования за квартал.

Народная мудрость гласит: «Победителей не судят». Это просто победителей. А уж победителей социалистического соревнования, тем более всесоюзного, не только не судили, но и премировали. Довольно щедро.

И недаром поколение Вячеслава Вячеславовича выросло под звуки марша авиаторов, который начинался словами:

«Мы рождены, чтоб сказку сделать былью!»

Круглая сумма различных премий, полагающихся Камскому отделению за победу в соревновании, могла стать материальной базой для подтверждения этих слов. Попробовать

превратить сказку в быль Вячеслав Вячеславович задумал в форме проведения Дня железнодорожника.

Первый, с кем начальник отделения поделился своим замыслом, был профсоюзный лидер. Всякую лирику начальника, типа: «горят глаза», «психологический климат», «непьяное веселье» – председатель профкома толком не понял, а значит, и не оценил. Зато его острый «аппаратный нюх» с ходу учуял потенциальный размах предлагаемой акции и последующий руководящий резонанс. Учужал настолько, что сразу назвал возможную и немалую сумму профсоюзного взноса в финансирование «мероприятия».

После этого НОД вынес свою идею на обсуждение «малого хурала» – секретарей партийного и комсомольского комитетов, профсоюзника и заместителей. Он поделился своими плюзенскими впечатлениями и предложил: пока имеются деньги, давайте устроим для наших людей красивый праздник!

Денежный аргумент был более чем убедительным: когда следующий раз Камскому отделению подвалит счастье ходить в передовиках, знал только беспартийный Господь. По той причине, что все присутствующие на тот момент числились атеистами, вслух о нем никто не вспомнил.

Единодушного одобрения Вячеслав Вячеславович не получил. Более того, «главный», как обычно, без реверансов заявил:

– Я человек приземленный. Примеряю ситуацию на себя. Имею два варианта. Первый – получаю премию купюрами или дефицитом. Например, не откажусь от хорошей стиральной машины. Второй – вхожу с вами, дорогие коллеги, в долю, после чего мы с гулом наши премии прогуливаем. Итог первого варианта: у меня в ванной лет на пять осталась хорошая и полезная машина. Итог второго: на пару недель остались, возможно, приятные воспоминания, а на понедельник, точно, похмельный синдром. Вывод. Я за традиционные формы поощрения: большинство – деньгами, особо отличившихся – дефицитом. Но свое право «вето», которого у меня, по большому счету, нет, для убийства красивого праздника использовать не буду.

Партия, профсоюз и комсомол в союзе с Атамановым и НГЧ идею праздника поддержали с энтузиазмом. Еще два заместителя выразили осторожный оптимизм.

Вячеслав Вячеславович подвел итог дискуссии:

– Учитывая гуманизм Ивана Павловича, который не наложил «вето» на мою задумку, и никем не отмененный в системе МПС СССР принцип единоначалия, объявляю предложение о масштабном проведении Дня железнодорожника принятым за основу. Поручаю:

– экономистам и профсоюзу составить смету праздника;

– Атаманову, НГЧ и начальнику ОРСа¹³ представить перечень доступного для нас «дефицита»;

– всем, включая воздержавшихся, подготовить свои предложения по содержанию и организации праздника.

Через три дня собираемся в том же составе для совместного шевеления мозгами. Как это теперь называют? Мозговой штурм?

«Шевеление мозгами» НОД назначил на пять вечера, рассчитывая, что к шести часам все завершится.

Разница между сказкой и былью стала проясняться, когда часы показали половину восьмого. Обмен мнениями начали с обозначения жанра: праздник на открытом воздухе. Знакомый аналог – татарский Сабантуй.

С местом проведения проблем не возникло: у железнодорожников имелся собственный, недавно реконструированный, стадион с прилегающим небольшим парком. Что важно, с общим неплохим ограждением. В парке летом не первый год размещался гастролирующий в

¹³ Отдел рабочего снабжения.

Камске цирк-шапито. В любом случае на день праздника его следовало скупить «на корню», как часть «культурной программы». Если не повезет с погодой, он сможет выполнить функцию зонтика.

Единодушно согласились, что как минимум половину участников праздника составят обитатели станций и полустанков отделения. Вплоть до самых дальних.

«Ресурсная группа» доложила, что основной «рублевый ресурс» может быть сформирован за счет четверти министерской премии «по итогам соцсоревнования». С минимальным риском он может быть солидно дополнен, если отщипнуть по пять или десять процентов от «специальных» премиальных фондов, начиная от «социально-культурных мероприятий» и до «за сдачу металлолома».

«Натуральный обмен» с друзьями-клиентами сулил получить автобусы для перевозки гостей праздника, щедро развернуть буфеты и пивные точки. На той же основе вырисовывались неплохие перспективы торговли дефицитом местного производства: электроутюгами и радиолами, телефонными аппаратами, электронасосами для нового класса советских людей – «мичуринцев», велосипедами и даже бензопилами.

Прозвучавшие предложения не потребовали много времени для обсуждения и не могли претендовать на оригинальность. Система больших и малых хитростей финансового и материального обеспечения многократно была обкатана в процессе «культурного сопровождения» всякого рода партийно-хозяйственных, профсоюзных и комсомольских активов, конференций и собраний. Всего того, что сегодня называют сочным, щедрым и разгульным термином «корпоратив».

– Все это хорошо, братцы, но где изюминка? – спросил НОД-4.

– Вячеслав Вячеславович! – подал голос «главный». – Ты прав – пороха мы не придумали. Но тогда, будь добр, уточни, что бы ты хотел получить на выходе?

– Если одним словом, то теплоты. Чтобы наши люди почувствовали, что мы к ним по-человечески, а не «согласно постановлению» относимся. Чтобы нам в ответном порядке тоже чуть любви перепало.

– Можно? – поднял руку Атаманов. – По моему разумению, теплоту дает не столько то, что делается, а как сделанное преподносится. Я на той неделе из милиции вызволял Шухова – обходчика «Сортировки». За что он туда попал? В выходные в поселковой забегаловке принародно врезал своему соседу. По какому поводу? Вот тут – внимание! За то, что сосед плохо отозвался о начальнике «Сортировки» Дудкине. За что такое почтение к начальнику? В январе Шухов в сорокаградусный мороз обнаружил скол рельса и грамотно предупредил аварию «тяжеловесного». Другой бы начальник ограничился премированием. А Дудкин распорядился достать и купить телевизор (второй или третий в поселке!), антенну и лично вместе со слесарем по автоматике приехал домой к Шухову – вручать. Пока слесарь устанавливал антенну и настраивал телевизор. Дудкин пил чай и рассказывал жене и двум пацанам Шухова, какой у них отец герой. На основании вышеизложенного предлагаю поискать «теплоту» в качестве исполнения.

– Что тем более требует свежих идей, – не сдался НОД.

Единственной идеей, претендующей на «свежесть», было пригласить железнодорожников на праздник с семьями. Устроить для детей свое веселье, выезд в зоопарк, в центральный городской сад, на аттракционы. НГЧ предложил закамуфлировать под паровоз и вагоны уазик, три прицепа к тракторам и организовать на них катание по парку самых маленьких гостей.

– И сделать для них небольшие подарки, подобные новогодним, в «фирменных» пакетах, – дополнил начальник ОРСа.

Все остальные идеи укладывались в рамки лозунга древнеримских плебеев: «Хлеба и зрелищ». По «зрелищам» прошли быстро, без споров. Цирк, футбол, а до и после него – показательные выступления гимнастов, акробатов, боксеров и самбистов, блицтурнир по волейболу.

Зато «хлебная» составляющая привлекла всеобщее внимание. Разожгла аппетит информация «ресурсной группы» о возможностях торговли дефицитом. Возможности по тем временам действительно были нешуточными. От ста до трехсот единиц по каждому из видов товара.

Стихийно началось обсуждение деталей: как продавать на празднике те же бензопилы – «в металле» или талонами. Если «в металле», то надо что-то приспособить под камеру хранения. Разгорелся спор об ассортименте буфетов. Можно ли торговать «на вынос» или ограничиться социалистическим принципом: «Что съел и выпил – все твое».

«Товарному» направлению организации праздника неожиданно для всех и, похоже, для себя лично включил красный сигнал светофора комсомольский вожак. Забившись в угол, он молча наблюдал за извержением фонтана идей, потом подошел к то же пока безмолвному председателствующему и что-то прошептал ему на ухо.

– Минуту внимания! – громко объявил НОД. – Семен, повтори, пожалуйста, всем.

– Я слушал про буфеты и камеру хранения и пытался представить, как это будет выглядеть в кино.

– И что увидел? – полюбопытствовал кто-то.

– Серия первая: «Революционные движенцы штурмуют Зимний дворец с целью захвата бензопил». Серия вторая: «Герои-путейцы возвращаются домой с трофейной ливерной колбасой». Серия третья: «Забытые зрителями артисты и спортсмены играют в „подкидного“ на футбольном поле стадиона „Локомотив“... Дальше продолжать?»

– Немного злорадно, но реалистично, – уронил НОД. Он встал. Стало тихо.

– Вот что, уважаемые соратники. У меня тоже нарисовался фильм. Всего одна серия. Название: «Конец красивой мечты». Атаманов не даст соврать, в Забайкалье моим соседом по даче был заядлый селекционер Никитич. Было у него маниакальное желание вырастить плодоносящую вишню в наших местах. А вот у вишни, к сожалению, такого желания не было. То вымерзнет, то цветет, а ни одной ягоды не дает. Когда в очередной раз он выкорчевывал предмет своего неудачного эксперимента, супруга его говорила одни и те же слова: «Ну что ты с этой неженкой мучаешься? Не нашего поля эта ягода». Или с пльзенским пивком я переусердствовал, или чешское солнышко напекло, но, похоже, иду я по следам Никитича. Хочу пересадить их ягоду на наше поле. Не может человек быть веселым и свободным от дурных мыслей, если приходится ему думать о куске колбасы. Придется спуститься на нашу грешную землю и обеспечить «тепло» привычными способами.

В этот момент часы и отзвонили ту самую половину восьмого.

Душевный порыв НОД-4 все же не прошел бесследно. Праздник железнодорожников от четвертого августа шестьдесят третьего большинство из тех, кто принял в нем участие, запомнили надолго.

Вспоминали три спецпоезда (по одному на каждую ветку), доставивших гостей в областной центр с самых дальних полустанков. Поезда вообще-то были обычными. И вагоны не самые новые. Но на каждом столике, накрытом салфеткой, стояли цветы, а полы не только плацкартных, но и общих вагонов были покрыты дорожками. Прямо как в мягком.

Дети еще долго потом рассказывали о походе в зоопарк и в «комнату смеха», и подтверждали это документально, показывая всем желающим настоящие персональные приглашения, на которых красавец косолапый мишка в железнодорожной фуражке выглядывал из окна электровоза.

Женщины обменивались мнениями о манекенщицах местного Дома моделей, демонстрирующих на футбольном поле себя и красивые платья. А еще, конечно, о бравых музыкантах военного оркестра, задающих им ритм. Высоко оценивались как платья, так и оркестранты. По поводу манекенщиц единодушно высказывалось пожелание увидеть «эту художу» на отсыпке земляного полотна пути.

Много лет спустя седовласый машинист маневрового тепловоза, отхлебнув глоток «жигулевского», снисходительно говорил своему молодому помощнику:

– Ничего, пить можно. Но с «луньевским» неразбавленным, каким нас угощали в шестьдесят третьем – никакого сравнения!

И все гости были приятно удивлены, когда в автобусах, отъезжающих со стадиона на станцию, вместе с ними оказались все их начальники во главе с НОД, одетые в парадную форму. Они проводили их до самых вагонов.

В последний момент Атаманову пришлось выручать Вячеслава Вячеславовича, неосторожно выразившего восхищение длинноногой дежурной по путям станции Камск-товарная и немедленно получившего встречное предложение, от которого любому нормальному мужчине ох как нелегко отказаться.

На этом под отчетом о праздновании Дня железнодорожника следовало подвести черту. Если бы не три обстоятельства.

Первое. Именно в эти дни в Камске вместе с семьей у тещи гостил заместитель министра путей сообщения по кадрам. Он инкогнито попытался взглянуть, как отмечается его отраслевой праздник почти на границе Европы и Азии, но по «наводке» начальника дороги был «вычислен». Пришлось легализоваться и принять участие в дальнейших официальных и неофициальных номерах праздничной программы, включая проводы гостей и последующий «разбор полетов», состоявшийся в небольшом банкетном зале привокзального ресторана.

Первые часа два у министерского небожителя еще возникали мысли найти удобный предлог и с его помощью прервать свою внеплановую миссию. Но чем дальше, тем больше ему нравился этот начисто лишенный пафоса праздник. Вызывала симпатию и команда его организаторов, и лично лидер этой команды. До этого он несколько раз встречался с Вячеславом Вячеславовичем и был осведомлен, что тот всю свою трудовую жизнь идет в одной сцепке с начальником дороги. С первых минут присутствия на празднике НОД-4 открылся ему с другой стороны. Не броским, но основательным и, бесспорно, лидером.

В лексиконе замминистра проблемные ситуации проходили под кодовым названием «геморрой». Последним «геморроем» уже полугодовой продолжительности была явная слабость начальника Закавказской дороги. Дорога проходила по территории двух республик. Ее начальник должен был выполнять функции не только транспортника, но и политика, и дипломата. Этим нынешний начальник дороги, осетин по национальности, оказался обделенным. Его, мягко говоря, не уважали в обеих республиках. В каждой из них считали, что он подыгрывает соседям. Во время командировки главного железнодорожного кадровика в Ереван председатель правительства Армении сказал ему об этом открытым текстом. Заместитель министра сделал ответный ход:

– Друзья мои, чтобы вы не тратили свое драгоценное время на изучение родословных, может, назначить вам «нейтрала» из славян?

– Хоть еврея, только чтобы с окончанием не на «швили».

Когда Атаманов не без труда высвободил Вячеслава Вячеславовича из объятий бойкой дежурной по путям, НОД-4, с симпатией глядя на своего заместителя, обратился к московскому гостю:

– Забрали бы вы его от меня куда-нибудь на повышение. Какого, паразит, лишил удовольствия!

В этот момент у замминистра мелькнуло: вот этот на Кавказе точно все «разрулит», и «разрулит» по высшему разряду.

Что касается второго обстоятельства, то к тому времени, когда праздник перевалил за экватор, Атаманов с небольшой свитой подошел к площадкам, где проводился блицтурнир по волейболу. Зовущий гортанный женский выкрик заставил его повернуть голову в сторону площадки, где сражались волейболистки. Звук родился при подаче мяча, которую темпера-

ментно выполнила стройная девушка явно не волейбольного роста. Спортсменка оказалась между солнцем и Атамановым. Из-за солнца, светившего прямо в глаза, ему виден был лишь ее силуэт. Но силуэт был таким, что в нем неожиданно даже не проснулся, а взорвался мужчина.

Неловко отбитый противниками мяч летел в аут – прямо на него. Атаманов чуть присел, по-вратарски принимая мяч. Он не стал его бросать, а, сделав пару шагов навстречу, протянул волейболистке. Когда их руки соприкоснулись. Атаманова словно ударило током с напряжением не менее трехсот восьмидесяти вольт.

Сопровождающие не без труда развернули своего шефа в сторону футбольного поля. Несколько шагов Атаманов пятился, не в силах оторвать взгляд от волейболистки.

– Что за команда? – догадался спросить он у «комсомольца» Сени.

– «Камск-2».

Так называлась одна из двух пассажирских станций областного центра...

До конца праздничных суток оставались считанные минуты, когда высокие гости, выпив «на посошок» в литературном буфете, направились к выходу. Их путь проходил через общий зал, закрытый, как гласила табличка, «на спецобслуживание». Его просторные площади в данный момент пустовали. Лишь в одном углу за четырьмя сдвинутыми столами веселились комсомольцы, на молодые плечи которых выпала основная нагрузка по реализации планов, разработанных старшими товарищами.

Атаманов уже подошел к выходной двери, как услышал сзади справа:

– Они ставят двойной блок, а Ленка как... – и дальше прозвучало то самое гортанное, женское, что так завело его десять часов назад.

Он оглянулся на звук очаровавшего его голоса. Это была она – его волейболистка.

Ни секунды не раздумывая, Атаманов резко повернул к «комсомольскому» столу.

... Они сидели на скамейке в сквере, окружающем оперный театр. Приобняв девушку, Атаманов набросил на ее плечи свой парадный китель. Кителя хватило на двоих до тех пор, пока не дошло до поцелуев. А дошло довольно быстро.

Страсти накалялись, китель постоянно спадал с ее плеч. Хорошо, что на сиденье скамейки, а не на песчаную дорожку сквера. Зато беседе китель совсем не мешал и благополучно возвращался на место в «перерыве между таймами». Перерывов хватило на то, чтобы через пять часов, что пролетели с того мгновения, когда он подошел к ней со словами: «Меня зовут Николай», – им показалось, что знакомы они уже целую вечность.

– А мы встречались, Николай Петрович, – сразу же ответила ему волейболистка. – В сентябре на комсомольской конференции вы мне сделали комплимент по поводу удачного выступления в прениях.

Атаманов почувствовал, что его уши накаляются до цвета тормозных колодок при экстренном торможении.

– Да вы успокойтесь. С кем не бывает! Мне, как представительнице слабого пола, даже приятней, что мужчина обращает на меня внимание не как на комсомольского оратора, а как на волейболистку. Или, – на этом самом месте она мило улыбнулась, – как на женщину, по-спортивному в разумных пределах обнаженную. Напоминаю, что зовут меня Нина. Я неосвобожденный комсомольский секретарь и инженер по технике безопасности станции Камск-вторая. Инициалы мои – ЭН-ЗЭ-ДЭ. Полностью – Нина Захаровна Дмитриева.

К этому моменту они уже стояли в окружении нескольких «комсомольцев» во главе с Семеном.

Семен доверительно добавил:

– НЗД еще расшифровывается как «Нина замедленного действия». Если что не так, то ее механизм тихонько тикает и тикает. Но когда рванет...

Атаманов взглянул на часы:

– Нина, уже шестой час. Скоро на работу. Давай зайдем ко мне, попьем чайку, а потом я тебя отвезу на твой боевой пост.

Нина улыbnулась и, чуть отодвинувшись, посмотрела на него.

– Знаешь, Коленька, мне так хочется пококетничать и изобразить из себя романтическую восьмиклассницу, оскорбленную твоим безнравственным предложением. Но лучше я предстану перед тобой в образе умудренного чужим и собственным опытом комсомольского секретаря. Что такое «попить чайку», мы, комсомолки, не знаем, но догадываемся. Поэтому следуем народной мудрости: поспешное «чаепитие» чаще всего оказывается последним. Тебя этот вариант в наших только что установившихся отношениях устраивает?

– Честное пионерское, нет! Но как нам с вами, товарищ комсорг, поступить по отношению к другой народной мудрости, которая гласит: «Не оскорбляйте девушек избыточной интеллигентностью»?

– Оскорбляйте, молодой человек, оскорбляйте. Сегодня я вам это позволяю.

Нина снова нырнула под китель и, прижавшись к нему, сказала:

– Проводи меня лучше домой. Это рядом, в двух кварталах.

«Чаепитие» случилось не далее чем через неделю в холостяцкой квартире заместителя НОД-4.

В последующей своей жизни Нина Захаровна Атаманова трижды покупала для своего семейного очага спальный гарнитур. Чтобы оценить преимущества шкафа, трюмо или тумбы, ей хватало кинуть два-три взгляда и проверить, как выдвигаются ящички. Зато тщательность выбора брачного ложа была сравнима с действиями военпреда, принимающего авиационный двигатель для сверхзвукового истребителя. При этом особо контролируемым параметром данного предмета домашнего обихода была его ширина.

Бдительность Нины Захаровны особо обостряли воспоминания молодости о непритязательной казенной металлической кровати с инвентарным номером, которой была укомплектована квартира ее будущего законного супруга. Кровать не просто относилась к типу «односпальной». Вполне вероятно, что ее создатели, путем урезания до минимума поперечных размеров изделия, добились немалой экономии черных металлов. Так вот, она была заменена на новую еще до того, как спустя месяц со дня их знакомства в Камском отделении с размахом сыграли «комсомольскую свадьбу».

А теперь обстоятельство третье и последнее.

Одновременно со свадьбой провожали на Кавказ назначенного начальником дороги Вячеслава Вячеславовича. Пост НОД-4 был предложен главному инженеру. Иван Павлович не только категорически отказался, но и поставил ультиматум: «главным» ни под кем, кроме Атаманова, он работать не будет.

Дьяков. Октябрь 1963

Варя-Пружинка была не только младшей сестренкой Санькиного одноклассника, но еще и его соседкой по подъезду. Она была на три года младше мальчишек, что в детсадовские и школьные времена означало принадлежность совсем к другому поколению. То, что Варька являлась особой иного пола, до поры до времени никого не интересовало. Тем более что лет с пяти она ни на шаг не отставала от брата, за что заслужила свое первое прозвище – Хвостик.

Если Хвостик находилось место в ребячьих играх, она с энтузиазмом выполняла боевую задачу. Если нет, тихонько сидела в сторонке с очередной, обязательно толстой, книгой.

Но в один прекрасный день эта «обезличка» окончилась. Случилось это, когда ребята учились в девятом классе. После уроков они часок поиграли в баскетбол и сейчас болтали в спортзале в ожидании, когда освободится душ.

История не сохранила имя того, кто первый затронул актуальнейшую тему: обмен первым боевым опытом на любовном, а кому повезло, то и на сексуальном фронте.

Тринадцатилетняя Варька к тому времени уже обладала вторым разрядом по акробатике и по этой причине была переименована из Хвостика в Пружинку. Сейчас она отрабатывала вертикальный шпагат у шведской стенки.

– Мишка! – вдруг громко обратилась Варька к рассказчику, не меняя позы. – Ты это дело не откладывай. Запишись к доктору, который от недержания лечит.

– Какого недержания? – удивился Мишка.

– Недержания речи. Ты хотя бы при мне постеснялся врать. Да Люська тебя косорылого за километр к себе не подпустит!

Когда через сорок лет матерыми мужиками они собрались на юбилей своего школьного выпуска, первое, что вспомнилось, была та самая немая сцена и пошедший красными пятнами Мишка.

Так навсегда завершилось привычное присутствие Пружинки в ребячьей компании в амплу «свой парень». Всеобщий паралич вызвал не только Варькин монолог. Даже невзрачный трикотажный тренировочный костюм не мог скрыть в стройной девчонке, застывшей в волнующей балетной стойке, привлекательность и женственность.

Акробатика была не единственным Вариним увлечением. Без малейшего напряжения она совмещала ее с посещением кружка спортивных танцев в заводском Дворце культуры. Преподавательница этого кружка и посоветовала родителям Вари подумать о том, чтобы после окончания семи классов их дочь продолжила образование в культпросветучилище.

– У Вари, вне сомнения, имеется хореографическая «божья искра». В училище есть специалисты, способные из этой «искры» раздуть «пламя». Но если не получится, то Камский «культпросвет» дает хорошее общее образование. После него дорога не заказана хоть в университет, хоть в педагогический.

– Как ты сама, Варвара Васильевна, на это смотришь? – спросил отец.

– А для чего я вас к Наталье Евгеньевне привела? Соображаете?

На хореографическом отделении училища Варя вскоре стала «примой». В характерных танцах ее акробатическая подготовка очень пригодилась. Именно она придавала ее выступлениям особый шарм. На третьем курсе Варин педагог, танцевавший в свое время «у самого» Игоря Моисеева, «показал» ее репетиторам ансамбля. Неожиданно для нее, но не для него, Варя была принята в труппу.

Осенним днем шестьдесят третьего Санька стоял на перроне станции Камск-вторая. Фирменный поезд Камск – Москва должен был тронуться через минуту, чтобы увезти Пружинку в ее новую, самостоятельную и загадочную жизнь. Жизнь, в которой уже сейчас угадывались

залитые светом прожекторов сцены лучших концертных залов, цветные картинки далеких континентов, аплодисменты, брошенные под ноги букеты цветов. Да мало ли еще что?

Родители и брат уже попрощались с Варей и деликатно отошли в сторонку. Санька держал ее руки в своих, не решаясь обнять. То ли из каких-то внутренних закоулков вдруг выползла давно забытая стеснительность, то ли сказывалось присутствие Вариных родителей.

Ему хотелось ей много чего сказать. Но все это «многое» теснилось в его голове, сваленное в разные кучи и штабеля, не рассортированное и совсем не готовое для того, чтобы быть произнесенным вслух. Хватило его только на банальное пожелание:

– Варюха, ни пуха тебе ни пера. Мы ждем тебя... с победой. Ну, и я, естественно...

Он поцеловал Варю в щечку, «по-братски». Но почему-то поцелуй этот оказался чуть продолжительнее, чем положено брату. И все же совсем не таким, какого она хотела и ждала. До Саньки это как-то сразу и очень резко дошло, но было уже поздно.

Спустя несколько секунд Варя стояла в тамбуре позади проводницы, подняв в приветствии переплетенные в пальцах руки. В глазах ее блестели слезинки.

В этом не было ничего удивительного: совсем домашняя и совсем юная семнадцатилетняя девочка уезжала в большой мир.

Варины родители и брат домой поехали трамваем, а Санька, попрощавшись с ними, решил пройти пешком.

Для каждой ребячьей компании однажды наступает время, когда интерес к отношениям мальчиков и девочек, а позднее юношей и девушек, начинает расти в геометрической прогрессии. Когда этот момент наступил у спортсмена и живчика Саньки, он оказался не обделенным вниманием школьных девчонок и «сторонних» поклонниц футбола.

Другое дело, что по «закону пакости» в большинстве случаев нравились ему одни девочки, а обращали на него внимание другие. Но «других» было явно больше, поэтому редкие шрамы безответного влечения быстро зарубцовывались. Играя в одной команде с ребятами, которые были гораздо старше его, Санька перенимал у них опыт. И не только спортивного мастерства.

Не раз какая-нибудь поклонница многоопытного во всех сферах товарища по спортклубу ставила своего кумира в известность:

– Ничего, если я приду с подругой?

Ответ был стандартным:

– Если не с «крокодилом», то милости просим!

Естественно, что развлекать подругу предлагалось обладателям меньшего стажа футбольных и любовных поединков.

Несмотря на предупреждение, «подруга» не всегда, выразимся аккуратно, была способна вдохновить на подвиг. Но когда на этом основании Санька пару раз пытался увильнуть от выполнения возложенных на него обязанностей, одноклубники ему напомнили, что футбол игра коллективная и что проявленный им эгоизм может отрицательно повлиять на сыгранность команды.

Хотя подобные эпизоды случались не слишком часто и скорее по необходимости, чем из-за любви к искусству, еще в школе в глазах девчонок Саньку окружал ореол «бывалого». В атмосфере университетской вольницы и набирающей обороты сексуальной революции этот ореол только усилился. Ничего удивительного. Во все времена репутация покорителя женских сердец не отталкивала, а, наоборот, неумолимо влекла пылающих жаром девиц к носителям почетного звания.

Для Дьякова Варя существовала вне остального привлекательного и многообразного девичьего сообщества. По отношению к каждой из своих подруг Санька был рыбаком, который с большей или меньшей настойчивостью пытается заполучить рыбку в свои сети. Неважно для чего – очаровать или овладеть. Это уж как получится.

С Варькой все было по-другому. Всю его сознательную жизнь она была рядом. В школе – в самом прямом смысле. Да и поступив в университет, он проводил с ней времени больше, чем с любой из многочисленных своих подруг, приглашал на матчи, на университетские вечера. И всегда его Пружинка находила для него время.

Только сейчас до Саньки дошло, сколько эта девчушка проявляла к нему внимания и такта. То, что в танцах он ей не пара, было очевидным. На фоне ее темперамента и грации он мог выглядеть неловким, иногда даже смешным. Что это было, женская интуиция или мудрость, но, отплясывая рок с Санькой, Варя явно приbedнялась, не показывая и половину своего умения.

Медленно шагая через сквер по ковру опавших желтых листьев, Санька пытался сам себе объяснить, кто же она для него, эта Варя-Варька-Варюха. Привычная, домашняя, теплая...

Ему даже перед собой стало неудобно за такое сравнение, но вдруг вспомнился доставшийся еще от деда старый и драный, но такой уютный махровый халат, в который он любил кутаться зимними вечерами. Только ли теплая и домашняя?

Какой же он идиот.

Еще в школе Санька догадывался, что Варька к нему равнодушна.

Ну и что? У него тоже был объект для обожания. Еще в четырнадцать лет Санька был сражен наповал обаянием кинозвезды Людмилы Целиковской. Свою верность ей он хранил как минимум четыре года, что не принесло никакого вреда ни ему, ни звезде.

То, что Варюха была постоянно в зоне его прямой видимости, да еще и неровно к нему дышала, полностью исключало отношение к ней как объекту охотничьего азарта. Только последний идиот будет прикармливать и ждать, пока «клюнет на мотыля», рыбку, которая плавает в его аквариуме.

И только скотина будет домогаться этой еще такой маленькой рыбки.

Стоп. Да какая же Варька маленькая? Это раньше она была младше его на целых три года. А сейчас *всего-то* на три! Не далее как вчера он оценивающе поглядывал на ее ровесниц – первокурсниц, осваивавших в перерыве университетские коридоры. А если присмотреться, то большинство из них проигрывают Варьке со счетом ноль – три.

Что же его так зацепило? Может быть, примитивный частнособственнический инстинкт? Ведь до сегодняшнего дня он имел постоянное бесплатное приложение, «всегда готовую» юную пионерку, которая внезапно оказалась не рядом.

– Готовая всегда и на все? – неожиданно спросил он сам себя. Спросил и даже остановился в поиске ответа.

Дожили. Неужели ревность?

Дьяков. Октябрь 1963. Десять дней спустя

То, что Санька почувствовал, проводив Варю в Москву, действительно было ревностью. Да еще не простой, а в особо острой форме. Неделю перед глазами у него стояли всякие разные сцены. Одна страшней другой. То Варька отбивается от насильника. То, что еще хуже, сама бросается в объятия соблазнителя, почему-то подозрительно похожего на Мариса Лиепу¹⁴.

Через два дня Варькин брат сообщил Саньке адрес ее общежития и телефон вахтера. Четыре дня ушло на звонки по этому телефону с переговорного пункта, и лишь один раз ее позвали, потребовав при этом не занимать линию больше чем на минуту. Еще через три дня Дьяков выпросил в спортклубе командировку в ЦС¹⁵ «Буревестник» и, с трудом достав билет в плацкартный вагон, отбыл в столицу.

Поезд пришел в Москву рано утром. До общежития он добирался около часа. Еще полчаса «для приличия» топтался у подъезда. Тетка с повязкой, сидевшая у входа, на него не среагировала, и ровно в девять часов и две минуты он осторожно постучал в комнату номер триста одиннадцать.

Прикосновения костяшки пальца оказалось достаточно, чтобы дверь приоткрылась. На одной из двух кроватей, сжавшись в комочек, сладко причмокивала во сне жгучая брюнетка – явно не Варька. Вторая кровать была аккуратно заправлена. Поперек нее, не снятое с плечиков, лежало знакомое Варино платье.

Санька вышел.

– Кого-то ищешь? – по-свойски спросила высокая девчонка, шедшая по коридору в бигудях, с полотенцем вокруг шеи.

Санька пальцем ткнул в сторону комнаты.

– Посмотри на кухне.

На кухне стояло шесть газовых плит. Над одной из них, стоя к нему спиной, сосредоточенно колдовала Варя. Сантиметрах в пятидесяти от соседней плиты стоял довольно тощий парень («На Лиепу не похож», – быстро зафиксировал Санька) и караулил бывший когда-то белым основательно закопченный чайник. Не корысти ради, а из приличия он без особого энтузиазма пытался развлекать даму. Санька замер. Когда Варя проигнорировала второй вопрос «тощего», Санька решил прекратить дискуссию.

– Тебе что дороже: яйца или ноги? – поинтересовался он.

Неожиданно спокойно для такого вопроса парень не раздумывая ответил:

– На данном этапе ноги.

– Все равно, если еще будешь к ней чалиться, я тебе сначала оторву яйца, а потом уж поломаю ноги, – доверительно сообщил Санька.

Парень покрутил указательным пальцем у виска и с достоинством отвернулся.

Варя, наоборот, повернулась лицом к нему и замерла в растерянности.

– Снимай сковороду, сторит твой омлет, – буднично распорядился Санька.

Накануне ночью, ворочаясь на боковой верхней полке поезда Камск – Москва, он рисовал себе вероятные сценарии Вариной реакции на его появление. Оптимистический: радостный визг и объятия. И пессимистический: «А кто ты такой?». Реальность оказалась лучше второго варианта, но очень, очень далекой от первого.

Зайдя в комнату, они сначала поставили на стол сковородку, какие-то нехитрые кухонные принадлежности и лишь потом повернулись лицом друг к другу. Со стороны можно было подумать, что они никогда еще не встречались на этой планете.

¹⁴ Звезда советского балета.

¹⁵ Центральный (всесоюзный) совет (спортивного студенческого общества).

Как и положено мужчине, первый шаг сделал Санька. Он осторожно обнял Варю, уловил, как она вздрогнула и медленно потянулась к нему. Ее руки замкнулись за Санькиной спиной. Почувствовав волнующую упругость ее тела, он еще сильнее привлек Варю к себе. Их губы встретились.

Не так пылко, как он ожидал. И не так надолго, как хотелось бы.

Наверное, таким и должен быть поцелуй брата и сестры. Поцеловавшись, они чуть отстранились друг от друга. Отстранились ровно настолько, чтобы можно было смотреть друг другу в глаза.

Родственной версии противоречила лишь возникшая между ними сила взаимного притяжения: их объятие не ослабло ни на грамм. Для брата с сестрой это было слишком.

– Что так вяло, ребята? – разочарованно подала голос брюнетка.

Ее вопрос сработал подобно выключателю, разомкнувшему цепь электромагнита. Лет сто назад подобная ситуация описывалась другим сравнением: словно окатили ледяной водой. Если бы водой в тот момент окатили Саньку, она точно бы закипела...

Репетиции у Вари начинались в одиннадцать. От общежития до здания на улице Горького, 31, где много лет «квартировал» ансамбль, было минут сорок неторопливого пешего хода. Половина – по старым московским переулкам. Это была не самая лучшая, но все же возможность остаться наедине.

– Сань, может быть, объяснишь мне, что происходит? – спросила Варя.

У Саньки было более двадцати часов, чтобы хорошо подготовиться к ответу на этот вопрос. Да и жесткая вагонная полка стимулировала умственную деятельность. Теперь, удивляясь самому себе, он довольно складно изложил Варе те мысли, которые беспорядочно, налезая друг на друга, атаковали его всю неделю, прошедшую после их расставания.

– У тебя, Саня, когда-то было глупое выражение: «Хорошая мысль приходит опосля». Интересно, что от тебя я его давно не слышала, а сама время от времени пользуюсь. Так вот, если бы ты мне хотя бы половину всего этого изложил в любом виде за четыре дня до нашего расставания, мы бы с тобой сейчас не гуляли по осенней столице. Ты только бы свистнул, и дура-Варька все бы немедленно бросила. И Москву, и заграничный паспорт, и, страшно подумать, Игоря Александровича Моисеева.

Услышанное было ожидаемым. Если не по форме, то по содержанию. Хотя одна интрига в ее монологе все-таки присутствовала:

– Почему именно за четыре дня?

Теперь настала очередь удивляться Варе:

– Билет в Москву когда купили? За четыре дня до отъезда. Попробуй достань снова в купейный!

«С билетом она шутит или серьезно?» – подумал Санька, но отложил этот не самый злободневный вопрос до лучших времен.

Если Дьякову требовалось время для того, чтобы, собрав свои растрепанные чувства и мысли в порядок, привести их в боевую готовность, то у Вари в этом нужды не было. С тех далеких времен, когда в нее вошла сначала совсем детская, а затем подростковая, прямо-таки ПТУшная влюбленность в Саньку, и до самого последнего времени она находилась в странном состоянии.

С одной стороны, Санька всегда был рядом, она проводила с ним довольно много времени. А с другой, если присмотреться, то совсем не рядом. Хотя в последние годы никто больше не называл Варю «хвостиком», она им оставалась. Разве что подростком, более пушистым. И... бесполом. Тем самым своим парнем, в котором Санька по-прежнему не видел девушки, тем более женщины. И еще «хвостик», как и положено ему, был неравноправным. Она не раз слышала, как ее называли Санькиной. Это ее не огорчало, скорее, наоборот. Но ей хотелось большего. Мечталось, чтобы хоть кто-нибудь, хоть когда-нибудь произнес:

– Это какой Санька? Который Варькин?

С детства она больше водилась с мальчишками, чем с девчонками. Оказалось, что у нее имеется много друзей, но нет подружки, с которой можно обсуждать «сердечные» проблемы. Родители для этого тоже были публикой малоподходящей. О профессиональных планах с ними, конечно, можно было поговорить, но не более того. На некоторые свои вопросы Варя пыталась найти ответы в книгах. Оказывалось интересно, но без особой пользы.

Так у Вари появилась привычка обсуждать свои личные дела с самой собой. Анализировать, выстраивать «в рядок» или «лесенкой», возражать, аргументировать. Теперь «продукт» этих размышлений, до сих пор «не надеванный», но тщательно отсортированный, неожиданно негладанно оказался к стати.

– Ты, Сань, не ошибался, считая, что я давно к тебе равнодушна. Это правильно, но слабовато. Я полностью была в твоей власти, добровольно лишила себя девичьей свободы. Мальчишки моего возраста меня сторонились или вздыхали в сторонке. Да и те, кто постарше, соблюдали дистанцию: где уж им соперничать с «самим» Дьяковым. Никогда не думала, что я когда-нибудь смогу тебе это сказать. То, что я «чистая и непорочная», не от того, что такая «правильная», а по той же самой причине. А тебе было не до меня. Извини, Санечка, повторяюсь. Две недели назад, скажи ты мне одно слово – «останься» – и я готова была все бросить. Правильнее сказать, осознанно выбрать другой вариант своей жизни. Не московский, а камский. «Дьяковский». Ты обратил внимание, что московский вариант я назвала одним словом? Его девиз: главное в жизни – профессиональная карьера. Камский вариант имел смысл только в сочетании двух слов. Главным в этом сочетании был ты, Санечка.

– Почему был? Я есть, я здесь, рядом с тобой.

– Я не оговорила. Десять дней назад поезд ушел. Не в переносном смысле. В самом прямом. Поезд, который увез меня от твоей «дьяковской» приставки. Ты сам отпустил меня на этот поезд и не попросил остаться, а от всей души пожелал мне побед в новой жизни. Ты столько лет был «героем моего романа», что я была уверена, что другого быть не может. Теперь мне даже перед собой неудобно. Прошло всего несколько дней, а у меня уже нет этой уверенности. Ты не думай, что у меня кто-то появился. Честное слово, пока никого. Мне даже физически сейчас не до этого. У меня в голове сейчас другие мужчины. Иностранцы. «Батманы», «пируэты», «шассе». Но я уже могу сказать, что это пока. И даже способна предположить, что смогу быть без тебя.

До сих пор Дьяков не мог пожаловаться на свою реакцию. И на футбольном поле, и в учебной аудитории, и в штатных, и в нештатных отношениях с «сильным» и «слабым» полом. Хорошая реакция объяснялась не только тем, что досталось от мамы с папой. Почти всегда он был заряжен на «прием мяча», имел в запасе долю секунды, которой хватало, чтобы распорядиться им «в одно касание».

«Мяч», который прилетел от Вари, не был неожиданным. Но он был таким «крученым», содержал в себе столько новой информации, что Санька не смог его «с ходу» обработать и замер в нерешительности.

Очевидным было одно: «ход игры» теперь диктовал не он.

Три дня Дьяков провел в Москве. По утрам и вечерам сопровождал Варю по одному и тому же маршруту: общежитие – репетиционный зал – общежитие. И маршрут, и темы разговоров повторялись. Если по-крупному, их было всего две. Первая – углубление их первой беседы. Вторая укладывалась в рубрику «обмен творческими планами».

Проводив Варю до подъезда зала, Санька ехал в ЦС «Буревестник», где договаривался о южной тренировочной базе для команды на весну и добывал спортивную форму, бутсы, мячи для университетской команды. Там же ему удалось выпросить направление в гостиницу «Турист».

Во второй день своего пребывания он даже сумел забронировать на вечер столик в ресторане «Центральный». Те, кто понимает, оценят высочайший для тех лет уровень этого достижения. С точки зрения гастрономической это были, как говорят гадалки, «пустые хлопоты». Варя была на строжайшей диете. Естественно, без спиртного. В знак «пролетарской солидарности», чтобы избавить ее от соблазна, Саня тоже умерил свои аппетиты. Но обстановка, музыка, возможность слиться в медленном танце стоили усилий, затраченных Санькой на охмурение мэтра ресторана.

Возвратившись из ресторана в общежитие, неожиданно они обнаружили на столе комнаты записку: «Варя, меня не теряй! Ночую у тетки в Баковке. Лина».

Линой звали ту самую брюнетку, соседку по комнате.

В висках у Саньки мелкой дробью застучали барабанные палочки. Он вопросительно посмотрел на Варю. Не снимая плаща, Варя подошла к нему, обняла, прислонив голову на плечо. Потом подняла голову и поцеловала в губы жгучим, совсем не дежурным поцелуем. Санька даже не успел ей ответить, как она резко отстранилась:

– Нет, Санечка. Нет. До завтра. Я жду тебя утром.

И совсем-совсем тихо:

– Ты в себе разобрался? Позволь теперь это сделать и мне.

Атаманов. 1964

Летом этого года Николай Петрович отпраздновал свой двадцать восьмой день рождения. Дата была не круглая и не юбилейная. Если честно, то никакая.

В прошлом году, еще будучи холостяком, он пригласил в ресторан на «мальчишник» человек десять коллег. И этим ограничился. Друзьями в Камске он как-то не обзавелся.

Год назад ему в голову бы не пришло накрывать по этому поводу в просторной комнате отдыха, расположенной позади его кабинета, стол с крепкими и не очень крепкими напитками, бутербродами и фруктами. И тем более напрягать начальника ОРСа, чтобы содержание стола не уронило авторитет советских железнодорожников в глазах тех, кто посчитал своим личным и служебным долгом проявить внимание к недавно назначенному НОД-4.

В числе посетителей оказались заведующий транспортным отделом обкома; секретарь горкома, курирующий железнодорожников; первые лица района, директора крупнейших предприятий. Наступивший день рождения оказался особенным по одной причине: «новорожденный» стал лицом первой величины областного масштаба. Это значило, что отныне он будет принимать гостей не тогда, когда ему хочется, а когда надо.

Не будем лукавить. Такое посягательство на его личную свободу настроения не портило. Даже наоборот.

Дьяков. Конец июля 1964

В зале заседаний ученого совета чествовали футбольную команду университета, занявшую второе место на уральской зональной студенческой спартакиаде.

Это давало команде право на выход в финальную группу будущей республиканской спартакиады.

Ректор сказал короткую, но теплую речь, проректор зачитал приказ, содержащий благодарность всем причастным к успеху, и вручил каждому из футболистов по конверту. В конверте лежал бланк с подписью и печатью о направлении получателя конверта с первого августа на учебную практику, сроком на один месяц, с оплатой проезда, суточных и гостиницы (общеежития). Не заполнена была лишь одна строчка – место практики. Право заполнить эту строчку предоставлялось самим студентам.

На другое утро после короткого обсуждения ребята, не мудрствуя, единодушно вписали: *г. Сочи.*

А пока они дурачились возле автобуса, который должен был отвезти их на университетскую загородную спортивную базу, где они готовились к спартакиаде. Там их теперь ожидали накрытые столы, узкий круг друзей и «боевых подруг» и огромное желание разнообразно и от души нарушить опостылевший спортивный режим.

– Надеюсь, ты с нами? – спросил Санька заранее приглашенного им на торжество Юру. – Будет настроение, оставайся еще на два дня. До среды база наша. Захочешь уехать пораньше, я тебя вечером заберу, когда поеду в аэропорт встречать Варюху после ее первой гастрольной поездки из самой что ни на есть настоящей Японии! Кстати о птичках. Где ты прячешь свою кокетливую «химичку»?

– Не будем, Сань, о грустном. Уволен «в друзья». Если себя не обманываю, то с формулировкой «по собственному желанию». У нее иссякло терпение дожидаться от меня новых карьерных подвигов. А у меня не полыхает огонь желаний эти подвиги совершать.

Восемь месяцев назад, попросив Саньку дать ей возможность разобраться в себе, Варя имела в виду только их отношения. Однако «предмет исследования» оказался куда более емким, а само исследование – куда более продолжительным.

Варя так и не поняла, за какие достоинства ее, «человека со стороны», взяли в знаменитый коллектив. При ансамбле была своя студия, танцевать в нем мечтали многие выпускники лучших хореографических училищ. Кто-то очень щедрый намеренно или случайно выдал ей этот беспроцентный кредит, и она изо всех сил старалась его оплатить.

Чтобы выйти на сцену в составе ансамбля Игоря Моисеева всего лишь в двух номерах, Варя понадобилось целых два месяца. Шестидесять дней не ожидания или созерцания, а изнурительной работы.

Еще через полгода она выехала на свои первые зарубежные гастроли. И не в какую-то Болгарию («Курица не птица, Болгария не заграница»). Первый пограничный «штампик», который появился в ее заграничном паспорте, был японским.

Не прошло и года, а по задаче «разобраться в новой жизни» можно было делать первые выводы.

Из уральского далека эта жизнь виделась только в светло-розовых тонах. Вблизи и тем более изнутри она оказалась несвободной от серых и даже черных красок. Изображение, в которое Варя не по годам внимательно всматривалась, напомнило ей эпизод из ее еще домашней жизни. Однажды мама попросила отца натянуть на балконе несколько веревок для сушки мелкого белья. Отец достал из своего мастерского ящика метра три провода в резиновой изоляции. Ловко острым ножиком сделал продольный разрез и одним движением сдернул серую резиновую «верхнюю одежду». Внутри оказались два разноцветных туго скрученных провода.

Белый и черный. Они были расположены не параллельно, а переплетены на всю длину, да так, что не разорвать.

«Белый провод» ее новой жизни потряс Варю красотой постановки танцев, каждый из которых мог претендовать на звание спектакля; высочайшей техникой артистов и синхронностью движений. Репетиции, в которые она окунулась, были для нее даже не высшей школой, а докторантурой. Ей казалось, что люди, придумавшие и с таким блеском воплощавшие все это, настоящие небожители, поднявшиеся над суетой этого мира и думающие только о высоком. Что все вместе они представляют собой ярчайшее созвездие, щедро отдающее свет и тепло тем, кому повезло оказаться в их лучах.

Но за пределами сцены, там, «на земле», вился совсем другой провод. Черный. Ну, если и не черный, так темно-серый. Отношения большинства артистов друг с другом описывались выражением, которое Варя услышала впервые в этих стенах. Называлось все это – «закрытые друзья» или, в женском исполнении – «закрытые подруги». Сплетни, интриги, не очень-то и скрываемая черная зависть по поводу почетных званий или распределяемых квартир, подчеркнутая свобода, а то и извращенность нравов. То, что придавало второй половине словосочетания «творческая интеллигенция» сатирический оттенок.

Одна из причин всего этого была объяснима. Визитной карточкой ансамбля было не просто исполнение, а высший пилотаж с приставкой «супер». Чтобы соответствовать такому уровню, танцовщик должен был постоянно находиться на пике физической формы. Чрезвычайно высокая нагрузка была уделом не только новичков, а всех, кто был причастен к созданию танца. А когда физическая усталость сопровождает человека годами, она легко может перейти в нервный срыв.

Одной из самых привлекательных сторон работы в ансамбле был «выездной» статус «моисеевцев». В СССР им не было равных по времени пребывания за рубежом. Даже просто быть «выездным» для советского человека означало возможность увидеть и почувствовать мир на вкус. Новехонькие лайнеры с вышколенными стюардессами, обед на высоте десяти тысяч метров с подачей общепризнанного VIP-атрибута: черной и красной икры. А еще – шикарные отели и концертные залы, невиданные по форме и содержанию магазины: от фруктово-овощного и рыбного до многоэтажных универмагов, забитых от цокольного этажа до крыши всевозможной, более чем сказочной, полезной и бесполезной, но все равно чарующей красотой.

Пребывание в рядах «моисеевцев» позволяло ощутить потрясающий прием публикой «русского чуда». Испытать неопишуемое чувство личной сопричастности к нему в качестве мировой «звезды».

У этого статуса имелась еще одна сторона, разглядеть которую было дано не каждому. Были моменты, когда яркость «звезды» уменьшалась до уровня давно не мытой лампочки в обшарпанном подъезде. Это происходило, когда артисты с целью экономии валюты, тайком, с помощью электрокипятильников, занимались кулинарией в номерах пятизвездочных отелей. Когда, дрожа от страха, пересекали границу «страны победившего социализма» с припрятанным от таможенника сверхнормативным комплектом кримпленового дефицита.

Темные штрихи и кляксы, часто присутствовавшие на открывшейся Варе картинке, раздражали взгляд. Надолго ли всё это? Это ей еще предстояло выяснить.

По окончании напряженных японских гастролей их участники два дня провели в бумажной суете в Москве, после чего получили двухнедельный отпуск. Уже вечером второго дня воздушный лайнер Москва – Камск катился по посадочной дорожке неказистого Камского аэропорта.

– Ты с багажом? – спросил Санька, наконец-то выпустив из объятий явно повзрослевшую и «насквозь европейскую» Варю. Назвать такую леди Варькой мог только кретин. Так же, впрочем, как и Варварой. Для такого основательного имени этой изящной даме не хватало как минимум килограммов пятнадцати дополнительного живого веса.

– Чемодан и сумка там, – Варя махнула в сторону самолета, – аналитический багаж здесь! – ткнула она пальцем в собственный лоб.

Пока такси мчалось в «соцгород», к дому, в котором прошло их детство, Санька излагал диспозицию:

– Я твоих уговорил, чтобы они не беспокоились, что доставлю в целости и сохранности. Они приняли решение с дороги тебя не напрягать. А завтра в два часа дают торжественный обед. Моим предкам твой отец уже сделал заявку на четыре стула и твой любимый холодец. Единогласно признано, что у моей мамы он получается вкуснее.

Этот монолог он произнес так же легко и свободно, как обыгрывал в штрафной площадке «любителей» из мединститута.

Ко второй теме он перешел не столь шустро.

– Варь, зная твое пристрастие к вариантам, предлагаю еще один. Сейчас наша команда на спортбазе отмечает «серебро» в зональной спартакиаде. Большинство ребят тебе знакомо. О девчонках я этого сказать не могу. Предложение номер два, пока ни с кем не согласованное. Мы заезжаем к твоим, здороваемся, извиняемся и едем на базу. Завтра в девять тридцать оттуда в город пойдет автобус. Через час мы уже будем дома, а в четырнадцать ноль-ноль будем свежи как огурчики и готовы к застолью.

В полумраке автомобильного салона он пытался разглядеть Барину реакцию на свое предложение.

– Я понимаю, – продолжил Санька, – что по отношению к твоим предкам это не очень удобно и потребует от тебя большого гражданского мужества...

– И столь же жгучего желания, – загадочно добавила Варя, завершив на этом дискуссию.

Когда такси остановилось у их подъезда, водитель вышел из машины, открыл багажник и вручил Саньке Варины увесистые чемодан и сумку.

– Так вас ждать или как? – почему-то спросил он именно у нее.

Варя выдержала солидную паузу.

– Я думаю, что да, но вот молодой человек еще сомневается.

Нелегкую задачу донести до Вариных родителей содержание «варианта номер два» Варя взяла на себя. Расцеловавшись с ними и с братом, она задала вопрос, на который отвечать было бесполезно:

– Мамуль, пап! Вы не очень обидитесь, если мы сейчас вас покинем? Только до утра!

– Сань, я правильно поняла, что на спортбазе не обязательно быть в вечерних туалетах? Тогда подожди минут десять.

Когда внизу послышался звук отъезжающего такси, Галина Гавриловна Фокина подняла на мужа глаза и, как бы про себя, произнесла:

– Господи, только бы не залетела.

Когда Санька и Варя приехали за город, спортивный народ уже начинал разбредаться по комнатам. Жесткой капитанской рукой Дьяков остановил этот процесс приятным удивлением он обнаружил, что Варя явно нравится амплу «первой леди». И не только нравится. Его Варька без натяжки соответствовала этому высокому званию.

Слова о том, что Варя и Санька на всю жизнь запомнили эту ночь, банальны, но они полностью соответствуют исторической правде.

Чтобы не вносить путаницу в хронологию, отметим, что обладательницей паспорта на имя Дьяковой В. В. Варя стала лишь два года спустя. А пока Санька еще раз доказал, что не зря носит прозвище Деловой. До отхода автобуса, по утрам отвозившего спортсменов в город, он успел зайти к коменданту спортбазы и договориться, что занимаемая им комната еще на неделю останется в его распоряжении.

Приехав в отчий дом, Саня и Варя разошлись по родительским квартирам, чтобы в два часа дня встретиться у Вариных «предков» на мероприятии, заранее заявленном как «праздничный обед».

Дьяковы и Фокины много лет поддерживали ровные, чисто соседские отношения из серии «здравствуйте», «до свидания», «как здоровье?». После Санькиного прошлогоднего визита в Москву Дьяковы не так уж часто, но стали получать письма с обратным адресом: «Москва, Главпочтамт. До востребования. Фокиной В. В.». Случались и телеграммы, которые были вроде и заклеены, но не настолько, чтобы при большом желании нельзя было ознакомиться с их содержанием.

Не будем строго судить Санькину маму, но такое желание у нее присутствовало. Она знала, что, прочитав телеграмму, Саня оставит ее открытой на своем столе, прижав небольшим призовым кубком, чтобы не улетела. Но утерпеть до его прихода не могла. Содержание телеграмм всегда было весьма прозаичное: «ПРИВЕТ ИЗ МИНСКА», «ВВЕЛИ В ПРОГРАММУ ДОРОГА К ТАНЦУ». Зато окончание всегда интриговало: «ЦЕЛЮЮ ВАРЮХА».

Не удержалась Санькина мама и еще от одного соблазна. После первой же телеграммы заключительные ее слова были с максимально возможной деликатностью процитированы соседке. Эксклюзивная информация была представлена не совсем бескорыстно. Санькина мама рассчитывала на встречный шаг «другой стороны». Увы, в интересующем ее вопросе осведомленность Фокиных-старших оказалась нулевой. В свои личные проблемы Варя родителей не посвящала и раньше, а все каналы связи, с которых можно «снять» сведения, интересующие обе стороны, находились вне пределов их технических и оперативных возможностей.

Из-за скудности полученного материала углубляться в обсуждение этой животрепещущей темы обе мамы избегали. Пока было ясно одно: между детьми сложились нерядовые отношения. Каждое «целую» в телеграмме стоило денег. По тарифу Министерства связи СССР.

Прежде чем вздремнуть перед «торжественным приемом» в ее честь, Варя достала из своей «московской сумки» большую картонную коробку с фирменной надписью: СОЮЗ-ПОСЫЛТОРГ «Березка». Название «Березка» носил не только известный женский хоровой ансамбль, но и знаменитый в узких кругах сертификатный магазин. В СССР хождение любых других валют, кроме рубля, было строго запрещено. Дипломаты, специалисты, те же артисты, работая за рубежом, получали небольшие валютные «командировочные». Теоретически они могли потратить их в «стране пребывания». Но много ли оттуда увезешь? Родина пошла им навстречу. Валюту можно было обменять на «сертификаты». Для продажи на сертификаты самых дефицитных товаров и была создана система магазинов «Березка».

Одной из таких законных обладательниц сертификатов после поездки в Японию оказалась Варвара Фокина. Из таинственной коробки перед потрясенными зрителями предстали отечественные консервные баночки с икрой, крабами, печенью трески, лососем, шпротами, подарочные коробки с конфетами. Зарубежный мир был представлен палкой финского сервелата, опять же банками чешского паштета, югославской ветчины, болгарских томатов с огурцами. И даже бутылкой вина.

– А это тебе, папуля, персонально! – поставила красивую финальную точку Варя, доставая три бутылки чешского пива Zlaty Bazant.

В последний раз такое выражение лица у собственного мужа Галина Гавриловна видела очень давно, а именно 9 мая 1945 года.

Минут за сорок до обеда Саня позвонил в дверь к Фокиным.

Открыла Варя. Она была в кухонном фартучке, надетом на что-то домашнее.

– Осторожно, а то вываляю в муке! – подняв обе руки вверх, она «неприцельно» чмокнула его куда-то в нос.

– А если нежнее? – громко поинтересовался Санька.

– Ты свою норму нежности на сегодня уже всю получил, – тихонько парировала Варя.

– Тетя Галя! – привычно обратился Санька к вышедшей из кухни Галине Гавриловне. – Можно я украду на десять минут вашу помощницу? Пошептаться.

– Спасибо, что не на ночь, – не смогла удержаться соседка.

– Ну, это еще впереди. Галина Гавриловна, а вы знаете, как на занятиях на «военке» называют американцев? Вероятным противником. А вы для меня кто? Вероятная теща! Я не ставлю знак равенства между этими выражениями. Более того, я мечтаю, чтобы подобные сравнения даже не приходили в голову мирному и дружескому дяковскому народу.

– Забирай ее, болтун!

– Спасибо за доверие.

Саня с Варей зашли в единственную пустую «детскую» комнату.

– Варюха, я так понял, что ты родителям пока тоже ничего не говорила?

Варя кивнула.

– Наверно, пора. Совесть надо иметь.

– Молодец, Санечка. Ты меня опередил минут на десять.

– А что скажем, ты продумала?

– Какой бестактный вопрос. Саня, я же вроде существо разумное. Излагаю. Заявим, что прошедший год показал, что мы друг друга любим. Это правда? – сверкнула глазами Варя.

Санька кивнул.

– Вот это, дорогие родители, и есть самое главное. Но нам требуется уладить некоторые частные вопросы. Я должна закончить свой «культпросвет» и вместе с Саней подумать, куда двигаться дальше. Сане тоже следует определиться со своим будущим. Надеюсь, не без учета моего мнения. На это, думаю, потребуется год. Максимум два. А после этого – ЗАГС и его формальности. Или я неправа?

– Ну, ты, Варюха, железная! – то ли удивленно, то ли уважительно выговорил Санька.

– Кто бы говорил! Обесчестил девушку и теперь издевается: «железная».

Как пишут в официальных изданиях, «обед прошел в теплой и дружественной обстановке». Обычно за столом у Фокиных «руководил» «папа Вася». Традиция и на этот раз не была нарушена. После указания «прошу налить» Варя обратилась к отцу:

– Пап! У нас с Саней есть не чрезвычайное, но важное сообщение. Прошедший год... («И прошедшая ночь», – вставил Санька, на что Варин брат довольно хмыкнул), – да, и прошедшая ночь, – Варя показала Саньке язык, – показали главное: мы любим друг друга.

Далее монолог Вари один к одному совпадал с ранее согласованным текстом. Когда были упомянуты «формальности», Галина Гавриловна нервно уронила вилку.

Варя немедленно отреагировала.

– Если кого-то смущают эти год-два, напоминаю, что мои дорогие родители расписались, когда мне было десять лет.

По горячим следам задать докладчице при всех наводящие вопросы никто не решился. Но примерно через час Фокин-старший созрел, чтобы вернуться к затронутой теме.

Если кто подзабыл, то сейчас самое время напомнить, что шестидесятые годы в СССР были расцветом космической эры. Кроме имен Гагарина и других первых космонавтов у всех на слуху были «закрытые», но очень почитаемые персонажи: «Главный конструктор» и «Главный теоретик». С уходом из жизни и рассекречиванием сначала Сергея Королева, а потом и Мстислава Келдыша величие этих названий постепенно выветрилось из массового сознания, но в шестьдесят четвертом они были в самом зените.

Ничего удивительного, что, задавая вопрос, Василий Матвеевич не избежал соблазна воспользоваться космической терминологией:

– Варюха! Судя по тому, что ваши с Саней планы до нас донесла ты, в вашем экипаже ты за «Главного теоретика»?

Варя с Саней переглянулись, но подтверждать или опровергать эту версию не торопились. Так и не дождавшись ответа, Фокин-старший продолжил:

– Тогда ты нам растолкуй. Как называть вас, врозь я вроде догадываюсь. Так же, как и раньше. А как вместе? «Дьяковы»? «Семья»? «Молодые»? «Любовники»? Или, прости Господи, «сожители»?

Варя с сожалением отодвинула в сторону холодец.

– Дай, папуля, хоть с моим «Космонавтом № 1» посоветоваться. Санечка, тебе что больше нравится?

– В рамках сформулированных тобой ограничений – любовники. Все же от слова «любить».

– Не проходит! Насколько я понимаю, в широких массах «любовники» ассоциируются с внебрачными связями. Извини, накладываю вето. Продолжим? Что у нас еще? «Дьяковы». Это, наверное, самое правильное. Но пока я на сцене, Фокина звучит веселее. Михаил Фокин в хореографии личность достойнейшая! «Семья». Тоже хорошо. Но в этом названии чего-то не хватает. Папуля, что здесь не хватает?

– Ремня хорошего тебе не хватает.

– Поздно, папочка, поздно. Ответ неправильный. Внучат для бабушки Васи. Будем форсировать этот вопрос? Ну что ты взгляд отводишь? Еще один вариант долой. «Сожители». Сути вопроса соответствует. Но ты, папа, прав. Звучит несколько пошло.

– Как пишут в стенограммах: «Список исчерпан», – внес свой вклад Санька.

– Нет. Еще что-то было.

– «Молодые», – напомнил «папа Вася», который и сам не мог понять, раздражает его или, наоборот, восхищает Варькина лихость.

– «Молодые». Безобидно, свежо. Если «по науке», то «молодые» – совсем ненадолго. Медовый месяц... и пионерский привет! Или я ошибаюсь?

– Нисколечко, – поспешил вставить Санин отец. Ему Варя в этой роли нравилась без оговорок.

– Санечка, подтверди, что мы этому молодому состоянию лет пять еще запросто можем соответствовать. А нам и годика два, что называется, «с головкой»...

Ночевать «молодые» опять уехали на спортбазу.

Атаманов, Брюллов. Осень 1964

Санька не бросался словами, когда год назад сказал Юре: «С меня причитается». Свое обещание он не забыл. Но чем достойно ответить другу, пока не находил. И вдруг такая возможность появилась.

Вернувшийся в спорт Брюллов устойчиво входил в сборную области, занимая вторые-третьи места. На первом же месте непоколебимо царил молодой талант. Именно с ним Юра безуспешно сражался в этот момент.

Приготовившись подавать, Юра увидел подходящего к их столу Саньку. С ним оживленно что-то обсуждал молодой, но уже основательный мужчина в железнодорожной форме с большими звездами на петлицах.

Завершив партию, соперники, окруженные менее именитыми теннисистами, еще несколько минут обсуждали тонкости завершенной игры. Гости подошли поближе.

– Директор, полковник тяги, НОД-4 Атаманов Николай Петрович. Будущий инженер, звезда настольного тенниса Брюллов Юрий Владимирович, – представил их друг другу Санька.

– Ладно, не пыли, – осадил его Атаманов. – Звания и погоны с нас сняли. Петлицы, правда, оставили. Юрий, я к тебе, как говорится, с серьезными намерениями, – продолжил Атаманов. – Нас, железнодорожников, по совнархозам не растащили, но по их примеру решено централизовать некоторые уральские ремонтные службы. Через два года мы запустим свой металлургический центр: литейка, сварка, ковка-штамповка, термообработка. Выбирай на любой вкус. Но не буду хитрить. Прежде всего ты нас интересуешь как теннисист. Если согласишься, то с порога оформляем «заводским стипендиатом». Пожелаешь вести секцию в «Локомотиве» – не обидим. Ну, как? По рукам? Или еще подумаешь?

Он посмотрел по сторонам и повернулся к Саньке:

– Дьяков, а может, мы и парня, который Юрия наказал, тоже соблазним?

– Не получится, Николай Петрович. Хороша Маша, да не ваша. Он с детских лет в «Динамо». Как двадцать лет исполнится, так на следующий день появится новый «лейтенант внутренней службы».

Быть тренером Юра отказался, а договор на распределение в распоряжение МПС подписал.

Дьяков. 1965

Человек «с улицы», по делу или случайно оказавшийся в шестидесятые годы в Камском университете, в перерыве между занятиями мог услышать несчетное число глаголов, означающих действие или просьбу в сочетании с именем Жора.

- Спроси у Жоры.
- Согласуй с Жорой.
- Возьми у Жоры.
- Только не говори Жоре!

И даже:

- Да пошел он, знаешь куда, твой Жора.

Услышав подобное, редкий студент или преподаватель не был в курсе, что речь идет о председателе студенческого профсоюза Жоре (Георгии) Трофимове.

В университет Жора поступил после трех лет службы в армии, из которых два года прослужил освобожденным комсоргом. На втором курсе он был избран студенческим профсоюзным боссом и уже шестой год тянул эту лямку. Два последних года он числился аспирантом, но грызть гранит науки так и не начал. К профсоюзной работе Жора относился, как к жене, с которой в согласии прожито два, а то и три десятка лет. Это когда в любви давно не объясняешься, но существовать без нее не можешь.

В свои двадцать восемь он выглядел на тридцать с солидным хвостиком. Неудивительно, что с каждым годом для посторонних неизменное обращение к нему – Жора – казалось все более неуместным.

Последний раз таким «посторонним» оказался секретарь горкома по пропаганде, приехавший разъяснять студентам политику партии и правительства на новом этапе. Старым «этапом» был смещенный в конце прошлого года Никита Сергеевич Хрущев. Вместе с комсомольским секретарем Жора толково вел эту встречу. Чувствовалось, что для студентов он, что называется, «свой человек». Даже вопросы они почему-то адресовали не докладчику, а ему. К этому секретарь горкома отнесся нормально. Но его раздражало, что вполне зрелого и солидного мужика какие-то «сопляки», «тыкая», называли Жорой.

В итоге руководству университета было сделано внушение за «неуместный консерватизм в кадровой работе», а Георгию (!) Николаевичу (!) Трофимову была предложена должность инструктора орготдела горкома.

Пока Жора руководил университетской «школой коммунизма», к нему относились хорошо, но не более того. Истинная его ценность стала очевидной, когда он покинул свою «альма-матер».

Студенческий профсоюз являлся скорее хозяйственной, чем идеологической организацией. Его председатель решал, кому жить в общежитии, кому нет. Бдел, чтобы студентам было тепло и весело в университетском доме отдыха, в летних лагерях, в профилактории. Он был родным отцом студенческого спорта и искусства.

Много лет неброско, но уверенно он исполнял все эти роли. Да так, что даже создавалось впечатление, что это может делать любой. Увы, его заместитель, назначенный «исполняющим обязанности», уже через две недели оказался вовлеченным в скандал с распределением мест в общежитиях и вынужден был вообще покинуть университет. Брошенный на «отстающий участок» заместитель секретаря комсомола был отличным парнем. Он немедленно подтвердил справедливость старой поговорки: «Хороший человек – это не профессия», продемонстрировав полную беспомощность в хозяйственных вопросах.

– Считали Жору «среднячком», а он, оказывается, незаменимый, – полусуто-полусерьезно посетовал секретарь парткома ректору.

Ректор юмора не оценил.

– Считали, что Сталин незаменимый, а ничего, третью пятилетку без него перебиваемся. Не там и не тех ищите! Кто там у вас в кандидатах?

Секретарь парткома протянул тонкую папочку.

– Опять одни ораторы да идеологи. Дорогой мой, попробуйте с другой стороны подойти. На этом поприще нужен скорее неформальный, чем формальный лидер. Это раз. Не склочник. Это два. Способный уговорить буйных и, подобно Трофимову, освободить нас от такой неуютной миссии, как распределение студентов по сельхозработам. Это три. К тому же он должен быть хозяйственником, который не даст себя обмануть всякому жулью вроде ремонтников и строителей. По менталитету из тех, кого на арго называют «деловой». Знаете, кто мне представляется близким к нарисованному нами портрету?

– Нарисованному вами, Петр Павлович, – подкорректировал секретарь, – хотя я с этим обликом полностью согласен. Так кого вы видите на этом портрете?

– Семичева – комиссара строительных отрядов. Почему бы его не посмотреть?

– Да, Володя действительно «вписывается в образ». Но он завершает четвертый курс и у нас не останется. На него госбезопасность «глаз положила». Уговорили и зачислили в свой резерв. А брать его на один год не имеет смысла, да и они просили, чтобы без крайней необходимости он не светился. Петр Павлович, вы сказали, что кандидат должен соответствовать почетному званию «деловой». А вы в курсе, кого ребята так называют?

– Не осведомлен.

– Нашего спортивного «Perpetuum Mobile» – Сашу Дьякова.

– Вот о нем я не подумал. Возможно, что зря. «Портретное сходство» явно имеется. Я вас попрошу, поговорите с теми, кто его знает поближе, посмотрите с разных ракурсов.

Смотрины выявили полное единодушие: Дьяков – то, что надо.

Три дня, данные ему на размышление, Санька употребил с максимальной пользой. Сначала сходил в горком посоветоваться с Жорой. Потом повстречался с профсоюзными вожаками политехнического и медицинского институтов, с которыми был знаком по спортивным делам. Мимоходом, по привычке поразмышлял вслух на эту тему с однокурсниками и футболистами.

Для принятия решения он должен был себе ответить на два главных вопроса. Способен ли он выиграть игру, которую на его глазах проиграли два его предшественника? Нужна ли она ему? Или, как будущему юристу, полезнее заняться чем-то иным?

Именно так он все и изложил своим «стратегическим консультантам» – Юре Брюллову и бывшему школьному физруку.

Василий Иванович был лаконичен:

– Что ты с этой работой справишься, я не сомневаюсь. Стоит ли тебе этим заниматься? Пост, который тебе предлагают, если я не ошибаюсь, номенклатурный и выборный. Помнишь, я тебе сулил, что будешь играть в футбол за сборную Верховного Совета? Сегодня тебе выписывают билет на поезд, который идет именно в этом направлении.

Юра первый вопрос даже не стал обсуждать. Когда Санька назвал фамилии своих неудачливых предшественников, Юра презрительно сморщил губы:

– Сравнил импотентов с развратником.

– Я что ли развратник? – с неподдельным интересом уточнил Санька.

– А кто еще? Ты типичный деловой развратник. Гоняешься одновременно за несколькими «юбками» и, как ни странно, у всех добиваешься успеха. Что касается «быть или не быть», то ответ мне честно, что тебе интереснее: вникать в тиши кабинета в юридические тонкости, выискивать в формулировках законов и указов противоречия и двойные толкования? Или преобразовывать бардак в порядок, а толпу в организованную колонну. При этом

ездить не за рулем «Москвича», а на черной «Волге» рядом с персональным водителем? Мне представляется, что второе. Если это так, то соглашайся, низко кланяйся и благодари!

Дьяков, Брюллов. Февраль 1966

В приватном разговоре настоящий театрал не упустит возможности показать, что находится в курсе того, что происходит за кулисами. Знаток автомобильных двигателей расскажет не только о гидрокompенсаторах клапанных зазоров, но и кем они создавались. Уважающий себя гурман поинтересуется не только тем, что подают на обед, но и кто сегодня стоит у плиты...

Через много лет, а точнее – в начале девяностых, слушая что-то подобное, Александр Игоревич Дьяков одобрительно кивал, а про себя снисходительно улыбался.

Если поверить на слово всем этим знатокам, то все системы, о которых они рассказывали, были двухэлементными: «зрительный зал»-«закулисье», «характеристика готового изделия» – «процесс его разработки», «обеденный зал» – «кухня».

Отличие от рассказчиков он точно знал, что любая из этих систем не может быть жизнеспособной без наличия еще одного элемента, называемого правильным распределением благ. В реальности существования «третьего элемента» и его чрезвычайной важности Дьяков убедился уже в первый месяц своей руководящей профсоюзной деятельности.

В СССР профсоюзных активистов полушутя-полусерьезно называли «защитниками прав трудящихся». У капиталистов (они же – эксплуататоры) в качестве нападающих в этом футболе выступали собственники. Но в связи с их отсутствием на одной шестой части суши получалось, что трудящихся следует защищать от единственного собственника – государства. Это было бы недопустимым перебором.

Однако гармония была найдена. Называлось все «по-настоящему», а фактически в любой организации профсоюз являлся подразделением по социальным вопросам и быту, а его руководитель – заместителем первого лица по исполнению соответствующих функций. Никого защищать ему не позволялось, а вот помогать и ходатайствовать – самое то.

Довольно быстро подремонтировав и смазав заржавевшую после ухода Жоры профсоюзную машину, Санька обнаружил, что даже в ухоженном виде ей не хватает чего-то очень важного. Прожорливый механизм работал не на бензине, не на солярке и даже не на дровах. Он работал на просьбах.

Деньги на стабильные, постоянно повторяющиеся профсоюзные потребности выпрашивались в «плановом порядке». На это их более или менее хватало. Но иногда возникало «непредвиденное». Оно могло быть плохим и хорошим. Неожиданно плохой была ликвидация последствий затопления секции общежития. Хорошим сюрпризом оказалось попадание университетского эстрадного оркестра в финал всесоюзного смотра. Но и ремонт общежития, и покупка новых инструментов для оркестра требовали одного – денег. Много и срочно.

Тогда и приходилось идти с шапкой по кругу. Попрошайничать было не только унижительно. Это было еще и очень дорогим «удовольствием». Чем мог расплатиться ректор со строителями за цемент и краску? Гарантированным поступлением в университет «ребенка» главного инженера СМУ, хорошим распределением после окончания вуза и улаживанием текущих неприятностей во время учебы.

В эти комбинации приходилось вовлекать деканов, заведующих кафедрами, преподавателей. И после этого проявлять к ним требовательность?

Правда, уже в те годы появилась поросль ректоров, для которых эта система отношений с внешним миром не только не была в тягость, но и воспринималась как очень даже комфортная. Петр Павлович, ректор КамГУ, в нее не входил. Этот «бартер» его тяготил, поэтому по возможности он предпочитал обходиться без него.

Этими наблюдениями поздним февральским вечером Санька, поддерживая традицию, делился с Юрой Брюлловым. Общались они в небольшой комнате, на двери которой висела табличка:

ПРОФКОМ СТУДЕНТОВ

Начались зимние каникулы, иногородние студенты разъехались по домам, «городские», наоборот, из дома. Сейчас в этом редко пустующем кабинете, кроме них, никого не было.

– Как говорили интеллигенты, у тебя проблема «карманных денег»? Я правильно понял? – вступил в разговор Брюллов.

– Что «карманных денег», правильно, а вот что «у меня», так не совсем. Это наша общая проблема – ректората, комсомола, профсоюза. Карман-то, по сути дела, общий.

– Тогда я чего-то не понимаю. Куча вашего народа заколачивает трудовой рубль в стройотрядах. На доске объявлений твоего профкома размещена информация студенческого отдела кадров: «Сортировщики овощей на базе общепита! Касса работает по четным с 10.00 до 12.00». «Лабухи» из университета выступают на самых крутых танцплощадках. И все они «куют металл» не просто так, а под университетским флагом. Вы что-то с этого имеете?

– Стройотряды полностью под комсомолом. Вроде бы что-то ему от них перепадает. А все остальные – врассыпную. Каждый тащит в свою норку.

– Санька, это непорядок! Университет выводит их всех на покупателя, музыканты играют на ваших инструментах. Это все денег стоит. Поставь перед ректором вопрос о специальном фонде на оперативные нужды с правом использования всей вашей троицей. Думаю, что комсомол тебя поддержит. Только прежде чем к нему идти, не забудь об одном сюжете. Ты мне говорил, что ваш Петр Павлович дорожит своей репутацией. Прокачай, чтобы все в этой схеме было чисто. Впрочем, что я, технарь, учу юриста бдительности.

– Ты, Академик, не учишь, а напоминаешь. И не столько о бдительности, сколько о порядочности.

– Спасибо, что оценил...

Проект документа, представленный ректору, предписывал всем, кто оказывает услуги от имени КамГУ, в обязательном порядке заключать договор, в котором заказчик брал на себя обязательство от трех до пятнадцати процентов от суммы контракта перечислять на особый счет «оперативных расходов» университетского фонда социально-культурных мероприятий.

Там же были прописаны доли администрации, комсомола и профсоюза, конкретные распорядители средств и порядок отчета и контроля за их использованием.

Ректор внимательно, с красным карандашом в руках, прочитал проект и написал резолюцию:

«Принципиальный подход не только одобряю, но и приветствую.

Смирнову и Георгадзе (проректору и юристу):

Довести до кондиции, оформить приказом».

Листочек с резолюцией он прикрепил скрепкой к пояснительной записке и проекту положения, передав все это проректору.

– Одно обязательное условие, – добавил шеф, глядя на инициаторов проекта. – Чтобы исключить вероятность возникновения нездоровых хватательных рефлексов, никаких наличных расчетов в этой сфере быть не должно.

Не прошло и года, как идея фонда звонко выстрелила.

Расположенный недалеко от университета завод бензопил готовился к празднованию полувекового юбилея. Кроме всего прочего, решили обновить занавес сцены заводского Дворца культуры. Производство занавеса было штучным, изделие супер дефицитным. Снабженцы для перестраховки заказали его двум фабрикам. И обе заказ выполнили. Зрительные залы заводского Дворца культуры и двух студенческих клубов, университета и мединститута,

строились на основе одного типового проекта. По размерам занавес подходил всем. Машиностроители демократично сделали предложение и медикам, и университету. Медики бросились в министерство просить деньги и на полгода увязли в согласованиях. Университет «распечатал» свой «спецфонд» и через две недели перечислил требуемую сумму.

Потом, правда, ревизоры что-то накопили. Было вынесено несколько выговоров, ректору и главному бухгалтеру даже сделали денежный начет, но новый занавес, сразу преобразивший зал, уже висел на положенном ему месте, радовал глаз и наглядно демонстрировал приоритет *больших* свершений по отношению к *сиюминутным* неприятностям.

В «личном листке по учету кадров» Александра Игоревича Дьякова 1966 год оставил заметный след, отметившись трижды.

В апреле Дьяков, завершив кандидатский стаж, стал полноправным членом КПСС.

Спустя два месяца на правом лацкане его пиджака засиял университетский «ромбик», что нашло развернутое отражение в строчке № 6: «Образование».

В четырнадцатом пункте, между отношением к воинской обязанности и домашним адресом, теперь значилось: «Семейное положение в момент заполнения личного листка» – *женат*.

... Хотя в шестидесятые годы в СССР появилось уже второе поколение отечественных ЭВМ, используемых для прогнозирования, Варя Фокина не имела к ним ни малейшего отношения. Тем не менее, ее личный прогноз, сделанный еще в шестьдесят четвертом, полностью оправдался. На улаживание их с Саней совместных «частных вопросов» потребовалось два года. Он окончил университет, она – училище. В их паспортах появились штампики ЗАГСа. Но все это шло непросто, порой даже «через не могу».

Обсуждение Санино будущего, неожиданно для них, вышло за рамки семейного круга. В феврале в университете начинала работу комиссия по распределению молодых специалистов. Накануне ее заседания Дьяков пригласил к себе ректор. Кроме него в кабинете присутствовали второй секретарь райкома партии и заместитель председателя облпрофсовета¹⁶.

Ректор представил своих гостей и поблагодарил Саню «за энергичную и творческую работу». После чего сообщил, что в этом году министерство выделило юристам места только в пределах области. К выпускнику Дьякову проявляют интерес кадровики прокуратуры и МВД.

– Если вас, Александр, интересует мое личное мнение, то я бы предложил вам два, максимум три года продолжать возглавлять студенческий профсоюз. Я понимаю, что мое мнение не может быть объективным, но это тот самый случай, когда мое личное желание продолжить работать с вами совпадает с общественной пользой. Попытаюсь аргументировать привлекательность университетского предложения и для вас. Если перевести все на воинские звания, то прокуроры и МВД предложат вам лейтенантскую должность. У нас, по гражданскому ведомству, вы уже как минимум капитан. Через два года работы в профкоме для вас возможны следующие варианты трудоустройства: освобожденный заместитель секретаря нашего парткома, инструктор райкома, заведующий отделом облпрофсовета и даже заместитель председателя райисполкома. То, что это не пустые слова, подтвердят присутствующие здесь товарищи. Вы уже втянулись в режим заочной учебы. Чтобы не терять форму, я рекомендую поступить в заочную аспирантуру. И последнее. Я ценю вашу деликатность: два года распределяя комнаты в аспирантском общежитии, вы ни разу не заикнулись, что живете с родителями. Чтобы не ставить вас в неловкое положение, я распорядился выделить вам блок из ректорского резерва. Перебираться можете хоть сегодня. На первое время этого хватит, а при необходимости за квартирой дело не станет. С нашими гостями мы этот вопрос также согласовали. Да, раз уж об этом зашла речь, изменения в семейном положении не предвидятся?

¹⁶ Областной совет профсоюзов.

– Предвидятся, Петр Павлович. Если бы не они, то я сразу бы на ваше предложение ответил «да». А сейчас прошу дать мне несколько дней для совета с причиной этих «изменений».

Консультации он начал с Юрки. Погрязший в творческих муках дипломного проекта Брюллов долго не мог врубиться в суть Санькиных проблем.

– Что ты мне мозги компостируешь? Ежу понятно, ректорское предложение на порядок лучше всех остальных. Это я тебе заявляю со стопроцентной уверенностью. А вот как тебе «разрулить» ситуацию с Пружинкой – уволь! Тут я тебе не советчик. Наговорить могу много чего, но все это не стоит и копейки. Подобным опытом я, слава Богу, обделен, но он вам вряд ли бы пригодился. Такие изделия по чужим чертежам не делают.

Для того чтобы отыскать Варю в ГДР, где гастролировал ансамбль, и семь минут переговорить с ней по телефону, потребовалось почти два дня.

– Санечка! Это очень лестное предложение. С моей эгоистичной колокольни все три варианта «не блеск». Я бы не возражала, если бы тебя назначили прокурором... к нам в ансамбль. Или что-нибудь подобное, означающее: «Дьяков – Варькин хвостик». Ну как? Хотела бы я сейчас посмотреть на твое выражение лица! Чтобы больше тебя не провоцировать, перехожу к рекомендациям: соглашайся, а дальше будем думать. Целую!

Варин ответ на Санин монолог занял всего тридцать шесть секунд.

Возможность продумать все вместе и тщательно подвернулась через два месяца. Завершив гастрольный тур «ГДР – Чехословакия – Польша», ансамбль почти без пересадки развернулся на восток. В апреле его ждали крупнейшие города Урала и Сибири. Первым из них оказался Свердловск, в котором должны были состояться два выступления.

Путешествие на пассажирском поезде от Камска до Свердловска занимало девять «ночных» часов. Естественно, что у председателя студенческого профсоюза сразу обнаружились неотложные дела в «столице Урала», как не без основания любят называть свой город тогда еще свердловчане, а ныне екатеринбуржцы.

Отпроситься у ректора в командировку Дьяков решил заблаговременно. Без всяких «финтов» он сказал Петру Павловичу, что по личным причинам ему со среды до пятницы требуется посетить Свердловск. И добавил, что попутно он собирается прощупать и одну «служебную» тему.

Уже пятый год на советском голубом экране блистала студенческая передача КВН. На равных с москвичами в ней выступали ребята из Баку, Горького, Минска, Одессы, Харькова. В последнее время к ним стали подтягиваться и свердловчане. Попытки команды КамГУ пробиться в «элитный круг» КВНщиков пока успеха не имели. Разузнать о скрытых дорожках, ведущих к КВНовскому Олимпу, и собирался Саня у своих коллег из свердловского «политеха» и университета.

Ректор эту затею поддержал с осторожным энтузиазмом.

– Когда вы собираетесь быть в Свердловске? – уточнил он.

– Через неделю, со среды по пятницу, – Саня назвал даты.

Ректор взял свой ежедневник.

– В четверг я выступаю в УПИ оппонентом, зайду к их ректору. Вы накануне повстречайтесь с ребятами. Если почувствуете, что нужна моя помощь – дайте знать. Я остановлюсь в «Большом Урале».

У Сани мелькнула идея.

– А когда уезжаете домой?

Ректор набрал секретаря:

– Валентина Ивановна, посмотрите в билете время отхода поезда из Свердловска?

И выслушав ответ, продублировал:

– Проходящим новосибирским в 0.20.

– Петр Павлович! А если в Свердловске я вас приглашу на концерт ансамбля Моисеева?

Ректор еще раз заглянул в свои записи:

– Защита с четырнадцати, максимум – до семнадцати. Минут на тридцать заглянем на банкет. Считайте, что приглашение принято с благодарностью. От вопросов пока воздержусь...

С администратором ансамбля, бывшим его солистом Федором Алексеевичем (после четвертинки коньяка по его же инициативе – Федей), Дьяков познакомился еще год назад. Чокаясь, администратор покровительственно спросил Саньку:

– Ты, наверное, думаешь, что Федя из тех, кто «возьми – принеси»? Ошибаешься! Спроси любого: «Кто у нас обеспечивает связь партии и народа?». Любой скажет: «Федя»!

Еще один наводящий вопрос понадобился, чтобы выяснить, что под «партией» подразумевалось ближайшее окружение мэтра.

Когда около десяти утра автобус, встречавший «народ» в аэропорту, подкатил к гостинице, вместе с администратором их встречал отутюженный и свежевыбритый Санька.

В правой руке он держал букетик гвоздик. Еще вчера вечером они благополучно росли в университетской оранжерее. Привезти цветы из Камска было надежней, чем с утра рыскать в поисках еще одного вида дефицита по незнакомому городу.

На указательном пальце левой руки Санька недвусмысленно крутил колечко с биркой и ключом от Вариного номера.

Варя, едва успев соскочить со ступеньки автобуса, радостно ойкнув, повисла на нем.

– Санька! Тебе к этим ключикам еще бы и усики, ну чистый сутенер, – шепнула она, целуя его в подбородок.

– И много ты их видела, сутенеров?

– Уж точно больше, чем нобелевских лауреатов!

Через пару часов, завязывая перед зеркалом галстук, Саня размышлял вслух:

– Помнишь, папа Вася предлагал называть нас «любовники». Зря отказались. Вполне бы соответствовало.

Когда в субботу в шесть утра Саня у того же автобуса провожал Варю в аэропорт, статус «вахтового любовника» уже не вызывал у него восхитительно-дурашливого настроения.

Но это было потом. А пока в их распоряжении оказалось целых три дня и три ночи. Не так мало для того, чтобы чуть притушить молодой пыл и заодно обсудить серьезные «взрослые» темы.

За два года, промелькнувших после их с Варей памятной июльской ночи незабвенного шестьдесят четвертого года, Саня много раз вспоминал слова, с которыми его Варюха обратилась к родителям: «Главное, что мы любим друг друга».

Несмотря на тысячи километров расстояния между «молодыми», их совместная сдача экзамена по этой основной учебной дисциплине пока проходила успешно, тепло и на удивление спокойно.

Почему «пока» и «на удивление»?

Любовь на расстоянии – штука весьма сложная и, что еще хуже, противоречивая.

С одной стороны, это сфера повышенного риска. И Варя, и Саня имели высокую «конкурентоспособность», пользовались успехом у противоположного пола. Их окружало множество соблазнов. Оба постоянно были на людях, «вызывая огонь на себя». Чтобы избежать искушений, надо было этого не только желать, но и иметь в придачу надежный внутренний тормоз. Благодаря многолетним занятиям спортом, необходимости «режимить», терпеть, у обоих эти качества сформировались в необходимом объеме.

С другой стороны, «дистанционная» любовь имеет важное преимущество. Она, словно вино в бочках, не только сохраняет, но и повышает романтический градус. На расстоянии возлюбленные избавлены от мелочных конфликтов и беспредметных ссор. К минимуму сведена вероятность аварии, выраженной всего одной строчкой не совсем, как со временем выяснилось, пролетарского поэта Владимира Маяковского:

«Любовная лодка разбилась о быт».

Нынешняя встреча в Свердловске была неслучайной. Варя и Саня никогда не упускали малейшей возможности встретиться в Москве и в Камске. Если «моисеевцы» гастролировали в городах, которые находились в радиусе полутора-двух часов полета от Камска, свидания происходили на «нейтральной территории». Появление на воздушных трассах «быстрых» самолетов Ил-18 и доступная цена билетов делали такое десантирование реальным.

Это было здорово, интригующе, освежало чувства.

Это было хорошо. Для любовников. Но не для семьи.

Последний вывод как-то нарисовался сам собой, совпал с завершением учебы. Юношеская поэзия жизни оставалась позади. На смену ей неумолимо шла взрослая проза.

В правоведении, особенно зарубежном, давно прижился сухой, словно галета, термин: «раздельное проживание супругов». Чаще всего он отождествляется с неладом в семье.

Семейная практика предполагала и неконфликтное раздельное проживание супругов. Для моряков, полярников, разведчиков-нелегалов, космонавтов, просто работяг, завербовывавшихся на «севера», чтобы заработать на квартиру или автомобиль.

При всех красивых словах и возвышенных чувствах, «разделенная» семья не являлась полноценной. Неполюбованна она для детей, для обеспечения единства душ и, извините, тел. Разделенная семья – всегда жертва. Жертва «куску хлеба», карьере, амбициям. Рано или поздно и ей, и ему все равно предстоит определиться с ценой этой жертвы и решить для себя: стоит ли эту цену платить?

Для Вари и Сани этот момент настал. К такому выводу они, не сговариваясь, пришли уже в первый «свердловский» вечер. Обстановка располагала к спокойному разговору. До закрытия гостиничного ресторана оставалось около часа. Официанту этого времени было слишком мало, чтобы обслужить новых клиентов. Поэтому засидевшиеся гости больше его не раздражали, и он любезно выполнял их малые прихоти. Вроде «только, пожалуйста, бифштекс – без лука».

К тому же громогласный оркестр покинул сцену, и в зале лишь приглушенно звучала старая запись песен Клавдии Шульженко. Их вызванная встречей бурная радость вошла в берега, эмоции поубавились и приблизились к той отметке на шкале, после которой чувства вежливо уступают место рассудку.

В эти два прошедших года как у Саши, так и у Вари все складывалось хорошо. На обочинах дальнейшей Вариной танцевальной стези отчетливо вырисовывались интересные и выгодные заграничные гастроли, покупка или, если очень повезет, получение квартиры, московская прописка.

Санино будущее, как выяснилось недавно, на ближайшие годы было связано с Камском. Теоретически Дьяков имел возможность попасть на работу в Москву. Для этого «молодым» следовало срочно оформить свои отношения, то есть «расписаться». После чего Саня получал право на «свободное» распределение «по месту работы жены».

В февральском телефонном разговоре из ГДР Варя спонтанно, но очень точно охарактеризовала такое развитие событий: «Дьяков – Варькин хвостик». Но эту формулу даже в коротком разговоре она не могла воспринять всерьез. Дьяков и «хвостик» были для нее понятиями несовместимыми.

– Варюша! Но и ты сегодня никак не вписываешься в «хвостячий» формат, – сказал Саня. – Твои победы несколько не уступают моим. Скорее, наоборот.

Варя благодарно погладила его руку.

– Спасибо, Санечка. Для меня эти слова очень дороги. И обещаю, что я не буду ими спекулировать.

Она замолчала, вслушиваясь в слова песни.

Сигнализируя, что дорогим гостям пора закругляться, дважды мигнул свет.

– Хорошо, Сань, что у нас есть еще два дня. Утро вечера мудренее. Неужели мы с тобой да ничего не придумаем?

Утром Варя поехала на репетицию, а он отправился на встречу с местными КВНщиками. Ребята встретили его доброжелательно, откровенно поделились некоторыми «фирменными секретами», предложили подумать, чтобы объединить усилия. Особенно в создании сценариев.

В полдень он позвонил в номер ректора, рассказал ему о результатах переговоров и спросил:

– Петр Павлович! Не передумали пойти на концерт?

– Нет, как договаривались.

– Тогда я оставлю контрамарку у дежурной на этаже.

– Контрамарку? Это уже интригует! Александр, простите за любознательность: вы-то к ансамблю имеете какое отношение?

– К ансамблю, Петр Павлович, не имею. Но к артистке ансамбля – да.

– Ну и прекрасно. Тогда после концерта я заказываю столик на троих. Давно не ужинал с танцовщицами!

Из кратких реплик ректора во время концерта и в антракте Саня уяснил, что к хореографии Петр Павлович равнодушен. И к красивым женщинам тоже. Не успев устроиться в кресле, шеф с ходу заявил:

– Вы даже не подозреваете. Александр, насколько я любопытный. Берегитесь, я выверну вас наизнанку! Во-первых, кем вам приходится та, кто одарила нас контрамарками? Надеюсь, не сестрой?

– Почти угадали, Петр Павлович. Очень долго ходила в «младших сестренках». Пока не подросла.

– Вы уж потрудитесь показать мне ее на сцене. Мне морально нужно подготовиться к совместному ужину.

Указание руководства было неукоснительно исполнено. Когда номер с участием Вари окончился, ректор очень серьезно произнес:

– Поздравляю, Александр. В этой девочке есть изюминка. И при этом ничего лишнего!

Они дождались Варю у служебного выхода. Протокольное представление друг другу передовых представителей науки и искусства произошло под открытым свердловским небом. Через двадцать минут они уже сидели в ресторане.

Мужчины заказали армянский коньяк, Варя от спиртного отказалась.

– Варюша, – начал разговор Петр Павлович, – я не преувеличиваю, но сегодня у вашей труппы был триумф. Знаете, о чем я подумал, когда утихли последние аплодисменты? Наверное, такое происходит каждый раз. Каждодневно – это не слишком? Когда успех перепадает нечасто, он воспринимается как дефицит, его вкус высоко ценишь. А когда он навещает с частотой яичницы на завтрак, не приедается?

– Петр Павлович, я как-то об этом не задумывалась, но ответить попытаюсь. Только у меня к вам личная просьба: обращайтесь ко мне на «ты». Мне это будет приятней. Может быть, я даже сболтну что-нибудь лишнее.

– С превеликим удовольствием! Это с Александром по должности мне надо держать дистанцию.

– За три года, Петр Павлович, это блюдо мне не приелось. Думаю, что успех и популярность не надоедают. У ансамбля Моисеева с начала его создания имеется постоянная задача: делать лучше всех. То есть триумф предрешен. Нет его – нет ансамбля. Чтобы танцевать лучше всех, надо пролить много пота. Тогда получается, что триумф – это всего-навсего, как говорят у папы на заводе, сдельная оплата труда. А почему вы это спросили? Я о вас много наслышана

и от Сани, и от девчонок – ваших студенток. Уж вам-то есть чем похвастаться? Вот скажите, почему вы свои фронтовые награды не носите? Они же не только потом, они кровью заработаны!

– Варюша, ты опасный человек! У тебя в роду одесситы не присутствуют? Это их фирменный стиль: «А что вы думаете за это?». И тут же тебе в ответ: «А вы?».

Когда их общение достигло экватора, Варя круто изменила жанр.

– Петр Павлович, мы с Саней чувствуем себя как на очень доброжелательном, но экзамене. Настолько доброжелательном, что я подумала: а не напроситься ли нам к профессору на консультацию? Вчера за тем столом, – она показала в противоположный угол, – мы уткнулись в противоречие между содержанием и формой. Содержание: мы желаем и впредь быть вместе, навсегда. А с формой не получается. Сань, ты коньячок выпил, раскрепостился. Изложи, пожалуйста.

Саню совсем не вдохновила идея посвящать ректора в проблемы «внутреннего бытия».

– Бессердечная ты, Варвара. Обременяешь человека пионерскими проблемами в редкий час отдыха.

– Варюша, это он хитрит, пытается не только уклониться от твоего поручения, но и от контроля старшего товарища, – подыграл Варе ректор.

Деваться было некуда. Саня как можно лаконичнее пересказал вчерашний разговор.

Петр Павлович задумался...

– Долейте, Александр, для активизации умственной деятельности.

Он чокнулся с Саней, кивнул Варе и со вкусом сделал пару глотков.

– Ты, Варюша, толкаешь меня на нарушение одной рекомендации и одного принципа. Рекомендация моей дражайшей половины гласит: «Не распускай хвост перед красивыми женщинами». Мой собственный опыт к этому добавляет: «Не консультируй по сердечным проблемам». В студенчестве я был старостой группы. Нескромно отмечу, что среди ребят пользовался авторитетом. На четвертом курсе у многих из них студенческие романы стали подходить к логическому завершению. И вот, подходит ко мне один и спрашивает: «Собираюсь жениться на Вальке, как она тебе?» – «Валька? Хорошая девчонка!». И так человек пять.

– И все были хорошие? – полюбопытствовала Варя.

– Мне казалось, да. А через десяток лет встречаю на улице того, «Валькиного». Пьяный в дым, в обнимку с еще одним таким же. Увидел меня и орет на весь Камск: «Видишь Петьку? Обходи его, козла, за километр. Это он мне жизнь исковеркал, стерву-Вальку подсунул». Не в таком явном виде, но еще пара подобных упреков по подобному поводу мне досталась. Я не такой мудрый, чтобы не делать ошибок. Но их тиражирования пытаюсь избегать. Для того и установил себе принцип невмешательства. Но перед такой женщиной, как ты, Варюша, удержаться не могу. И хвост распускаю, и «консультирую».

Ректор тяжело вздохнул и чуть заметно подмигнул Дьякову.

– Чтобы оправдать собственную беспринципность, проведем консультацию не персонально, а «в общем виде». Поближе к экономике, в которой я все же профессионал, а не к психологии, где дилетант-любитель. С точки зрения формальной логики получается, что равноценный для сторон компромисс невозможен. Остается менее привлекательный вариант: серьезная уступка одной стороны для обеспечения общих интересов. Возникает вопрос: кто из вас двоих способен уступить? Не должен, а именно способен. Если поставить вопрос ребром: кто сегодня способен заплатить за обоих? Заплатить не на словах, а реальными, хрустящими купюрами за будущую негарантированную прибыль.

Не дождавшись ответа, Петр Павлович продолжил.

– Мне представляется, что способен это сделать партнер, оценивающий свою долю в будущей прибыли гораздо большей, чем его нынешний реальный капитал. Это рассуждения экономиста. Но без психологии тоже не обойтись. Заплатить за двоих способен партнер, который

психологически готов быть вторым, быть не на виду, выглядеть, как вы говорите, «хвостиком». И это совсем не обязательно удел женщины. Вот теперь, Варюша, я болтну лишнего. У нас в университете работает доцент, который не комплексует из-за того, что его супруга секретарь обкома. Скорее, наоборот. В то же время мой приятель, неплохо знающий вашего, Варюша, министра – Екатерину Алексеевну Фурцеву, утверждает, что для нее ситуация, при которой она может лишиться высокого поста, равносильна смерти.

– Нет, Петр Павлович! «Хвостик» – это мое, – не без грусти зафиксировала Варя. – Вы знаете, какой у Саньки девиз? «Никого впереди!». И этот «хвостик» прекрасно вписывается в его идеологию.

Варя и Саня проводили Петра Павловича до такси.

– Петр Павлович, – обратилась к нему Варя, протягивая руку, – надеюсь, не «прощайте», а «до свидания».

Ректор галантно поцеловал Барину руку, повернулся к Сане и как-то не по-ректорски произнес:

– Ты, Саша, ее береги.

Саня давно крепко спал, а Варя, уютно устроившись на его руке, все размышляла над словами Петра Павловича. В них она обнаружила одну подсказку. Ей нужно было внимательно и всесторонне посмотреть на свою профессию, на собственный, как он выразился, бизнес. Оценить его на предмет отсутствия или наличия проблем.

С «плюсами» все было ясно. Немереное число претендентов на работу «у Моисеева» наглядно это подтверждало.

А вот имеются ли пятна на этом солнце?

У себя в Камске Варя постоянно ощущала идущие от окружающих ее людей тепло и симпатию. Ее берегли и даже баловали. Здесь, несмотря на то, что она «вошла в обойму», необходимо было продолжать каждый день и даже каждый час жестоко биться за свое «звездное» существование. Большинство ее коллег без насилия над собой приняли для себя эти правила игры. У нее же они по-прежнему вызывали дискомфорт.

Только теперь до Пружинки дошел смысл слов их тренера, лет пять назад популярно объяснявшего своим ученикам разницу между любительским и профессиональным спортом.

– Многие думают, что разница в деньгах. Деньги – не последнее дело, но и не первое. Любительский спорт – это игра для собственного удовольствия. Выиграл – отлично. Проиграл – не беда, просто испытал остроту ощущений. В профессиональном спорте или ты побеждаешь, или тебя просто не существует.

Сколько Варя себя помнила, и в спорте, и в танцах она постоянно росла. И сейчас она так же напряженно работала над собой. Но в последнее время у нее появилось ощущение, что как танцовщица она буксует. В Камске Варя была в числе лучших. У Моисеева она оказалась одной из многих. Многих хороших, а не плохих. Высшей похвалой мэтра было выражение: «Это похоже на дело». Лично ей услышать такие слова в свой адрес не довелось.

Уже на третий год работы в ансамбле Варя обратила внимание на существование одной темы, о которой артисты между собой старались не говорить. Если коротко, то эта тема укладывалась в три слова: «короткий век танцовщика». За редким исключением, «звезда балета» на самом деле не «звезда», а «метеор». Два десятка лет, и его уже нет на небосклоне. А на земле все надо начинать с самого начала. Начинать, когда тебе уже за сорок.

Варя попыталась подвести итог: стоит ли все это откладывать на целые четыре пятилетки?

Подумав, она облегченно вздохнула, приподнялась на локоть и сверху посмотрела на Саню. Судя по довольной физиономии, ему снилось что-то вкусное.

– Саня, – сначала тихонько позвала она, потом чуть громче, – Сань!

Санька открыл глаза, еще, видимо, не в силах сразу вырваться из другого измерения. Потом он разглядел Варины глаза и, улыбаясь, потянулся к ней...

– Дьяков! – строго шепнула она. – Ты не то подумал. Зови меня под венец!

После уральско-сибирских гастролей артистам дали две недели отпуска. Благодаря этому, июнь шестьдесят шестого оказался урожайным на заявления. Два одинаковых были поданы «молодыми» в Камский ЗАГС. Авторство в двух других принадлежало только Варе. В одном она просила дирекцию ансамбля «освободить ее от занимаемой должности по семейным обстоятельствам». В другом содержалась просьба допустить ее к приемным экзаменам в Камский университет «на льготных условиях в связи с наличием трудового стажа (три года)».

Администратор ансамбля Федор Алексеевич как связующее звено между «партией и народом» заявление принял. Внимательно прочитав его, он не без симпатии спросил:

– Хорошо подумала? Ты у нас не первая, кто замуж выходит.

– Как тут не думать, Федор Алексеевич.

– Второй вопрос, извини, деликатный: в декретный отпуск не собираешься?

– Пока нет. А что?

– Я же сказал, что ты не первая. По закону тебя должны отпустить через месяц. Но если не подпирает, просят на два-три месяца задержаться. Чтобы новеньких ввести в номер.

Представляясь как «связной», Федя не набивал себе цену. Все точно так и произошло. Варю попросили поработать еще два месяца. Она согласилась не раздумывая. Меньше всего ей хотелось, чтобы ее посчитали неблагодарной.

При поступлении в университет возник только один вопрос: какую выбрать специальность? Варя, проштудировав «Справочник для поступающих в вуз», подчеркнула красным карандашом «экономическую географию». Саня удивился:

– Я думал, ты выберешь что-нибудь «культурное»: историю, филологию.

– Экономическая география, Санечка, тоже не бескультурье. Географию я неплохо познала на практике за последние три года. Думаю, что в университете вряд ли у кого имеется столько виз в загранпаспорте и налета часов внутри Союза.

– А экономика? Ты в ней тоже корифей?

– Посмотрела бы я, как твои корифеи прожили в Нью-Йорке на пятнадцать долларов в день! Если серьезно, ты прав. В экономике я разбираюсь очень слабо. Но зато экономиста Петра Павловича понимаю с полуслова. Все остальное приложится.

Для одних Новый год – праздник. Для других – рабочая смена с вредными условиями труда. Председатель студенческого профкома Александр Дьяков однозначно относился ко второй категории.

Уральцы всегда встречают Новый год дважды: по «камскому» времени и «по Москве». В два часа только что наступившего 1967 года, под звон бокалов во второй раз прозвучало громкое «С Новым годом!». Самые торопливые гости потихоньку стали покидать университетский актовый зал. Саша подошел к своему коллеге – комсомольскому секретарю Алику, и пожал ему руку:

– Поздравляю. «Горку» перевалили, танкоопасные направления позади.

К «танкоопасным» относились накладки с размещением за столиками, ляпы в концертной программе, нелады с выпивкой и закуской, повышенная активность перебравших норму.

Локализация последних не первый год исполнялась на уровне лучших мировых стандартов. Тренер самбистов выделял четырех своих питомцев, которые уговорами или болевыми приемами успокаивали слишком темпераментных. Бывало, что этими «слишком» оказывались и преподаватели. Отрабатывать на них «подсечку» или «зацеп» было как-то не этично. К тому

же выявилась закономерность: буйствовали преподаватели, которые в трезвом состоянии чаще всего были самыми тихими и невредными.

На этот раз все было спокойно. Алик и Саша подошли к «ректорскому» столу, поинтересовались: нет ли «ценных указаний»? Указание было одно: продолжать в том же духе.

Теперь можно было расслабиться со «своими». К этой категории принадлежали непосредственные организаторы праздника. Майор военной кафедры, обеспечивающий исполнение правила «чужие здесь не ходят»; директор студенческого клуба и заместительница директора университетской фабрики-кухни; тренер по самбо. А также «служители муз» – актер драмтеатра, выступавший в качестве режиссера театральной студии, его коллеги – руководители студенческих эстрадного оркестра, хора и танцевального ансамбля.

На каждого из «взрослых» приходилось по два-три студента – их ближайших помощника. В их числе фигурировала и солистка танцевального ансамбля, студентка географического факультета Варя Дьякова.

У военных есть традиция. Когда парадный расчет минует трибуну, возглавлявший его командир выходит из общего строя и поднимается на нее. То же самое происходило за этим столом. Пока подопечные выступали в «парадном строю» перед гостями, их мэтры были с ними. Заканчивался номер, и «командир» подсаживался к коллегам.

– Сегодня, конечно, получилось неплохо. Но называть это «БАЛОМ»? Помилуйте! Вы знаете, каким должен быть настоящий бал? Настоящий бал должен греметь, а не издавать жалкие звуки. На балу голова должна кружиться и без всякого употребления горячительных напитков. А при их употреблении уважаемым гостям желательно забыть о своем пролетарском происхождении и соответствовать лучшим традициям Благородного собрания. Заведения, увы, неведомого нынешнему поколению не только студентов, но и преподавателей. И, несомненно, бал несовместим с громким всеобщим криком. Если даже этот крик называется коллективным пением комсомольских песен.

Этот монолог принадлежал многолетнему руководителю университетского хора Ивану Александровичу Оболенскому. Он был реакцией на реплику майора, что «получился настоящий бал».

Ивану Александровичу накануне исполнилось семьдесят. С хористами он никогда не говорил о своем прошлом, но от одного студенческого поколения к другому передавались легенды о крутых поворотах его музыкальной судьбы – от дирижера военного оркестра до солиста знаменитой свердловской оперетты.

Несложный арифметический расчет показывал, что в судьбоносном 1917 году Ивану Александровичу уже исполнилось двадцать два года. Это обстоятельство, в сочетании с сохранившейся в его годы выправкой, давало основание относиться к его ссылкам на Благородное собрание без малейшей иронии.

Саша сел рядом с Варей и оказался прямо напротив Оболенского. Иван Александрович немедленно отреагировал на появление нового действующего лица.

– Саша! Ты действительно повесил бутсы «на гвоздик»?

– Пора, Иван Александрович. А то дождешься, что с трибун закричат: «Старика Дьякова – на мыло!».

– Тебя будет не хватать. Кто, кроме тебя, в штрафной способен пяточкой выложить мяч под удар? Никто! Нет, Саша, рано.

– Иван Александрович, пять лет назад, когда я надумал идти в профессионалы, один мудрый человек сказал: «Иди в университет. А в футбол будешь играть за сборную Верховного Совета. С животиком, но технично».

Руководитель эстрадного оркестра встал из-за стола. В руках у него была рабочая программа вечера.

– Коллеги, принимаю эстафету. Я не ошибаюсь: «Дамы приглашают кавалеров»? У нас заготовлен вальс, но публика, похоже, приуслала. Может, что-то менее головокружительное?

– Давид, – обратился к нему Оболенский, – «Утомленное солнце» у вас имеется в репертуаре?

– Обижаете, Иван Александрович!

И он направился к оркестрантам.

Ведущий объявил в микрофон: дамский танец!

Первые полторы-две минуты народ упорно не желал оторваться от насиженных мест. Потом появилась первая пара, вторая, третья. Эти третьи были особенно хороши: высокие, стройные, пластичные.

– Аспиранты мехмата, – внес ясность Саня.

Аспирантский почин был немедленно подхвачен.

Иван Александрович вполборота, покачиваясь в такт музыке, с удовольствием смотрел на математиков. Он явно был с ними.

Варя легонько толкнула Саню локтем, подмигнула и встала:

– Иван Александрович, разрешите...

Оболенский сначала удивленно, затем благодарно улыбнулся и несуетливо поднялся. Его плечи раздвинулись, четко щелкнули каблуки. Обойдя стол, он с поклоном остановился перед Варей и протянул ей руку.

Выйдя на паркетную площадку, пара замерла на несколько секунд, ожидая музыкальной паузы, после которой можно исполнить первые восемь шагов «выхода». Они, словно пассажирский лайнер среди сухогрузов, изящно рассекли танцевальную акваторию. Резкая остановка, поворот... Несколько плавных оборотов в паре в одну, другую сторону... Выполняя эти стандартные фигуры, они как бы принаравливались друг к другу. А потом началось!

Варя, совершив круговое движение вокруг партнера, на секунду замерла. И вот они уже стремительно сделали ритмичную пробежку вперед. Остановка, поворот и... И Иван Александрович изящно «подметает» носком туфли пол вокруг застывшей партнерши... Несколько метров пара проходит спокойно вальсируя, затем снова остановка, резкий разворот в одну сторону, в противоположную... И партнер на этот раз рисует носком новый круг, как бы обозначая запретную зону для всех, кто находится за его пределами. Понадобилось всего несколько фигур, чтобы уже никому не надо было растолковывать значение слова «элегантность».

То ли стесняясь танцевать на таком фоне, то ли залюбовавшись ими, остановилась и отошла в сторонку полноватая профессорская пара. Почти сразу их примеру последовали еще два дуэта. Все они, не покидая площадки, продолжали смотреть на это сочетание грации и достоинства. В конце концов в круге остались только Варя с Оболенским и аспиранты.

Начинал оркестр играть без дирижера. И почти никто не заметил, как Давид Соломонович занял свой командный пункт и повел музыкантов вслед за танцорами. Он вовремя увидел, как участилось дыхание Вариного партнера, и мастерски закруглил исполнение.

Иван Александрович слегка поклонился аплодирующим зрителям, поцеловал руку Варю, аспирантке и подошел к дирижеру.

– Спасибо, Давид! Спасибо, ребята! Еще немного – и вам пришлось бы исполнять минорный марш.

У «своего» стола Варю и Оболенского встречал Саня.

– Иван Александрович, блестяще! Порода есть порода!

– Спасибо. Хотя комплимент и жеребчий, но все равно приятно.

– И позвольте мне отобрать у вас партнершу. Представляю: студентка Варя Дьякова, моя жена. Еще полгода назад – артистка ансамбля Моисеева.

– И она тоже бросила? – с сожалением спросил Оболенский.

– Что «тоже»? – задал встречный вопрос Саня.

– Ты – футбол, она – ансамбль. Впрочем, что сказал тебе «мудрый человек» про Верховный Совет?

– Что буду играть за его сборную «с животиком, но технично».

Иван Александрович сел, взял стакан с минеральной водой и замер задумавшись.

– Может, он действительно мудрый, этот твой человек?

Он отставил в сторону стакан и взялся за фужер с вином:

– Давайте выпьем за то, чтобы Варя была примой на балах Верховного Совета!

Брюллов, Атаманов, Морозовский. 1967

В институте Юра учился ровно, без троек. До четвертого курса пятерок тоже было негусто. Чтобы держаться на этом уровне, ему всего лишь нужно было не пропускать лекции, внимательно их слушать и конспектировать, пытаться докопаться до сути на семинарах и практических занятиях.

Хотя с точными науками у Юры конфликтов не наблюдалось, по складу ума он все же был гуманитарием. В свои любимые школьные предметы – историю и литературу – он погружался для собственного удовольствия, подбирая книги для чтения не враспынную, а по темам, которые зацепили. В институте таких дисциплин пока не обнаружилось. В общественных науках настолько явственно ощущались фальшь и лицемерие, что любовь к ним как-то не воспламенялась.

На четвертый год появились учебные курсы, связанные с экономикой и управлением. Накануне он впервые побывал на заводской практике, где, кроме всего прочего, оценил мудрость только что появившегося анекдота:

Ереванское радио спрашивают:

– Чем отличается бардак от публичного дома?

Отвечаем:

– Публичный дом – это заведение. А бардак – система.

Видимо, по природе Юра был не только гуманитарием, но и системщиком. Его интересовало все, что способствует превращению бардака в четко действующий механизм, в порядок. И тогда потоком пошли пятерки по этим дисциплинам, по курсовым работам и проектам, где присутствовали не только техника и технологии, но и управляющие ими люди.

Эту информацию и сопутствующие ей размышления Юра постарался довести до сведения НОД-4 Атаманова, отвечая на его короткий, но заковыранный вопрос:

– Чем ты дышишь?

Перед этим Атаманов внимательно разглядывал вкладыш к диплому инженера Юрия Брюллова, распределенного в распоряжение Уральского металлургического центра МПС. Или, коротко – УМЦ. Завершив это занятие, он вложил вкладыш в диплом и резко захлопнул корочки.

– Что ж, для перворазрядника очень даже достойно! И чему вас учили, мне теперь тоже ясно.

Николай Петрович Атаманов, возглавив отделение дороги, не изменил своему правилу «охотиться за головами». С каждым из молодых специалистов он беседовал минимум пятнадцать минут и не выпускал их из своего поля зрения и в дальнейшем. Года через два на некоторых он ставил крест и вычеркивал из своей «кадровой» тетрадки. Таких набиралось чуть больше половины. За остальными присматривал, часто перемещая не только по карьерной вертикали, но и по горизонтали.

– Гуманитарий, системщик. Это меняет дело, – среагировал Атаманов на рассказ Юры. – Кадровики предлагали направить тебя технологом в литейный цех, но, думаю, они тебя не раскусили. В УМЦ начальник ООТ¹⁷ из нормировщиков. Ему все эти НОТ и тем более сетевой график нужны как козе тромбон. Просится обратно к своим «нормам выработки». Давай мы тебя к нему стажером назначим на три месяца? Если ты и я почувствуем, что это твое – осядешь. Если нет – подберем что-то другое. Параллельно ликвидируем типичный пробел высшего образования: подучим тебя общению с рабочим классом. Знаешь, какое главное качество

¹⁷ Отдел организации труда.

руководителя любого ранга? Не дать подчиненным запудрить тебе мозги. Особенно это болезненно ощущается при общении с «гегемоном». Только сразу дам тебе одну вводную. По штатному расписанию в ООТ должны служить исключительно трудовики. Их хлеб разнообразием не блещет: повременка, сдельщина, хронометраж. А для меня организация труда и производства неделимы. Если они в обнимку не работают на экономику, на реформу, то это пустые хлопоты. Когда ты этим проникнешься, мы с тобой такого наворочаем!

Чтобы атамановская вводная не показалась тарабарщиной, придется вернуться на два-три года назад.

После окончания войны, смерти Сталина и свержения Хрущева стало ясно, что военные, силовые методы управления экономикой страны для мирного времени не подходят. А какие подходят?

Вокруг этого на самом верху возник нешуточный спор. Харьковский профессор Либерман опубликовал в «Правде» статью, в которой предлагал повысить хозяйственную самостоятельность предприятия, дать ему возможность заработать средства на зарплату, развитие, на социалку. Позволить по своему разумению, без вмешательства сверху, потратить заработанное.

Иной путь придумали «математики», идейным вдохновителем которых был академик Глушков. Улучшить управление предприятиями они рассчитывали за счет тотальной информатизации. Для этого предлагалось создать единую для всей страны государственную сеть вычислительных центров.

Легенда это или сущая правда, но говорят, что выбор варианта реформы определил ответ на вопрос председателя Совета Министров СССР Алексея Косыгина: во что это обойдется?

Либерман ответил, что финансовые затраты на его вариант равны стоимости бумаги, на которой будут напечатаны соответствующие указы, а первые результаты пообещал уже в ближайшие месяцы.

Затраты на вычислительные центры оценивались большими миллиардами, а время на их создание и запуск – многими годами.

Председатель Совмина, который умел считать деньги и ценить время, предпочел быструю и недорогую самостоятельность. В сентябре шестьдесят пятого было принято постановление «Об улучшении управления промышленностью». Процесс его реализации назвали «косыгинской реформой».

Через три месяца после беседы с НОД-4 стажер Брюллов доложил шефу четыре позиции своего видения ситуации с УМЦ.

Во-первых, по его мнению, техническому уровню оборудования, оснастки и приборов УМЦ могли только позавидовать все предприятия города. Включая аристократов машиностроения – моторостроителей.

Во-вторых, оборудование было рассчитано на изготовление высокоточных заготовок, сварку и термообработку малыми партиями. Производить на нем «грубую» продукцию, например тормозные колодки, было равносильно обработке с точностью до микрона болтов для монтажа вагонных унитазов.

Третья позиция заключалась в том, что было экономически целесообразно загрузить примерно шестьдесят процентов мощностей УМЦ собственными заказами, а на оставшихся сорока выполнять заказы машиностроителей на высокоточные заготовки малых серий, на экспериментальную и новую технику. Заказы на собственные «грубые» заготовки больших серий гораздо дешевле разместить у «соседей».

Четвертая и последняя позиция гласила, что с точки зрения технологии и экономики все эти встречные потоки были легко осуществимы, но принадлежность будущих смежников к «чужим» министерствам ставила реализацию этой схемы под вопрос.

У Атаманова руки до УМЦ пока не доходили, но интуитивно он чувствовал, что проект, в свое время задуманный в условиях совнархоза, сегодня должен быть скорректирован.

– Сколько тебе потребуется времени, чтобы подготовить хотя бы приблизительные расчеты и устроить для меня и еще двух-трех человек экскурсию в УМЦ и к возможным смежникам? Ориентируйся на половину дня.

– Если буду расчетами заниматься один, то недели четыре. Если дадите в помощь плановика – две.

– Плановика дам. Выездной доклад должен быть готов через три недели. Все вопросы с заводами решай через моего помощника. Точную дату согласуй с ним же.

В назначенный день Юра ожидал высокопоставленных экскурсантов у микроавтобуса с нежным названием «рафик»¹⁸. Вместе с Атамановым из здания НОД вышли главный инженер, начальники УМЦ и планового отдела и незнакомый Юре мужчина.

– Знакомьтесь, – представил его Атаманов, – Ежиков Владимир Михайлович, секретарь горкома по промышленности и транспорту.

За три часа они побывали на двух заводах и в УМЦ. Примерно двадцать минут Брюллов в кабинете Атаманова с помощью трех заранее подготовленных на ватмане плакатов формулировал свои предложения. Еще час ушел на их обсуждение.

После совещания Атаманов задержал Юру.

– Как ты смотришь на то, чтобы заняться исключительно этим проектом? Естественно, в новом статусе – заместителя начальника отдела новой техники УМЦ. В твое распоряжение даю две ставки. Для начала. Кого нужно – подбирай сам.

Ты понял, почему я пригласил Ежикова? Без горкома и обкома нам это дело не поднять. В горкоме с тобой постоянно будет на связи инструктор промышленного отдела.

– Смотрю я на это дело, Николай Петрович, с удовольствием. Но с большим мандражом. Я в жизни еще никогда и никем не руководил.

– Не беда! Ты еще много чего в жизни не делал.

Каждый нормальный человек не то что любит, а нуждается в том, чтобы похвастаться. Особенно когда есть чем. Сегодня у Брюллова были все основания заняться этой полезной для собственного здоровья психотерапией. Еще три месяца назад суровая кадровичка дважды заставляла его переписывать анкеты из-за какой-нибудь лишней запятой. А сегодня она ангельским голосом спрашивала, когда он найдет время завизировать уже подготовленный приказ. Приказ был о его назначении.

Первым делом он позвонил домой и доложил о приятном событии маме. У отца был «святой» день – операционный – когда его лучше было не отвлекать. Юра и не сомневался, что мама ему все перескажет в первую свободную минуту.

Постоянно бегущего по своим профсоюзным делам Саньку он отловил только с третьего звонка. Санька искренне обрадовался за друга. Он не только принял информацию «к сведению», но и дал телефон «нужного человека», своего предшественника Жоры Трофимова. Жора трудился не где-нибудь, а в орготделе горкома.

– Учти, Юрка, мимо его отдела ни одна муха не пролетает.

Уже попрощавшись, Дьяков вдруг вспомнил еще один сюжет:

– На прошлой неделе я не принял твое приглашение посетить «салон Шерер». После разговора с ректором беру свои слова обратно. Он порекомендовал посмотреть, стоящее ли это дело.

– Прекрасно! Жду в пятницу в девятнадцать. Варюхе – пламенный привет!

В той части камского общества, которое могло претендовать на звание «светское», под кодовым названием «салон Шерер» уже второй год значились музыкальные вечера в Камском Доме ученых. Своим возникновением и названием «салон» был обязан тоже Анне Павловне. Только не Шерер, а Звенигородской.

¹⁸ Микроавтобус производства рижского завода.

Анна Павловна Звенигородская была той самой Анечкой, с которой первокурсник Юра Брюллов познакомился на теплоходе четыре года назад. Их бурный роман продолжался каникулы и целый семестр. Высокий градус романа обеспечивался в первую очередь Анечкой. Хотя оценка «градуса» даже в науке весьма субъективна.

Вскоре после знакомства они оказались одни в квартире Юриных родителей. Сначала, сидя на диване, рассматривали семейный альбом Брюлловых. Очень быстро альбом свалился на пол, и началось нечто более злободневное и естественное для их девятнадцатилетнего возраста. В тот момент, когда, по ощущению Юры, настала «точка кипения» и он неумело попытался расстегнуть какие-то пуговички-кнопочки на Аниной талии, она отстранилась.

– Юрик! Я девушка современная, но не без странностей. Своему мужу я достанусь девственницей.

Юра, как человек воспитанный, с огромным трудом поборов зов плоти, отступил.

Сюжет с тем же успехом повторился еще пару раз. Так и не выйдя из платонического состояния, жар их отношений стал потихонечку понижаться.

Лет через пять, сделав Анне Павловне искренний комплимент, он полушутя-полусерьезно посетовал:

– Насколько я разбираюсь в урологии, если бы у этой прекрасной женщины не было одной странности, сегодня она была бы моей.

Анна Павловна не осталась в долгу:

– Запомните, молодой человек: в серьезных делах словам и уговорам власти и женщины не следует верить. И ту и другую надо брать штурмом.

Анечка была единственной дочерью известного профессора-химика. А ее папа был не только умным и образованным, но и хватким. Понятно, что Анин избранник должен был обладать всеми этими качествами в полной мере. Деловыми качествами Юра свою подружку постепенно разочаровывал. Он внимательно изучал все, что происходило вокруг, формулировал интересные идеи и раздаривал их, например тому же Дьякову. Но проблема была в том, что он совсем не предпринимал попыток снять с них хотя бы минимальный навар для себя. Стать, к примеру, лауреатом студенческого конкурса, поруководить студенческим научным обществом, обаять заведующего кафедрой с прицелом на аспирантуру.

Когда Анечка упрекала Юру за его новый бескорыстный подарок, за очередную «упущенную выгоду», он лениво оправдывался:

– У меня что, соображалка вышла из строя? Придумаю еще.

Постепенно их встречи становились все реже и незаметно сошли на нет.

Как выражаются химики, катализатором завершения их романа было появление в доме Звенигородских папиного любимца Толика Михайлова.

Два года назад Толик защитил кандидатскую диссертацию. Он обладал способностью не только написать обо всем что угодно, но и достать это все хоть из-под земли. На момент знакомства Толик с шефом писали совместную монографию, которая затем должна была превратиться в его докторскую диссертацию. Энергичный кандидат наук был не только ученым секретарем совета папиного академического института, но и возглавлял молодежную секцию при Доме ученых.

Влюбился он в Анечку с порога. В самом прямом смысле. Когда на его звонок открылась дверь профессорской квартиры, молодой ученый внезапно обнаружил перед собой что-то изящное с большими глазами, одетое, по-домашнему, в маечку с глубоким декольте и в теннисные шорты. Михайлов потерял дар речи.

– Извините, я, кажется, не туда, – пробормотал он, пребывая в полубессознательном состоянии.

– Если вы Толик, то именно туда!

Как показало дальнейшее развитие событий, права оказалась Анечка. Толик был на семь лет старше ее, он уже прочно стоял на ногах, и эти ноги точно знали, куда шагать дальше. Вместе с такой девушкой ноги готовы были не только шагать, но и бежать. Быстро и долго.

Они расписались одновременно с окончанием Аней третьего курса. Чтобы сохранить династию химиков и редкую фамилию, Аня осталась Звенигородской.

Анатолий Александрович Михайлов попал в руководители молодежной секции Дома ученых случайно. Председателю Камского научного центра перед профсоюзной конференцией принесли на согласование список руководства Дома ученых. Против названия молодежной секции стоял прочерк.

– У нас что, молодежи нет? – удивился академик.

– Согласовали Кравченко из Института геологии, но два дня назад он прошел по конкурсу в Сибирское отделение. Три кандидатуры перебрали, но по каждому возникли вопросы.

– Вы их в тыл врага будете забрасывать или в космос запускать?

Академик встал из-за стола, подошел к двери, ведущей в приемную, и широко открыл ее. В приемной его ожидали четыре посетителя.

– Вы из какого института? – обратился он к самому молодому на вид.

– Прикладной химии, Леонид Степанович! Ученый секретарь Совета – Михайлов. Я с проектом постановления президиума по нашему институту.

– Товарищ Михайлов, ответьте, вас очень обременит руководство молодежной секцией нашего Дома ученых?

– Думаю, что нет.

– Давайте ваше постановление и пройдите с этими товарищами. Они все объяснят. Желаю вам успехов в развитии творчества молодых!

После знаменательной встречи с Большим Шефом прошло чуть более года. Как ни странно, но председатель его запомнил и позже, дважды встречая на заседаниях, задавал один и тот же вопрос:

– Как молодежь? Чем удивите?

Удивить Большого Шефа обсуждением сметы проведения детского новогоднего праздника было проблематично. Лыжным кроссом и читательской конференцией – тоже. Но ничего такого, что могло оправдать ожидания академика, Михайлову в голову не приходило.

Эта заноза так раздражала Анатолия Александровича, что своей бедой он поделился с Анечкой уже на первом их свидании вне ее родительского дома. Аня выслушала своего поклонника с интересом.

– У тебя имеется какой-нибудь документ, дающий представление, чем в вашем Доме занимаются?

– Планы работы. Годовой и по месяцам. Что конкретно тебя в этой бумаге интересует?

– Идеально, если того, что мне интересно, в ней нет.

Уже на следующий вечер Михайлов отрапортовал о выполнении задания. Аня проштудировала годовой и три месячных плана работы Камского Дома ученых и с удовлетворением констатировала: да это непаханая целина!

Анатолий непонимающе пожал плечами.

– Толя, тебе папа не рассказывал, где и как он познакомился с мамой? В Московском Доме ученых на Пречистенке. Спроси меня: чем она там занималась?

– И чем же она занималась?

– Вела музыкальные вечера. Очень даже популярные. Называлось все это «Музыкальный салон Дома ученых». Насколько я понимаю, ничего подобного у вас нет? Тогда пойдем и попросим ее поделиться творческими секретами. После чего ты смело можешь приспособливать московский культурный продукт к уральским условиям.

– А кто будет клиенту преподносить этот продукт? Тоже мама?

– Толик, возбуди фантазию. Конечно, я!

Несколько тещинных «ноу-хау» явно претендовало на гриф «особой важности»:

– Публика идет не на музыку, а на музыканта. Музыкант должен быть только экстра-класса. Столичный или местный, но «экстра». А вход в круг уважающих себя людей должен быть не широко раскрытыми воротами, а узкой калиточкой.

Еще два «секрета фирмы» касались ведущей.

– Музыка – не химия и даже не политика. О ней можно говорить все что угодно и не ошибиться. Так, мол, я ее воспринимаю. Да и вообще, лучше всего рассказывать не о музыке, а об исполнителе или об авторе. Говоря о нем, ошибаться допустимо, но лишь в лучшую сторону.

И, конечно, рассказывать о главной персоне вечера следует не пафосно, а по-домашнему. Мол, он великий, но из нашего, из родного круга. Захотелось – потрогай!

Молодые супруги оказались способными учениками. С названием мудрить не стали: «Музыкальный салон Дома ученых». Право на «салон» давало место проведения – большая гостиная на втором этаже старого купеческого особняка, в котором ученые позволяли себе отдохнуть от любимой науки.

Гостиная была рассчитана на семь, максимум девять десятков гостей. Поэтому чуждому человеку всегда можно сказать: увы, но свободных мест уже нет.

Первое время посетителями салона были официальные подопечные Михайлова – научная молодежь. Но очень скоро о салоне заговорили в городе. Быть туда вхожим стало сначала интересным, затем модным, еще позднее – престижным. Подрос не только средний возраст гостей, но и их властный вес. Но лучшие представители молодежи остались. Среди них и Юра Брюллов.

В отличие от земного шара, популярность салона держалась не на трех, а на двух китах.

Первым китом были личности самих исполнителей. Выполнить завет мудрой тещи, что почетный гость салона обязательно должен быть «звездой», в Камске было непросто, но возможно.

Наладив связь с областной филармонией, хозяева салона заблаговременно знали, кто из знаменитостей и когда будет гастролировать в Камске. Следующий шаг подсказал старший Звенигородский: попытаться найти в Камске людей, которые с этой самой конкретной звездой были на «ты». Удивительно, но и эта задача оказалась выполнимой. Обязательно обнаруживались какие-нибудь друзья детства, однокурсники или коллеги. Так, когда ждали приезда знаменитой певицы народных песен Руслановой, неожиданно выяснилось, что бухгалтер оперного театра хорошо знакома с Лидией Андреевной по совместному пребыванию... во Владимирском центре в пятидесятом году.

С друзьями звезды для начала проводилась разъяснительная беседа. После чего по междугородней станции заказывался квартирный телефон звезды и, после обмена любезностями и новостями, камский друг или подруга произносили примерно следующее:

– Видела макет афиши твоих гастролей в Камске. Очень симпатичная!

...

– Как мы можем такое пропустить! Уже заказали билеты.

...

– Какие контрамарки? Не затрудняй себя. С этим все в порядке. Но одна лично-общественная просьба у меня имеется. У нас в Доме ученых очень милые люди проводят музыкальные встречи. И очень хотели бы принять тебя в качестве почетного гостя.

Далее в разговор вступала Анечка, которая обговаривала жанр концерта-встречи и мимоходом сообщала, что гонорар Дом ученых может предложить скромный, но рецензии будут солидные, включая московские издания.

Статистика не даст соврать: шесть из десяти приглашаемых давали свое согласие. И не жалели об этом. Многие из них потом сами выступали в роли рекомендующих.

Автором и создателем второго «кита» стал Анатолий Александрович. Как истинный ученый, он развил и дополнил творческий опыт тещи. Когда популярность салона вышла за пределы городской академической среды, кандидат химических наук Михайлов сформулировал оригинальное геометрическое кредо салона: «место пересечения непересекающихся плоскостей».

Обычно человек чувствует себя уютно в привычной для себя обстановке, среди своих. И все же это состояние не может продолжаться бесконечно. Порой душа требует чего-нибудь новенького, любопытного, острого, «импортного».

И вот уже медицинское светило млеет от комплимента нетипично стройной оперной примадонны по поводу операции, сделанной их главному дирижеру.

А генеральный конструктор авиадвигателей светится от счастья, слушая известного профессора, биолога, свежеепеченного лауреата международной премии:

– Привозят нас на авиасалон «Ля Бурже», заходим в советский павильон, и что я вижу? Ваш двигатель! Облепленный фотографиями как мухами!

Особую прелесть представляли собой ситуации, когда пересекались духовное с материальным. К примеру, когда, прощаясь, директор ЦУМа, который весь вечер держался в тени, целуя ручку хозяйке салона, скромно произносил:

– Анечка! Вы чудо! Создать такую атмосферу! Чтобы не забыть, наведайтесь на следующей неделе к нам. Пришла партия дубленок, имеется ваш размер.

К осени шестьдесят шестого года Анечка стала полновластной хозяйкой салона. И теперь Анечкой она представлялась далеко не всем. Чаще – Анной. Случалось, что и Анной Павловной.

Гости салона в большей или меньшей мере были ценителями изящной российской словесности. Совпадение статуса, имени и отчества персонажа «Войны и мира» и «хозяйки дома» привело к тому, что постепенно музыкальный салон Дома ученых стали называть «салон Анны Павловны», а потом и совсем коротко – «салон Шерер».

Анечку такое сокращение никоим образом не огорчало.

В этот раз почетным гостем вечера был тот самый генеральный конструктор авиадвигателей. Он хорошо играл на рояле, в молодости был солистом студенческого джаза. По аналогии с популярнейшим музыкальным фильмом тему вечера Анечка назвала «Серенады реактивного двигателя».

Генеральный конструктор был на высоте. Каждую из мелодий, которую исполнял, связывал с кем-нибудь из своих многочисленных знакомых. А знакомые у него были неслабые: от Хрущева и космонавтов Леонова и Беляева до артиста Марка Бернеса и композитора Никиты Богословского. Его «Темную ночь» генеральный предложил спеть всем вместе под свой аккомпанемент. Хотя Хрущев был уже не самой популярной фигурой, но музыкальный салон не партийно-хозяйственный актив, можно и вспомнить.

– Николай Борисович, – решила еще выше поднять акции гостя Аня, – а какая была любимая песня Никиты Сергеевича?

– Говорят, «Рушничок».

– А Леонида Ильича?

– Я в узком кругу с ним не бывал. Но слышал, что уж очень ему понравилось, как французенка Мирей Матьё исполняет наши «Очи черные».

Саня Дьяков от вечера был в восторге. Аплодируя Ане, закрывающей вечер, он не удержался:

– Как же ты, Академик, такую девчонку упустил?

– Бей, бей, лежачего! Ладно, Деловой, скажи спасибо, что я не злопамятный. Ты плакался, что не идут дела с КВН? Меня Анечка в прошлый раз познакомила с интересным человеком. Пойдем, может, он окажется полезным для твоих авантюр.

В сложной конструкции «салона Шерер» Ефим Маркович Морозовский (для своих – Фима) как никто другой обеспечивал пересечение непересекающихся плоскостей. Фима имел рост сто девяносто и под сто килограммов веса. Внешне он был похож на знаменитого артиста Ширвиндта. Третий год Морозовский занимал скромную должность администратора филармонии, успев до этого закончить консерваторию и три года, как он выражался, «просидеть в яме». В яме, как вы догадываетесь, оркестровой.

С детских лет у Фимы проявился уникальный талант. К музыке талант отношения не имел. Фима всему знал настоящую цену. Другьям-приятелям, коллекционным почтовым маркам, учителям, миру и дружбе между народами, гонорарам, нейлоновым рубашкам, образованию и (отдельно) дипломам об образовании. Он еще с музыкальной школы объективно и не очень высоко оценил себя как музыканта, но так и не сумел убедить любимого папу, что лучший скрипач музыкальной школы в городе Бендеры совсем не обязательно может встать в один ряд с Давидом Ойстрахом или Игорем Безродных.

Папа Фимы был вторым лицом в местной потребкооперации и мог творить чудеса. Но даже чудеса имеют предел. Их хватило на приобретение итальянской скрипки, поступление в консерваторию и благополучное ее окончание. Но при попытке обаять знаменитого дирижера Московского филармонического оркестра Кирилла Кондрашина чуда не произошло. И Фима поехал по распределению в Камск, в «яму».

Вид на окружающий мир из оркестровой ямы оперного театра ему категорически не понравился. Врожденная трезвость мышления позволила Фиме сделать правильный вывод: на солнечной стороне жизни его со скрипкой не ждут. А без нее – вполне очень даже может быть. Добросовестно отработав три года, положенные молодому специалисту, он аккуратно уложил скрипку в футляр, убрал и футляр, и скрипку подальше, а сам поднялся «на-гора».

Филармонию он присмотрел заранее. В первый же Фимин камский «новогодний чес»¹⁹, организатором которого была местная филармония, его попытались обсчитать. Совсем немного – процентов на двадцать.

К этому времени Фима уже понял, что назначенная обкомом директорша в этом доме не хозяйка. Получив свои кровные, он нашел администратора, оформляющего гонорар, и не без применения физической силы привел его к «хозяину» – заместителю директрисы филармонии. Выложив на стол свои немногочисленные купюры, он объявил:

– Как говорит мой папа, эти копейки вы можете разделить между собой!

После чего доходчиво, с точностью до рубля, Фима проинформировал ошарашенных слушателей, как и на чем его и его коллег провели.

– Но это еще не вечер, – завершил первое отделение Фима, – прискорбно, что при той же клиентуре все мы могли бы получить почти тройной доход.

Он достал авторучку, без спроса вырвал листок из начальственного настольного календаря и стал заполнять его цифрами, поясняя их происхождение.

– И каким у нас получается «коэффициент недобора»? Два и восемь! Все это вы могли иметь без ущерба для вашей законопослушной совести, – он поклонился «хозяину», – и без крысятничества по отношению к своим кормильцам артистам! – победно завершил Фима свою сольную партию.

Словно разведчик-нелегал, он достал зажигалку, пододвинул к себе пепельницу и поднес листочек к огоньку.

Заместитель директора брезгливо отодвинул рубли в сторону администратора и обратился к Фиме:

¹⁹ «Чес», «халтура», «шабашка» – побочные заработки артистов.

– Извините великодушно, коллега. Кадровый голод. Представляете, с каким материалом приходится работать. Буду вам признателен, если мы исчерпаем этот инцидент за обедом. Ресторан открывается через сорок минут.

– Неплохая идея, ваше превосходительство, – миролюбиво откликнулся Фима.

Когда они устроились за столом, накрытым на двоих, к новому знакомому подошел импозантный мужчина лет под шестьдесят.

– Лёничка, – обратился к нему «хозяин» филармонии, – познакомься с этим молодым дарованием. Ефим Маркович – редкое сочетание музыкального слуха и коммерческого нюха.

– Просто Фима, – мягко поправил его Морозовский.

– Тем лучше. А это мой старший друг и учитель, многолетний директор этого богоугодного заведения. Мне он позволяет называть себя Лёней лишь благодаря лозунгу: «Ленин умер, но Лёнино дело живет!». А для вас, Фима, первое время он будет Леонидом Осиповичем, как Утесов, но если будете себя хорошо вести – то дядей Лёней.

Сказать, что обед просто удался, было равносильно тому, чтобы назвать Софи Лорен симпатичной. С тех пор, примерно раз в две недели, они обедали вместе. Два года – как уважающие друг друга профессионалы, потом – как начальник с доверенным подчиненным.

Но вернемся в салон. Как уже было сказано, Фима всему знал настоящую цену. Если кто-то думает, что «знать цену» – это правильно и вовремя назвать сумму денежных знаков, то на Рокфеллера он, увы, не потянет. «Знать цену» означает понимать, что для конкретного человека действительно дорого, а что эквивалентно стоимости прошлогоднего отрывного календаря.

Фима неплохо разбирался не только в материальных и интеллектуальных ценностях, но и в людях. Например, он точно знал, когда и для кого лишний раз повторенное на людях звание «заслуженный артист» может быть дороже, чем комплект резины к «Волге» ГАЗ-21. Он уверенно и, главное, научно обоснованно мог сказать:

– Зачем вам домогаться профессора Фишмана? Вы будете счастливы, став клиентом зубного техника Ломако.

Его поражала беспомощность окружавших его взрослых, которые часами могли беседовать, спорить, сплетничать друг с другом обо всем на свете, но были не способны задать друг другу простой вопрос: у вас не найдется пары рулонов линолеума?

Все или почти все знали, что у Фимы есть ответы на этот и тысячу других не менее важных вопросов. Отвечая на них не словами, а делами, Фима вносил немалый вклад в пересечение непересекающихся.

При всем при этом Фима смертельно обижался, когда его принимали за маклера. Маклер? Да это просто обслуживающий персонал, который живет на проценты и чаевые. Психологически он всегда на ступеньку ниже клиента. А то и на целый пролет. Не для того Фима покинул оркестровую яму, чтобы снова смотреть снизу на чужие ботинки! В «салоне Шерер» Ефим Маркович был столь же уважаемым гостем, как и все остальные. Только очень отзывчивым и конструктивным. В интеллигентной среде это являлось немалым капиталом.

Пока Дьяков излагал свои КВНовские проблемы, Ефим Маркович без энтузиазма его слушал, пару раз демонстративно поглядывая на циферблат ручных часов. Но стоило Сане упомянуть об интересе к этой акции ректора, как администратор «сделал стойку»:

– Я правильно понял, что Петра Павловича волнует эта художественная самодеятельность?

– Насчет «волнует» не гарантирую, но интересуется – абсолютно точно.

– Это меняет дело. Мне кажется, что если ваш ректор чем-то интересуется, то это не может быть пустышкой. Хотя я сейчас не готов вложить в эту затею даже одного собственного рубля. Чтобы с нее что-то иметь, этих рублей потребуется столько, сколько в университетских закромах не бывает. Но если вы меня спросите, дохлый этот номер или нет, я отвечу, что

нет. Только не уверен, что этот жанр понравится глубокоуважаемому мной Петру Павловичу. На этом, неравнодушные вы мои, я предлагаю завершить первый раунд переговоров. Одна моя хорошая знакомая в подобных случаях говорит: не стоит путать прозрачные как чешский хрусталь чувства с запятнанной, но прибыльной профессией. Мы с вами сейчас находимся в чистом и высоком храме культуры. Не будем оставлять на стерильном хрустале грязные меркантильные отпечатки пальцев. Если будет желание продолжить тему, готов повстречаться в более прозаической обстановке. Запишите мой рабочий телефон.

Рабочим местом администратора Камской областной филармонии Ефима Марковича Морозовского были бескрайние просторы Советского Союза во всем их многообразии. Камская область в этом многообразии была представлена своими сельскохозяйственными районами. Распределением полномочий среди трех администраторов филармонии занимался тот самый заместитель директора. «Их превосходительство» с малолетства был приверженцем справедливости не только в теории, но и на практике. Именно поэтому ему на протяжении трех лет срочной службы третье отделение первого взвода доверяло делить содержание бачка с супом, который громко величался «мясным».

Так же по совести он распределил обязанности своих подчиненных. В миске должностного супа, которая досталась Фиме, постной фракцией была организация концертов артистов филармонии в сельской местности. Занятие трудоемкое и финансово неблагодарное. «Мясной» была работа по импорту в Камск кассовых гастролеров: москвичей и ленинградцев, киевлян и бакинцев.

На географической карте маршруты, которые Ефим Маркович совершал по земле и воздуху в течение года, сходились в одну точку, картографами не обозначенную. Это был служебный кабинет администратора филармонии, обойденный их вниманием, скорее всего, из-за скромности габаритов, обстановки и манер поведения хозяина.

Через неделю после встречи в «салоне Шерер» Ефим Маркович принимал Саню и Юру. Он пригласил гостей присесть за приставной столик и начал разговор опять же с темы скромности.

– Александр, у нас с вами оказалось много общих знакомых. И все они нарисовали ваш портрет в светлых тонах. А Юрию выдала лестную характеристику сама Анна Павловна. Это позволяет говорить с вами без хитрых ходов и уловок. На моей малой родине в Бендерах с трепетом относятся к протоколу. Высоких гостей из храма науки и образования я просто обязан принять за журнальным столиком, на котором стоит что-то способствующее теплой беседе, усадив их для этого на мягкий диванчик-уголок. А я, как последний жлоб, отгородился от гостей двухтумбовым памятником первых пятилеток. Вы думаете, у меня нет возможности уютно обставить эту территорию? Ошибаетесь! У филармонии есть деньги. У Фимы имеются друзья в Риге. Вы знаете, какие там делают кабинетные гарнитуры? Я-то знаю. И поэтому обратился к шефу: закажем три комплекта? Два больших – директрисе и вам, а маленький – мне. И знаете, что он мне ответил? «Вы на вид такой умный, а продемонстрировали мне леность ума и недоучет текущего момента. Скажите, что подумает заведующий отделом культуры обкома, заглянув ко мне в кабинет и обнаружив в нем гарнитур, которого нет даже у первого секретаря? Поэтому, Фима, сидите на своем неброском рабочем месте и не высывайтесь. От этого будет спокойнее и вам, и мне. А среди незнакомых людей, в командировке, в отпуске, можете позволить себе немного отступить от этого сурового правила». Теперь вернемся к нашим баранам. Не могли бы вы подробнее изложить суть волнующей вас проблемы?. Только постарайтесь не выходить при этом за пределы моих ограниченных горизонтом возможностей.

С учетом высказанного пожелания, Саня обозначил три «узких места» университетского КВН: отсутствие классного сценариста, гениального постановщика и двух-трех синтетических исполнителей, умеющих все. Не забыл он упомянуть и о совете свердловчан объединяться.

Внимательно слушая Саню, Ефим Маркович рисовал какую-то схему из кружочков и квадратиков.

– К сожалению, любознательные вы мои, мы приходим к первоначальному выводу. Вы выбрали себе очень дорогую игрушку. Я не дизайнер, но картинки с детства люблю. Посмотрите-ка на этот рисуночек. Кружочки – задачи одноразовые. Например, гимн вашей команды. Купили партитуру, слова, записали с оркестром и хором – и крути себе хоть до пенсии. Прелесть «кружочков» в том, что их можно получить за небольшие деньги, а то и даром. Уверен, что многие в этом городе безвозмездно откликнутся на просьбу вашего уважаемого ректора. Но только на одну-единственную. Больше – уже обременительно.

Да и Петр Павлович, как человек интеллигентный, больше одного раза просить не будет. Переключим внимание с кружков на квадратики.

С этими словами он размашисто обвел несколько фигур красным карандашом.

– Квадратики, что называется, пластинка долгоиграющая. Если замахиваться на высшую лигу КВН, то на протяжении одного года надо написать сценарии и поставить по четыре-пять номеров экстра-класса как минимум трижды: для четвертьфинала, для полуфинала и для финала. Да еще в жесткие сроки, отложив все остальное. Среднячкам это не по зубам. Такое могут сотворить только таланты. Талантам, как только они поймут, что относятся именно к этой группе получателей гонораров, надо платить много. Что же мы видим на нашем полотне? Изобилие квадратиков и мизер кружочков. В расчете на год сумму квадратиков я оцениваю в пределах этой величины.

Красный карандаш подчеркнул цифру с нулями.

– Теперь плавно подрулим к доходной части бюджета. Вы, конечно, осведомлены о новом явлении в области культурного обслуживания советских людей: концертах на стадионах. Идеология явления следующая. Один-два модных коллектива или пять-восемь звонких имен возбуждают желание двух десятков тысяч зрителей принести свои кровные в кассу. Но знаменитости тоже не железные. Провести на свежем воздухе три часа для их здоровья – это слишком. Два максимум. Закрывать оставшийся час должны ребята, которые тоже не без способностей, но проще и дешевле. Они разогревают публику, заполняют паузы, создают эффект масштабности. Назовем их красивым словом «сопровождение». В университетском клубе такие силы имеются. Танцевальный и вокально-инструментальный ансамбли очень даже на уровне. А ваши акробаты профессиональных циркачей заткнут за пояс. В малых дозах пойдет даже политическая сатира. От выручки на долю «сопровождения» перепадает процентов до двадцати. Это не так мало. Я правильно рассуждаю?

Почему-то этот вопрос Морозовский адресовал персонально Дьякову.

Дьяков согласно кивнул.

– Думаю, что участие в шести концертах позволит доходной части бюджета перекрыть расходную.

Фима аккуратно коснулся карандашом заветной цифры.

– Пара технических деталей. Все проходит под эгидой нашей филармонии. Если клуб университета выступает как юридическое лицо с отражением этого в афишах, то мы перечисляем вам всю долю, а вы уж тогда сами решайте, что заплатить ребятам и сколько зачислить в ваш специальный фонд, о котором я слышан. Другой вариант. Ребята выступают как бы сами по себе, заключая договор с филармонией. Согласованный с вами гонорар мы им выплачиваем через кассу. Здесь все чисто. А вот средства на общее благое дело отдаем «из рук в руки». Детали, извините, пока излагать не буду. Не скрываю, в этой схеме существует предмет интереса УБХСС.

– Спасибо, Ефим Маркович, за содержательную и интересную информацию. Вы нам позволите подумать и посоветоваться денька два-три? – вежливо спросил Дьяков.

– Если играем в эту игру, то два. Потом меня две недели в Камске не будет. Сегодня вторник. Если в пятницу вы не объявитесь, это означает, незабвенные вы мои, что наши пути разошлись.

Участие в стадионном «чесе» под флагом университета Саня с Юрой отвергли с порога. Процедура «из рук в руки» даже на общее дело была признана неоправданно рискованной. Такие выводы поставили крест на финансовых планах КВН. И, соответственно, на мечте прославить университет собственной командой.

Юра вообще был против любого участия университета в небезупречной стадионной акции, но Санька разглядел в ней не только минусы.

– Чем нашим ребятам на каникулах ломаться в строительных отрядах с лопатами в руках, сведем их с Фимой. Пусть пообщаются со звездами, что-то подсмотрят. А выступление на такой аудитории – это и школа, и шанс. Да и заработают неплохо. Ну, и Ефим Маркович человек интересный. Я не хотел бы терять его из вида. Что, если познакомить доверенных лиц наших коллективов с Фимой и отойти в сторону? В ту, где «никого впереди». Какие мины возможны на этом поле?

Юра взял длинный тайм-аут.

– Мин не вижу, но говнецом попахивает. Может, Санька, ты и прав, но мне это не нравится.

В пятницу Дьяков встретился с Фимой и предложил ему подумать насчет «автономного» варианта.

– О чем тут думать? – удивился Фима. – Для меня это только плюсы.

После этого Дьяков по одному переговорил с руководителями коллективов.

Все, кроме акробатов, отнеслись к предложению с энтузиазмом. Жена организатора и вдохновителя ВИА была хударком оркестра народных инструментов политехнического института.

– Вы не будете возражать, Саша, если я попрошу Ефима Марковича посмотреть ее питомцев? – спросил «народник».

– Благословляю...

Накануне Нового года Фима пригласил Саню пообедать. Столик был на двоих, но стульев стояло три. На третьем стуле поблескивал черной кожей непривычной формы чемоданчик.

– Саша, рад вам сообщить, что венгерские и даже югославские портфели в передовых слоях нашего общества уже не являются символом преуспевающего человека. На смену им идет эта модель, – он показал на чернобокое изделие. У нас его нарекли «дипломат», на презренном Западе – «кейс». Надеюсь, он вам понравится и будет напоминать о скромном друге с простым русским именем Фима.

Морозовский приподнялся и с поклоном вручил чемоданчик Сане.

– Спасибо, Фима. Вы не обидитесь, если я подарю его жене? Ее такая штука приятно удивит.

– Буду только рад. Но, пожалуйста, не забудьте: внутри дипломата есть отделение, которое застегивается на кнопку. В него я положил конвертик со стопочкой изображений товарища Ленина, отпечатанных на казенной бежевой бумаге с разводами. Предварительно достаньте его оттуда. Думаю, что даже вашу прекрасную супругу не следует удивлять дважды в день.

– Фима, но это выходит за рамки нашего соглашения.

– Позвольте, Саша, мне этот маленький сюрприз. Как говорит мой папа, мне приятно перед самим собой иногда оказаться благодарным и немного благородным. С одной стороны, мы действительно о нем не договаривались. С другой, мне бы хотелось, чтобы и в будущем мой внешний вид и внутренний мир вызывали у вас только положительные эмоции.

Атаманов. 1968

Назначение или снятие с должности сравнимо с выращиванием растений в питомнике. Сначала будущий руководящий кадр высаживают в низине. Там, в силу своих способностей, он борется с непогодой и паразитами, сколько положено плодоносит для общественного блага и, самую малость, для себя.

Хорошо, если при этом ему подкинут лопатку или две удобрений, проложат к нему персональную трубочку для орошения, повыдергают сорняки вокруг.

Рано или поздно его вклад в процветание отчизны может быть замечен и положительно оценен. Тогда бережно, по всем правилам агротехники, ценный кадр пересадят повыше. Поближе к солнцу и теплым дождям.

Но может случиться и по-другому. То ли засуха случится, то ли порывом ветра нашего героя покорежит или, к примеру, из земли вырвет. А может, и сам он вместо того чтобы обеспечивать привес плодов на ветках, начнет либеральничать с вредителями, полезет вширь, в поросль. За эти подвиги его могут пустить на дрова. А на его место в лунку посадят нового, молодого. С наставлением: расти, дорогой наш кадр, но подобных ошибок не повторяй.

В Камской области в 1968 году кадровый вопрос на самом высоком уровне решился по оптимистическому варианту. Первого секретаря обкома перевели в Москву на должность союзного министра. Наиболее вероятными претендентами на пост, обладатель которого через небольшой промежуток времени становился членом ЦК КПСС и депутатом Верховного Совета, были двое: председатель облисполкома и первый секретарь горкома областного центра.

Секретарю ЦК, попросившему нового министра «не для протокола» охарактеризовать своих бывших подчиненных, было доложено кратко, но четко:

– Оба крепко, по-мужски, ведут свое хозяйство, народ и того и другого уважает, оба инициативны, и при этом не... залупаются.

Перед тем как произнести последнее слово, министр сделал паузу. В молодости этот наглядный термин он частенько и со смаком озвучивал в производственной обстановке. Но, став вторым секретарем обкома, перевел его в разряд «непечатных». В шестьдесят втором, на ноябрьском пленуме ЦК, его участникам раздали свежий номер «Нового мира» с «Одним днем Ивана Денисовича»²⁰. Перелистывая повесть во время заседания, будущий министр наткнулся на родное до боли слово. И хотя немедленно его реабилитировал, каждый раз просчитывал: этому товарищу мы его, наше любимое, доверительно произнесем, а этот еще не дозрел.

– Отдать предпочтение кому-то из них я не готов, – продолжил министр, – к тому же мне еще не приходилось видеть, как они ведут себя в конфликтной ситуации.

– Зато сейчас в ней оказались оба, – заметил его собеседник. – Придется нам недельку-две подождать с назначением. Может, что-то и прояснится. Заглянуть в мысли претендентов нам сегодня не под силу, но внешне оба вели себя правильно: продолжали тянуть свою ляжку, избыточной активности не проявляли.

У каждого из соперников были свои люди. Подобные вагонам поезда, локомотивом которого являлся шеф. Новое назначение начальника давало реальный шанс многим из членов его команды вслед за «паровозом» въехать на другую станцию, более престижную. Из горкома или облисполкома – в обком. На пару ступенек повыше. Некоторые из «вагонов» имели друзей или приятелей в аппарате ЦК. Обнаружились даже выходы на секретарей ЦК и членов правительства. Людей, которые или непосредственно участвовали в принятии решения, или тех, мнением которых могли поинтересоваться.

²⁰ Повесть Александра Солженицына.

Вскоре в каждой из команд выявились лидеры. В облисполкоме эту роль на себя взял заведующий организационным отделом. Из молодых да ранних. Он переговорил с особо доверенными соратниками и поставил задачу: встречаться с кем нужно, звонить, показывать во всей красе достоинства «нашего» шефа. Первым, с кем заворг лично связался в Москве, был камский выдвиженец, заведующий сектором одного из отделов ЦК. В свое время нынешний председатель облисполкома рекомендовал его для работы в ЦК. Выдвиженец этого не забыл и лично связался со своим давним благодетелем:

– Всеволод Борисович! Вы меня обижаете! Сложилась такая ситуация, а я о ней узнаю от третьего лица. Но это так, фон. Хочу согласовать с вами план совместных действий...

Председатель облисполкома Всеволод Борисович Ячменев и план, и действия пресек на корню. Заворгу, проявившему инициативу, было сделано краткое внушение, заканчивающееся словами:

– Распахивать перед начальником дверь можно, но так, чтобы она не врезала ему по яйцам!

Подобные активные действия происходили и в лагере первого секретаря горкома. Их возглавил уже знакомый нам секретарь по промышленности и транспорту Ежиков. Был он человеком рискованным, но всему, в том числе и риску, меру знал.

Владимир Михайлович начал с того, что зашел к претенденту на областной престол.

– Все это можно пустить на самотек. Но учитывая, что советская власть уже закопошилась, думаю, что это будет неправильно. Естественно, ты ни о чем не знаешь.

Претендент не сказал «нет». А зря.

Получив «добро», Ежиков начал вербовку сторонников секретаря горкома. Атаманову он обстоятельно описал сложившийся кадровый расклад и без хитростей, как свой со своим, перешел к делу:

– Надо помогать, Петрович.

– Чем, если не секрет?

– Я с твоим предшественником, заместителем министра, не работал, напрямую к нему обратиться не могу. Но может он много. А именно, выйти на ребят из аппарата ЦК или министру шепнуть – кандидату в политбюро. Тут, Петрович, всякое лыко в строку.

Тот самый «предшественник», которого величали Вячеславом Вячеславовичем, наставник и старший товарищ Атаманова, прошедшие пять лет зря времени не терял. За два с небольшим года он навел порядок на Закавказской железной дороге, за что был отмечен тем, что переведен в Москву заместителем министра.

У Ежикова с Атамановым сложились хорошие, можно сказать, приятельские отношения. То, что он услышал в ответ, мягко говоря, его удивило.

– Откровенность за откровенность, Владимир Михайлович! Ты хорошо подумал, в какое положение меня ставишь? А если такое же предложение мне сделают коллеги из облисполкома? Я с ними по работе завязан не меньше, чем с тобой. И дышим мы друг к другу так же ровно. Когда предлагают просто помочь кому-то – это нормально. Но ты мне предлагаешь помогать одному в ущерб другому. Почему я должен выбирать, с кем и против кого дружить? Для меня так вопрос не стоит. Извини, но я тут «третий лишний».

Ежиков побагровел.

– Я думал, что мы с тобой товарищи.

– Все мы товарищи. Господа за кордоном затаились. Ты не нервничай. Разговор этот останется между нами. Но о том, что я тебе сказал, подумай. Это не меня одного касается.

Когда подошло время делать выбор, оказалось, что в личном деле председателя облисполкома были письма поддержки только тех, кого запросил аппарат ЦК. Зато первого секретаря горкома поддержали еще девять «добровольцев». Это был перебор, противоречащий

аппаратному правилу: суетливость подозрительна. Через две недели диктор областного телевидения торжественно произнес:

«... Пленум решил организационный вопрос. Первым секретарем Камского областного комитета КПСС избран Всеволод Борисович Ячменев».

Соперник Ячменева – первый секретарь горкома, еще два года, до очередной отчетно-выборной конференции, проработал на своем посту, после чего был назначен директором проектного института.

Владимир Михайлович Ежиков сразу же после пленума стал заместителем председателя городской Комиссии партийного контроля. Приняв грамм двести в своем кругу, он так отозвался о своей новой должности:

– Если ты меня попросишь чем-то помочь, извини, не смогу. А подосрать – только намекни!

Когда под ним зашаталось и это кресло, Атаманов проявил благородство: предложил ему пост директора УМЦ. Сделал это он по совету Нины Дмитриевны, мимоходом обронившей:

– Не пинай убогих!

За совместно прожитую пятилетку «Нина замедленного действия» рассталась с комсомолом и с командой «Локомотив». Зато родила Атаманову сначала дочь и, через год, сына. Первое время она по-прежнему работала инженером по технике безопасности станции Камск-вторая. Когда ее начальника повысили и перевели в отделение дороги, единственным сотрудником, которого он забрал с собой, была Нина.

Шеф был человеком способным и грамотным, но некоммуникабельным. К такому идешь, когда деваться уже некуда. Неудивительно, что нередко негативная информация доходила до него тогда, когда беда вовсю открывала ворота. А вот Нина располагала к себе людей. К ней обращались за поддержкой, только-только почувствовав непорядок или опасность. И она эти обращения доносила до шефа в виде четко сформулированных профилактических задач. Будучи человеком умным, ее способность привлекать к себе людей шеф понимал и ценил.

Став начальником отделения дороги, это ее достоинство оценил и муж. Практически ежедневно за ужином на кухне она рассказывала ему о том, какие ветры дуют в нижних слоях небольшого государства под названием «НОД-4». Жена быстро нашла верный тон для этих сообщений, выдавая мужу только существо проблемы и тех, кого она затронула, и не давая при этом никаких оценок или рекомендаций. Отступала от своего правила, только когда Коля сам спрашивал:

– А ты как бы поступила на моем месте?

И еще Нина бдительно следила, чтобы новости были не только плохие.

Брюллов. 1969

Минуло уже два года после апрельского совещания шестьдесят седьмого, на котором Атаманов поддержал предложение о перепрофилировании УМЦ. Все это время Юрий Брюллов неустанно и упрямо претворял свои зыбкие теоретические построения в железобетонную практику. Начал он с того, что озадачил трех своих плановиков требованием просчитать всевозможные режимы использования производственных мощностей УМЦ. Параллельно этой же работой по договору занималась научная группа политехнического института.

Через полгода «наука» и «практика» подтвердили первый прогноз Брюллового: наиболее выгодным для УМЦ будет изготовление деталей и заготовок опытных и малых серий. При этом раскладе доля заказов железнодорожников не выходила на уровень и десяти процентов. Эта новость не порадовала даже вдоль и поперек прогрессивного Атаманова.

– Это что получается? – задал он вопрос Брюллову. – Отдай жену дяде, а сам иди к бл...и?

– Насколько я разбираюсь в урологии, вы не совсем правы. Давайте посмотрим экономику, – предложил Юра, доставая из портфеля два листа: один с таблицей, второй с графиком.

Атаманов минуты две смотрел таблицу, потом, перейдя к графику, удивленно хмыкнул. Удивляться было чему. По сравнению с существующим режимом использования оборудования и площадей, «хождение налево» обещало увеличение объемов более чем в два раза, а прибыли и того больше, в три с половиною.

– Это не туфта? – уже не так темпераментно спросил Атаманов.

Брюллов достал еще один лист:

– Прощу. Итоговая таблица политехников. Считали независимо от наших. Разница по всем показателям пятнадцать, максимум двадцать процентов. В основном в сторону увеличения. Есть еще одно соображение. Если не жадничать на ценах, то для внешних заказчиков эта продукция будет очень выгодной. И тогда они на нас молиться будут. Это же такая наживка!

– Да, картина получается даже слишком привлекательная. А что нам подсказывает классика? «Лучшее – враг хорошего». На девяносто процентов уверен, родное МПС будет не в восторге. Ему наша тройная прибыль, что мне особняк на Лазурном берегу. А чужих, гуляющих по нашей железнодорожной территории, мы очень даже не любим. Предприятия скольких министерств вы учитывали в расчетах как вероятных заказчиков?

– Шести.

– Плюсуй еще шесть недоброжелателей. Им милее точную заготовку с Украины привезти со своего завода, чем морочить голову с МПС, Госпланом, Госснабом. Ты об этом подумал?

– Не только подумал, но и включил в техническое задание при заказе исследования политехникам.

– Что-то дельное они предложили?

– Оцените, – Брюллов снова полез в портфель – на этот раз за томиком отчета, – в качестве терапевтического средства они предлагают оформить для УМЦ статус «опытного производства». Три года назад, Николай Петрович, была очередная реорганизация союзного ГКНТ²¹. В их систему на правах двойного подчинения включили несколько предприятий и учреждений, в паре с Академией наук и несколькими министерствами. МПС в их числе не было, но год назад ГКНТ разослал по обкомам и министерствам письмо с просьбой рассмотреть целесообразность создания подобных предприятий, специализированных на освоении новой техники и технологий. Наши исполнители из политехнического института наткнулись на него в промышленном отделе обкома. Это слабая, но зацепка.

²¹ Государственный комитет по науке и технике СССР.

– Если так, то продолжай копать в этом направлении. Подготовь проекты документов и начинай поход по инстанциям. С кого собираешься начать?

– С обкома.

– Это само собой. А дальше?

– Дальше управление дороги – наше министерство – ГКНТ – не наши министерства – Госплан – Совет Министров.

– А если подумать? На первых ступеньках у нас один союзник – ГКНТ. С него и начинай. С его положительной резолюцией не только в управлении и министерствах будут аккуратнее с нами разговаривать, но и в ЦК можно сунуться.

– Субординацию не нарушим, Николай Петрович?

– Нарушим, но не грубо. Обматерят, но не более. А потом остынут. Да, все забываю спросить: ты окончательно бросил теннис?

– Чтобы оставаться в областной «тройке», Николай Петрович, надо минимум три раза в неделю тренироваться. И на соревнования выезжать. Откуда мне на все это время взять. Я же не только реорганизацией занимаюсь. На мне и текущая тематика...

– Понимаю, но все равно жаль, что бросил.

Первым делом Брюллов дал своим команду подготовить письмо от имени обкома партии в адрес НОД-4 с рекомендацией рассмотреть предложение ГКНТ СССР. На его согласование и подписание секретарем по промышленности потребовались три дня.

Для приличия это письмо подержали две недели, как бы готовя ответ.

Ответ гласил: «Вопрос проработан. Представляет интерес. Соответствующая записка в ГКНТ СССР подготовлена и прилагается. Просим поддержать».

Ровно через шестнадцать дней из Камска в Москву фельдьегерской почтой ушло письмо с приложением. В письме Камский обком КПСС предлагал ГКНТ СССР рассмотреть вопрос о перепрофилировании УМЦ МПС СССР в опытно-производственный, с двойным подчинением МПС СССР и ГКНТ СССР.

Наступила пора к этим бумагам «приделывать ноги»...

Теоретически любой вопрос можно решить путем переписки. Вы пишете письмо с предложением или просьбой. В идеальном и, следовательно, почти невероятном случае получаете ответ: «Ваше предложение принято, просьба удовлетворена». Гораздо чаще в ответе говорится, что «предложение интересное, но требует дополнительной проработки». Если не повезет, то могут и обидеть нехорошими словами, вроде этих: «... не имеет практического значения» или, хуже того: «... противоречит здравому смыслу».

Во всех случаях, кроме первого, можно и дальше продолжать переписку. Но куда надежнее в нужную инстанцию послать гонца. Эта процедура еще в прошлом веке получила название «приделать ноги». Когда решается вопрос большой важности, сделать это лучше параллельно с отправкой письма.

Так Атаманов и поступил.

Через три дня после прибытия документов в ГКНТ Брюллов был тщательно проинструктирован Атамановым и командирован в столицу в качестве тех самых «ног». Это была его первая командировка в московские высокие инстанции. До тех пор высшей покоренной им бюрократической вершиной было Управление дороги в лице его главного инженера.

Случилось то, что называют «бедняцким счастьем». Во всесоюзном штабе научно-технического прогресса новичка Брюллова встретили как родного. На то была причина. При всех своих солидности и авторитете, Госкомитет по науке и технике был ведомством «второго сорта». Его продукцией были не металл, машины или миллионы тонн перевезенных грузов, а документы. Ведомства «первого сорта» между собой таких коллег пренебрежительно называли «бумажными». Инициатива Камского обкома, от имени которого был командирован Брюллов,

работала на снижение этого комплекса неполноценности ГКНТ. Уже через пять дней из ГКНТ в Госплан, в МПС и в шесть министерств, будущих заказчиков точных заготовок, были направлены письма с призывом: «Пролетарии умственного труда – объединяйтесь!».

Легкие победы чем-то схожи с бегом по длинному коридору со стеклянными дверями. У первой открытой вы приостановитесь. У второй, тоже открытой, на всякий случай чуть притормозите. Мимо третьей открытой промчитесь бегом, чтобы со всего хода прямо физиономией врезаться в четвертую – предательски закрытую.

Примерно так себя почувствовал Юрий Брюллов, когда после стремительного штурма Камского обкома и ГКНТ он попытался повторить тот же номер и в Госплане. В величественном здании с гербом СССР на фасаде, снисходительно поглядывающем на стоящую напротив гостиницу «Москва», он оказался никому не интересен. Два полных дня ушли только на то, чтобы выяснить, в каких отделах Госплана будут вдоль и поперек изучать их предложения. Еще почти день потребовался для выявления заместителя председателя, которому было «расписано» свести воедино все «за» и «против», родившиеся в этих отделах.

Однако истину, что «даже умереть приятнее сытым, чем голодным», еще никто не опроверг. Около тринадцати часов утра желудок кандидата в мастера спорта Брюллова, привыкший на спортивных сборах к регулярному приему пищи, неумолимо позвал его с восьмого этажа вниз. Туда, откуда раздавались аппетитные запахи сразу нескольких столовых.

В просторный, почти пустой лифт Юра вошел одновременно со строго одетой девушкой. Его мозг немедленно просигналил: «Бэмс! Заслуживает внимания!».

Лифт останавливался на каждом этаже, заглывая очередную порцию передовых представителей плановой экономики, что позволило Брюллову рассмотреть заинтересовавшую его попутчицу повнимательнее.

Синий цвет ее костюма вроде бы соответствовал суровому госплановскому интерьеру, если бы нелегкий шаловливый отлив, оттенявший плавные и совсем не худосочные линии фигуры. Юбка на девушке была где-то между «мини» и «миди», даже, быстрее, ближе ко второму, что по нынешним временам давало основание назвать ее «строгой». Но, скосив взгляд в этом направлении, Юра зафиксировал довольно приличный по размеру разрез, расположенный не впереди, сзади или сбоку, а точно над коленом левой ноги. Именно в этот момент и именно эта нога совершила шаг вперед, обнажив себя в разрезе и продемонстрировав, что и здесь – значительно выше колена – все находится на уровне лучших отечественных и даже зарубежных образцов.

Ему сразу вспомнились слова из телевизионного сюжета: «... юбка-миди подчеркивает бедра и скрывает мелкие недостатки фигуры». Юра присмотрелся. Ни мелких, ни крупных недостатков в фигуре и в других объектах женского очарования он не обнаружил.

Девушка сделала шаг в его сторону и шепнула ему на ухо:

– Вы закончили раздевать меня взглядом? А теперь, пожалуйста, оденьте обратно. На втором этаже я выхожу.

На секунду Юра смешался, но спортивная реакция выручила:

– Ну как же так можно! Надо предупреждать заранее. Я точно не успею. Хоть это и не совсем удобно, давайте попробуем это исполнить вне этого транспортного средства.

Лифт, дернувшись при торможении, выплюнул их вместе с десятком попутчиков на площадке второго этажа. Народ был воспитанный, выходили без суеты и давки, но мало ли что можно ожидать от проголодавшейся толпы? И Юра отработанным движением слегка подержал шуструю собеседницу за локоток. Локоток благодарно прижался.

В отличие от большинства их спутников, рысью двинувшихся в сторону столовой, девушка направилась в левое крыло здания. Юра последовал строго за ней. Коридор, который вел в сторону приемной одного из зампредов Госплана, был почти пуст.

Они остановились возле окна, выходящего на Охотный ряд.

- Юрий, – представился Брюллов.
- А я Ирина. Ты, наверное, из арктической экспедиции или с китобойной флотилии, вернувшейся из годового плавания? – с ходу перешла она на «ты».
- Почему ты так решила? – он с удовольствием последовал ее почину.
- По голодному взгляду. Сытый взгляд раздевает медленно, с любопытством, укладывая одежду в стопочку, а ты просто срывал, не расстегивая пуговички.
- И молнии?
- И молнии тоже.
- Тут ты, Ириша, перегнула. Молнию я ни за что портить не буду. Даже в экстазе. Это же стратегический дефицит! У нас девчонки из отдела снабжения на юбилее начальника спели частушку:

*Тряпки, сласти, стрептоцид —
Все проклятый дефицит.
Чай вприкуску, секс вприглядку...
Одно горе от нехватки.*

- Передовые ваши девчонки, даже о сексе вприглядку осведомлены. Это они о порнухе?
- Не знаю. Приеду – спрошу. Теперь насчет голода. Бывает, блюдо так приготовлено и украшено, что при его виде слюнки текут даже у сытого.
- Это комплимент?
- По отношению к тебе – это реализм. Мало того, что у тебя все на месте и в оптимальных пропорциях, но как это подано! Вкусная ножка, то мелькающая в разрезе, то исчезающая где-то там, куда так и тянет заглянуть. Блузка, скромно выглядывающая из-под строгого пиджака. Только расстегнута она не на одну пуговку, как задумывалось в «Доме моды», а на две. А две расстегнутые пуговички уже дают возможность внимательному зрителю увидеть три и шесть десятых сантиметра интригующей ложбинки. Талия у нас перетянута почти офицерским ремнем настолько, что безумно хочется заменить этот ремень собственными руками. Чтобы не потерять сознание, как можно быстрее пробегаем взглядом от талии до обуви. И что мы видим? Даже восьмиклассницы в далеком периферийном Камске знают, что сегодня последний крик моды – это сапоги на платформе. Но квалификация кулинара заключается в том, что он украшает блюдо не тем, что модно, а тем, что вызывает аппетит. Здоровый аппетит в нашем случае вызывают сапожки со шпорами, пусть не на остромодной, но всегда изящной классической шпильке. Именно она выводит линию ноги, теперь уже самого низа, вверх, плавно переходя к соблазнительным формам, расположенным ниже упомянутой нами талии. Ирочка, ты категорически не права, приписывая моему взгляду примитивный, можно сказать, животный голод. Он, конечно, присутствует. Но как человек, предрасположенный к науке, я в первую очередь стараюсь познать то, что заманчиво спрятано от моего пытливого взгляда. А ты: Арктика, китобои, воздержание. Потом, правда, тестостерон все равно позовет на подвиги. Но все это впереди.
- До чего же у тебя, Юрка, складно все получается! Просто академик! Я, между прочим, тоже любознательная. Вдруг у тебя теория не расходится с практикой? Скажешь тебе «прощай», а потом будешь жалеть всю оставшуюся жизнь.
- Как ты сказала? Академик? Меня один мой друг так называет.
- Ну и отлично. Хотя это не гармонирует с твоей обкомовской принадлежностью.
- Брюллов вопросительно посмотрел на нее.
- Я на тебя, Юра, глаз положила еще вчера, когда ты в канцелярии отмечал командировку и исполнял перед делопроизводителем Соней народную песню: «Расскажи, расскажи, бродяга, чей ты родом, откуда ты?».

– Выходит, силуэт прямо напротив окна с бандеролями, усеянными иностранными марками, был твой?

– Получается, что мой. Но подробности, если у тебя возникнет жгучее желание, мы выясним потом.

Ирина взглянула на наручные часики. Явно импортные.

– Через четыре минуты я должна предстать перед шефом. У тебя осталось время лишь на то, чтобы попросить номер моего телефона.

– Спасибо, что избавляешь от лишних маневров. Девушка, можно узнать номерок вашего телефона? Желательно домашнего.

– Давай блокнот и ручку. Заказы выполняются только из материалов клиента.

До поры до времени на вопрос, где и кем она работает, Ирина Воронова (по мужу) отвечала:

– Моя постоянная работа – генеральская дочка. Временная – референт-переводчик отдела внешней торговли Госплана.

Генеральские лампасы на папиных брюках она видела с четырнадцати лет. Последние годы генерал Шпагин служил в какой-то структуре Министерства обороны, дающей право называться «военным дипломатом». Это не могло не повлиять на выбор ее будущей профессии. Не без генеральской поддержки Ирина поступила на престижный в те годы переводческий факультет иныза имени Мориса Тореза.

По сравнению с десятью годами «генеральского периода», два года, проведенные Ириной в стенах Госплана после распределения, вполне могли ощущаться как «временные». Но, как часто бывает, дело было не в количестве, а в качестве этого отрезка времени.

Работа в Госплане воспринималась Ириной точь-в-точь как ее недавнее замужество.

Почти одновременно с зигзагами на погонах, папахой и лампасами отец Ирины получил квартиру в недавно пристроенном крыле знаменитого «генеральского дома» на Соколе. Их соседями по лестничной клетке оказалась семья прошедшего Гражданскую, финскую и Великую Отечественную войны комбрига, чудом миновавшего смертельный омут тридцать седьмого года. Уже не комбриг, а заслуженный генерал Воронов с женой жили в небольшой «двушке». У них был единственный сын Костя двадцать пятого года рождения, как водилось в те времена, тоже военный. В самом конце войны он только получил лейтенантские звездочки, и поэтому пороха понюхать не успел.

Но для молодого артиллериста-зенитчика боевая работа нашлась очень скоро. Тысяча девятьсот пятьдесят первый год он провел в Корее. Потом переучивался на ракетчика, осваивал зенитный комплекс С-75. В мае шестидесятого, во время службы в ПВО, приложил руки к приземлению на парашюте пилота американского самолета-разведчика У-2 Пауэрса. Потом была академия, а сразу после нее – новая горячая точка – Вьетнам.

В декабре шестьдесят пятого старший Воронов позвонил в дверь к своим соседям:

– У нас радость. Сын вернулся из годичной командировки. А радостью так хочется поделиться. Уважьте, заходите по-соседски!

Константин показался Ирине гораздо моложе своих сорока лет. Он был в гражданском костюме, но выправка и небольшой свежий шрам от левого уха к шее позволяли догадаться о его профессии. Где он был в командировке, чем там занимался, хозяева не говорили, а гости деликатно не спрашивали. Но после очередной рюмки старший Воронов не удержался и достал из шифоньера вместе с «плечиками» парадный китель сына. Погоны на кителе были полковничьи, а колодка одного из двух орденов Боевого Красного Знамени явно была свежей.

Ирина недаром была из военной семьи. В воинских знаках различия и наградах она разбиралась. Набор орденов на кителе в сочетании с тремя большими звездами на погонах и двумя академическими значками на правой стороне груди юная соседка оценила по достоинству.

– Я смотрю, Костя, вы зря времени не теряли.

– В сутках, Ира, у всех лишь двадцать четыре часа. И у лейтенантов, и у маршалов. Увеличение служебного времени происходит за счет личного. Я когда-то был заядлый театрал, но сейчас одичал и полностью дезориентирован. Впереди у меня два месяца отпуска, и потратить их зря мне бы совсем не хотелось, – прозрачно намекнул полковник.

– А что вам нравится? – с удовольствием подхватила тему Ирина. – Сейчас народ валит в Сатиру на «Женитьбу Фигаро» с Андреем Мироновым. У Любимова на Таганке премьера «Час пик». И новые фильмы на любой вкус: от «Андрея Рублева» до шикарных мультиков «Ну, погоди!»... – и услышала в ответ:

– Мне нравится все хорошее.

Далее события понеслись со скоростью ракет дивизиона полковника Воронова. Два культпохода в театры не только обнаружили единство вкусов, но и прояснили ситуацию с личной жизнью «одичавшего» отпускника.

Еще взводным он по уши влюбился не в кого-нибудь, а в жену командира полка. Бурный роман удавалось долго скрывать. Через два года лейтенант поставил вопрос ребром: я или он? И получив отрицательный ответ, добился перевода в другую часть.

– А потом наступило полное невезение с температурным режимом: то горячие точки, то холодные женщины, – с грустной улыбкой подытожил самоотчет полковник.

Так уж случилось, что рядом со своим заводным гидом он забывал о прошлых опасностях и предстоящих заботах. Его, человека организованного и требовательного, совершенно не раздражали ее импульсивность и почти подростковая категоричность.

В конце первого проведенного совместно вечера новая знакомая обронила:

– Зенитчик, да что ты обо мне знаешь?

И немедленно получила в ответ:

– Ты мой опознанный, но непредсказуемый объект.

Удивительно, но Ирина не ощущала дискомфорта от их почти двадцатилетней разницы в годах. С Константином она чувствовала себя уверенной и защищенной со всех сторон. Другие представители сильного пола рядом с ним вели себя словно вражеские самолеты, улавливающие импульсы радаров его зенитных комплексов и старающиеся держаться от них подальше.

Через полторы недели Ирина дала решительную отставку двум своим поклонникам студентам.

Через неделю наступил Новый год, который они встретили вдвоем в подмосковном Доме отдыха ПВО. За эти три дня Константин Воронов смог убедиться, что обидные слова «холодная женщина» к его прелестному экскурсоводу не имеют ни малейшего отношения.

Два дня спустя он предложил Ирине свою руку и сердце.

Свадьбу они сыграли одновременно с завершением сессии.

Медовый месяц был урезан до двух недель студенческих зимних каникул. По всей стране у Константина были боевые друзья – командиры полков и дивизионов, «тыловое хозяйство» которых позволяло принять молодоженов по советским стандартам на самом высоком уровне. Молодые выбрали Эстонию, которая каким-то чудом сумела сохранить свой европейский лоск. Даже промозглая погода не мешала им наслаждаться уютом таллинских кафе, спектаклями Паневежского театра, улочками и музеями университетского Тарту. Но главное, они почти все время были вдвоем, им было хорошо и интересно друг с другом. Порой Ирине казалось, что они парят в небесах среди светлых, мягких и теплых в любое время года облаков.

Потом было возвращение в Москву.

Муж по возможности пытался вывести ее «в свет». Тем более что скоро дружной парочкой подкатали традиционные «мужской» и «женский» праздники, с размахом отмечаемые в окружном доме офицеров в Лефортово. В честь Дня Победы несколько друзей Константина

получили очередные звезды на погоны, которые по воинской традиции обязательно следовало «обмыть». Естественно, последовали приглашения.

Но тонус пребывания «в свете» резко снижало одно обстоятельство. Супруга полковника была обречена быть в кругу не только довольно молодых полковников и подполковников, но и их, увы, порядком увядших боевых подруг. По этой причине рядом с ней, как бы это назвать, неконкурентоспособных. Другая была бы этим только довольна, но Ирине пребывание среди них в качестве «белой вороны» удовлетворения не принесло.

Эта неприятность, как оказалось, была даже не мелкого, а мельчайшего калибра. В конце мая Константин позвонил ближе к вечеру и предложил встретиться через пару часов в ресторане «Прага»:

– Есть что обсудить, Ирочка.

После того как они выбрали, чем себя побаловать, и сделали заказ, Константин сообщил жене новость: сегодня в управлении кадров ему предложили два варианта назначения.

Первый – в службе военной приемки в Министерстве обороны. В Москве.

Второй – командиром дивизии. На китайской границе.

– Костя, ты, думаю, догадываешься, что генеральская дочь хорошо представляет разницу между этими вариантами. Первый вариант – ты козырный, но валет. С неясными и отдаленными перспективами. Во втором – ты туз. Хозяин. Нет, Хозяин – это командир полка. А комдив – Большой Хозяин. В генеральском звании. Или я неправа?

– Попадание точно в цель, – констатировал Воронов.

– Тогда что ты хотел со мной обсуждать, если все ясно? Это капитану еще можно ставить условие: я или служба. С генералами так не бывает.

Костя долго не отвечал. Он любовался ее лицом, осанкой, манерой разговора, обаянием молодости. Все еще удивлялся, что эта женщина его. И леденел от мысли, что уже сейчас может ее потерять.

– Мне хотелось бы знать твое отношение к этому. Если ты воспринимаешь себя в роли первой дамы гарнизона, матери-командирши, да притом генеральши, то я уверен, что все у нас сложится отлично. Если же нет, все усложняется. Я виноват перед тобой, Ирочка. Этот разговор должен был состояться «на берегу», одновременно с предложением стать моей женой. Уже тогда вероятность дальнейшей службы вне Москвы была велика. Но впервые за последние пятнадцать лет я положился на «авось». Если честно, то просто смалодушничал.

Ирина, как бы протестуя, приподняла ладони над столом.

– Костя! Я, конечно, не Мессинг, но не такая тупая, чтобы не догадываться о такой вероятности. У меня все детство прошло по гарнизонам. Мне нравится московская жизнь, но военные городки у меня не вызывают отторжения. А вот генеральшей я быть не хочу. Сотни девочек на моем месте желали бы этого. Стряхивать пылинки с генеральского мундира, надувать щеки перед офицерскими женами, командовать начальником военторга, ординарцами и водителями. Я все это видела. Но это не мое. Ты спросишь: что же твое? На этот вопрос я пока дать ответ не готова. Ты ни в чем не виноват, Костя! Как бы дальше ни складывались наши отношения, я ни о чем не жалею. Теперь если без эмоций. Окончить институт я должна в Москве. Заочного отделения на нашем факультете нет, любые инязы по сравнению с «Торезом» – ничто. У меня есть проверенный способ борьбы с труднодоступными соблазнами. Я советую сама себе не дергаться, немного подождать, а после задать вопрос: ты без этого проживешь? Если оказалось, что нет, то вперед, на врага! А если могу? Зачем тогда надрываться и рвать на себе волосы? Странно, но незаживших со временем подобных душевных ран я что-то не припоминаю. Поэтому, полковник, вперед, не оглядываясь.

Удивительно, но первым вывод о том, что в дальнейшем их жизнь возможна друг без друга, сделал генерал Воронов-младший. Произошло это озарение в самолете, на котором он возвращался в Хабаровск из московской командировки.

Два месяца назад Константин Воронов опустошил граненый стакан, в котором по стойке «смирно», залитый по грудь водкой, уверенно стоял полевой генеральский погон. Смачно хрустнул маринованным груздем и произнес вечное:

– Генерал – это не звание. Это – счастье!

Счастье, как и семья, может быть полным и неполным. В его конкретном случае избежать недовеса не удалось. Константину очень хотелось, чтобы маленький мальчишник из трех первых лиц края и восьми генералов украсила его жена. Но ей для этого нужно было в обе стороны преодолеть по 6147 километров и, что оказалось самым важным, пропустить целых два семинара. Последнее препятствие оказалось непреодолимым.

Теперь, вспомнив вопрос: «Ты без этого проживешь?», Константин грустно усмехнулся.

Стремительно пролетевший год подарил им четыре встречи. Два раза он прилетал в короткие командировки в Москву. На майские праздники Ирина нанесла ответный визит, а еще три недели в августе они провели в сочинском санатории имени Ворошилова.

Это были три недели райской жизни, проведенные Вороновым в объятиях кавказских субтропиков и любимой женщины. Незадолго до отъезда он осторожно спросил:

– Ирочка, а может, сделаем в этих тепличных условиях маленького «вороненка»? Возьмешь на пару лет академический отпуск, потом вместе наверстаем...

– Костя! Но мы же договорились, что все это будет после окончания института.

Он не стал ей говорить, что к этому времени ему будет сорок семь, что будущего маленького человека надо будет не только поднимать, но и направлять, и что в этих процессах каждый год отцовской жизни стоит пяти.

А только тяжело вздохнул.

Перелистывая в памяти историю их отношений от знакомства до отдыха в Сочи, Воронов сделал для себя открытие. Все встречи, несмотря на разную географию, продолжительность, холостяцкий или семейный статус, относились к одному жанру, который имел строго определенное и вполне устоявшееся название – «курортный роман».

Курортный роман представляет собой жанр сугубо праздничный: яркое солнце, теплое море, белые брюки, букеты цветов, хорошее вино, желанная женщина. И деньги, которые зарабатываешь год, чтобы спустить за три недели. Курортный роман одет в парадную форму одежды. В этом жанре нет места мелочам семейного быта, тыловым приземленным заботам. Хотя нормальная семейная жизнь прежде всего складывается именно из этого. Большинство из ее радостей не падает на тебя с безоблачного неба. Они заработаны, а то и выстраданы.

Ему, состоявшемуся мужику, который никогда не боялся черной работы, трудностей и ответственности, пусть совсем небольшие, но регулярные, завоеванные и ожидаемые радости были дороже, чем ослепительные внеплановые подарки судьбы. Сочинский разговор о ребенке не оставлял места для сомнений: их брак относится ко второй категории.

– Ты сможешь прожить без нее? – спросил он сам себя.

И сам себе ответил:

– Должен. Иначе перестану себя уважать...

Катализатором, который подтолкнул Ирину отвечать себе самой на тот же вопрос, оказался ее преподаватель физкультуры, более известный в студенческих кругах как Атлант. Мастер спорта по десятиборью, он в двадцать семь лет поставил крест на «большом спорте», завершив свою десятилетнюю гонку за капризными секундами и метрами. Его потолком оказалось третье место на первенстве Москвы. Теперь, вот уже третий год, бывший спортсмен вразвалку шел по жизни, приглядываясь, на какую из ее тропинок лучше бы свернуть. А пока старался получить хоть какую-то компенсацию за лучшие годы, потраченные на борьбу за маленький серебристый значок, который к тому же даже носить уже стало совсем немодно.

На данном этапе такой единственной реальной компенсацией для него было повышенное внимание студентов, их здоровое любопытство, желание узнать не из вторых рук, насколько

почти двухметровый, отлично сложенный и гибкий мужчина силен в одиннадцатом виде спорта. Точнее, даже не спорта, а искусства. Искусства любви. Той самой любви, которая настойчиво и стабильно будоражит поголовно и коммунистов, и беспартийных. Особенно молодых.

Атлант не был азартным обольстителем. Просто любознательным и... безотказным мужчиной. Так сложилось, что время от времени его очередная, но на данный момент уже бывшая (или почти бывшая) подруга приводила новую. В легкой атлетике это называется эстафетой.

Был он немногословен, вел себя тактично, своими победами не хвастался. Знакомство, которому предстояло стать близким, он начинал с упреждающего вопроса (он же исполнял и функцию ответа):

– Так что нас влечет друг к другу? Правильно, радость моя, физиология. А тех, кого волнует психология, милости просим, но не на нашу кафедру.

Первый год Ирина, несмотря на почти постоянное отсутствие мужа, не поддавалась соблазнам. Сказать, что это давалась ей легко, будет искажением истины.

Через месяц после возвращения из Сочи она пошла к своим однокурсницам в общежитие. С первого курса они вместе писали курсовые, готовились к экзаменам и зачетам.

От «теоретической фонетики» будущие переводчицы непроизвольно перешли к более актуальной для их возраста учебной дисциплине – практической сексологии. В частности, к сложности сочетания приятного и безопасного. В качестве позитивного примера преодоления этого противоречия прозвучала свежая информация об Атланте.

Ирина слушала откровения однокурсницы и чувствовала, как ее переполняет нестерпимое искушение. Моральные тормоза, здравые и не очень здравые соображения, размышления, логика – все это в считанные минуты улетучивалось со свистом, уступая место одному – желанию.

С трудом дождавшись окончания их научно-практической конференции, Ирина обратилась к рассказчице:

– Ленка, ты меня до автобуса проводишь?

Едва они вышли из общежития, Ирина остановилась:

– Только без вопросов. Я его хочу!

Ленка прикинулась дурочкой:

– Ты хорошо подумала?

– Это уже вопрос.

– Тогда подожди в сторонке, у газетной витрины. Он живет в этом подъезде, – она показала на дверь с табличкой «Общежитие преподавателей и аспирантов». – Минут через десять вернусь.

– Так сразу?

– Если сойдется, то и сразу.

Ирина почувствовала, что стала трезветь. В голове вяло зашевелились какие-то предупреждающие мысли.

– Пошли вон, – сказала она им вслух, – и будь что будет!

Не раз, бывая на «сборных» концертах, Ирина сталкивалась с эффектом «фона». Выступает солист, у которого, как пишут врачи, все N – «в пределах нормы». Не фальшивит, приятный тембр голоса, правильные черты лица, сносная фигура. Пока его слушаешь, даже получаешь удовольствие. Но вот его сменяет другой исполнитель. И на его фоне первый сразу линяет, о нем моментально забываешь, и сама мысль слушать его впредь вызывает у тебя неприятие.

В искусстве любви Атлант оказался тем самым маэстро, которого хотелось слушать и слушать...

Родители Ирины в оценке ее развода оказались единодушны. Блажь, конечно, но куда деваться? Своя же дура, которой снова придется устраивать личную жизнь.

Через КЭЧ²² отец удачно разменял их трехкомнатную квартиру на «двушку» и однокомнатную. В «однушке», на прикроватной тумбочке и стоял телефон, номер которого вчера получил Юра Брюллов.

Когда вчера же, поздно вечером, он набрал этот номер, телефон не стал капризничать и после второго же гудка отозвался голосом Ирины.

Договорились, что завтра после работы они встретятся в вестибюле Госплана.

Далее все происходило в соответствии с ГОСТом: встреча – ресторан – прогулка – сопровождение дамы до дома – легкая заминка перед дверью.

– Пригласишь, или как? – полюбопытствовал Брюллов.

– Придется пригласить. Вряд ли кто еще тебя обогреет в этом холодном городе. А я гуманная.

Лексикон Ирины с пионерских лет был приправлен острыми специями. Но ее баночка с названием «отношения полов» долго пылилась на полочке невостребованной. Дело было не только в стыдливости или в неловкости. Что болтать о том, чего не попробовала на вкус.

А потом понеслось! Боевой опыт замужества и развода оказался подкрепленным вражеской идеологией. В большинстве вузов иностранным языкам учили как бы по английским или немецким «Московским новостям». Но в ее знаменитом на всю страну инязе имени Тореза в руки переводчиков попадали практически все издания мирового масштаба. В них, кроме всего прочего, обсуждались жгучие проблемы сексуальной революции. И это было здорово!

Чего только стоила выловленная из продажной буржуазной прессы ссылка на Фрейда, сообщившая любознательной студентке, что «половое влечение не только существует, все остальное просто несущественно». Ввернула ее к месту, и вместо примитивного «разврата» имеешь авангардную идеологию.

Бойкий язычок Ирины ощутимо деформировал ее репутацию. Не только в сторону негатива. Если приглядеться, то оценка ее безнравственности была явно завышена. У Ирины никогда не было больше одного «бойфренда». Когда мимоходом она сообщила об этом Юре, он полюбопытствовал:

– Это случайность или предел физических возможностей?

– Это принцип, молодой человек! Нас еще в школе учили: электрические соединения могут быть либо последовательные, либо параллельные.

– И что?

– Да то, что у меня пунктик. Органически не переношу параллельные связи.

– А последовательные?

– Они не так аморальны. Что-то промежуточное между супружеской верностью и бл... вом. Я чувствую, что этот термин в моем исполнении тебя коробит, но, извини, полноценного благозвучного синонима не обнаружила.

Один раз избыточная разговорчивость сослужила Ирине добрую службу. Перед пятым курсом вновь назначенный в институт молодой и рьяный куратор КГБ не только положил на нее глаз как на объект потенциальной вербовки, но и проинформировал об этом своего шефа.

Через пару недель он вынужден был признаться, что погорячился:

– Умна и привлекательна, но распутна и патологически болтлива. Если первое не противоречит успешному решению оперативных задач, то второе полностью обесценивает ее как «источник».

Инстинкт самосохранения подсказал Ирине еще один принцип в личных отношениях. В народной гуще принцип звучал круче, но здесь, пожалуй, мы обойдемся его подретушированным вариантом. Принцип гласил: «Не гуляй, где живешь». «Где» – по месту работы. Если бы

²² Квартирно-эксплуатационная часть.

не он, то вряд ли представитель Камского обкома сподобился бы угодить в горячие объятия Ирины Вороновой.

В том, что Юра воспринял новое знакомство как типовое «культурное сопровождение» ответственной командировки, ничего удивительного не было. Кратчайший путь во времени и пространстве от госплановского лифта до постели в «однушке» не оставлял другим версиям никакой надежды. Но с реактивной скоростью пролетели две недели, отпущенные ему руководством «на все про все», и Юра почувствовал, что он настолько привязался к этой гремучей смеси обаяния, энергии и цинизма, что не в силах сказать ей традиционное «прощай».

Грех не отметить, что в этот отрезок времени немалую долю своей неумемной энергии Ирина использовала в интересах народного хозяйства Камской области. Без ее помощи Брюллов вряд ли получил бы нужные визы и в половине инстанций, друг за другом возникающих перед ним, словно барьеры и ямы в стипль-чезе²³. Благодаря ее подсказкам, звонкам секретарям и помощникам, он сделал все, что только было под силу скромному саперу. Путь для тяжелых танков был расчищен...

Среди немалого числа достоинств Атаманова были два, которые особенно ценили «птенцы гнезда Петровича». Он всегда замечал хорошо выполненную работу и не забывал ее отметить. От краткого – «высший пилотаж!», до солидной премии или перемещения на более высокую ступеньку карьерной лестницы.

Остался он верным себе и на этот раз. Когда Брюллов, завершая доклад о результатах командировки в Москву, захлопнул папочку документов с бесценными визами, Атаманов потянул ее к себе:

– Махнемся не глядя!

Он достал из ящика письменного стола лист бумаги и подал Брюллову.

– Пока ты сражался, Никифорова перевели начальником депо. Я на всякий случай это местечко для тебя придержал. А то слишком долго ты в «девках» засиделся. Должность заместителя главного инженера УМЦ по новой технике вас устроит, Юрий Владимирович?

Через пару недель два тяжелых танка, предназначенных для взлома последних укрепленных оборон противника, выдвинулись в Москву. Первым «танком» был секретарь Камского обкома по промышленности, вторым – заместитель начальника дороги. От мелких неприятностей их прикрывали пехота и саперы в лице Атаманова и Брюллова.

Атаманов по своему чину на роль ударной бронетанковой единицы не тянул, но для получения одной, пожалуй, самой трудной визы он оказался незаменимым.

В МПС за решение вопроса о двойном подчинении Камского УМЦ отвечал заместитель министра, имя-отчество которого было Вячеслав Вячеславович. Тот самый непосредственный начальник Николая Атаманова еще по Забайкалью и Камску. По телефону все эти годы Атаманов общался с Вячеславом Вячеславовичем не реже, чем раз в два месяца. А вживую за эти пять лет им удалось встретиться всего два раза.

Заместитель начальника дороги, ставя Атаманову задачу, на всякий случай спросил:

– Может, для поддержки штанов мы с Романычем, – он кивнул в сторону секретаря обкома, – тебя прикроем с воздуха? Решай.

– Спасибо. Но тогда разговаривать он будет не со мной, а с вами. Согласно субординации.

При этом Атаманов не стал уточнять, что время для встречи заместитель министра ему уже назначил. Ровно в 20.15. И место тоже. У себя дома.

Неудивительно, что встреча наставника и ученика прошла по-домашнему. Да и содержимое стола, подтверждавшее, что до полной победы коммунизма осталось всего ничего, этому весьма способствовало.

Для начала Глафира Филипповна учинила Атаманову допрос с пристрастием:

²³ Бег через барьеры и ямы, наполненные водой.

– Как управляется с домом Нина? Как растут погодки Мишка и Настя?

Потом по-матерински похвалила, что не стали тянуть с детишками, покритиковала его за намечающийся начальственный животик. И, наконец, милостиво разрешила:

– Больше я вам не мешаю. Можете о работе. Только закусывайте.

Атаманов воспоминания отложил на десерт, а начал с проблемы УМЦ. Вячеслав Вячеславович слушал с интересом. Строительство УМЦ начинал еще он, а вот как дело повернулось, это было для него в новинку.

– Коля, твоя инициатива (а она твоя – ты обкомом мне мозги не пудри) интересная, но рискованная. Мы друг с другом всегда были откровенными. Скажи мне как на духу: для чего тебе этот геморрой? Для карьеры? Для выгоды? Для самолюбия?

– Если отвечать коротко, то именно вам, Вячеслав Вячеславович, мне ответить довольно просто. Какой у вас самый суровый упрек провинившимся? Напоминаю: «опять наперекосьяк?». Не лежит у меня душа, чтобы такая красота, как УМЦ, наперекосьяк использовалась. Это главное. Ну и все остальное тоже присутствует. И честолюбие, и выгода. Мы же через кооперацию по новой технике в главные оборонные программы попадаем. А там и деньги, и фонды...

– И ордена?

– И ордена не повредят.

– Ты прав, Коля. Затея эта перспективная, но очень рискованная. Надо ли нашему брату рисковать? Отвечаю. Необходимо. Но через раз. Когда тяжеловесный состав берет подъем, у машиниста выбора нет: выжимай все, что у тебя есть, рискуй. Но когда идешь по ровному участку, рисковать очертя голову ни к чему. Так и в карьере. Забрался повыше – лишний раз не выпендривайся. Поводов свернуть шею и без этого хватит. Не согласен? Ладно, Коля, не заводись. Это я тебя провоцирую. Не знаю как ордена, а уважения дело, которое ты пробиваешь, заслуживает. И поддержки. А вопросы, которые я тебе задавал – это репетиция. Не исключено, что когда я вашу челобитную согласую, их будут задавать и мне. Вы своим УМЦ наступили мне на старую мозоль. Я сейчас с капиталистами часто общаюсь. И что меня у них удивляет, а у нас огорчает. Если в сделке, в проекте они учуяли даже слабый запах выгоды, то стаей, не жалея живота своего, начинают за нее сражаться. А нам жирный кусок в рот суют, а мы морду воротим. А если и проявляем интерес, то «в порядке исключения». Как ты, например. Что касается УМЦ, то будь моя воля, я его вообще бы из нашего железнодорожного ведомства вывел. Задаром отдал. Но до такой лихости я еще не созрел. Неправильно поймут. Грех мне, заместителю союзного министра, это говорить, но что-то важное в нашей плановой системе не срабатывает, какие-то колесики крутятся не в ту сторону. Бумаги с собой? Давай подпишу. Утром зайди к помощнику, чтобы присвоить номер и поставить печать. А теперь о приятном. В прошлом году много беленьких нарезали? Ты помнишь, каким я заядлым грибником был? А на Кавказе да в Москве не получается. Бедствую!

– Совсем вы плохо обо мне думаете, Вячеслав Вячеславович! Пойдемте, вручу пакетик сушеных. Из одних шляпок!

Как и положено в приличных домах, Брюллов познакомил свое руководство со специалистами Госплана, к которым он навел мосты во время первой командировки. Закрепили знакомство душевным ужином в «Национале». Ирину в число соавторов победы он не включил. Береженого, как известно, Бог бережет.

В пятницу отцы-командиры отпустили Юру домой, куда он не так уж и рвался. Распрощавшись со старшими товарищами, он направился к Ирине.

Но, несмотря ни на что, в своем камском кабинете он появился как штык. В понедельник, ровно в восемь. Хотя удалось это только благодаря ночному воскресному авиарейсу. Пропавший бесплатный железнодорожный билет и расходы на самолет Брюллов мысленно списал на статью «положительные эмоции».

Варя Дьякова. Июнь 1970

То, что университет – это «фирма», Варя ощутила еще в самом начале учебы на втором курсе. Не только на лекциях, слушая блестящих профессоров, но и на занятиях скромного кафедрального научного кружка. В Камском университете равнодушный и любознательный молодой человек всегда мог найти что-то интересное, полезное и по душе, не только в профессии, ради которой он появился в этих стенах. Спорт, театр, живопись, музыка – от классики до уже реабилитированного недавно джаза и еще подозрительного рока. Плюс литературное объединение, кружок «Читаем Хемингуэя в подлиннике» и, конечно, танцы.

Но даже не это было главным. Важно, что в каждой секции, в студии, в любом художественном коллективе в одном котле варились студенты самых разных факультетов и специальностей. Неформальное общение «физиков» и «лириков» произвольно расширяло кругозор, шло на пользу и тем и другим.

Одной из партнерш Вари по ансамблю была пятикурсница – гидролог Эля Черных. Темой ее дипломной работы было исследование слияния рек Камы и Волги. По большинству параметров получалось, что, вопреки распространенному мнению, не Кама впадала в Волгу, а наоборот. Несправедливость этого мнения возмущала эмоциональную Элю, и все свое негодование на замшелых консерваторов от науки и практики она высказывала своей младшей подруге.

– С точки зрения экономики эта ошибка имеет какое-то значение? – поинтересовалась начинающая экономист-географ.

– Пожалуй, нет. Вот в чем экономики больше, чем гидрологии и географии вместе взятых, так это в проекте переброски северных рек, – просветила Эля любознательную второкурсницу.

Где-то через месяц на занятии студенческого кружка их руководитель, пожилой и явно потертый жизнью доцент Ручьев, предложил новобранцам набор тем для будущих исследований. Их интерес он подогрел официальным заявлением:

– Если тема понравится вам и что-то интересное в ней увижу я, то она будет взята за основу ваших будущих курсовых и дипломной работ.

Варя посмотрела список более чем из двадцати названий. Больше половины из них были ей непонятны, остальные «не зацепили».

– А экономика переброски северных рек – это по нашему профилю? – спросила она.

Ручьев с интересом посмотрел на нее.

– Эта тема, скорее, на стыке экономической географии и народнохозяйственного планирования. А стыки и на войне, и в науке часто остаются неприкрытыми. На нашей кафедре этой проблемой никто из преподавателей не занимается. Мое научное направление – территориально-промышленные комплексы. У «соседей», чистых экономистов, лет пять назад одна преподавательница принимала участие в журнальной дискуссии на эту тему, но с тех пор я ничего об этом не слышал. Вы как-то с этой темой сталкивались?

– Да нет, Борис Григорьевич. Как говорят незамужние девушки, парень никакой, а имя запомнилось.

– Давайте я вам для начала подберу кое-какую литературу по проблеме. Если понравится не только имя, подумаем, как поступить с «парнем» дальше.

Литературы оказалось негусто. Всего три журнала. В каждом – по одной статье, да две газетные вырезки и одна древняя книга девятисотого года издания.

Книга называлась «О наводнении Арало-Каспийской низменности для улучшения климата прилежащих стран». Принадлежал сей труд перу некого Демченко. Похоже, что идея переброски вод северных рек для орошения земель Казахстана и Узбекистана принадлежала

именно ему. А вот авторы статей единодушия в вопросе не продемонстрировали. Два академика, Чокин и Обручев, идею переброски поддерживали. Еще один академик, ПонTRYгин, ее осудил.

Газетные вырезки были совсем свежие. В одной сообщалось, что состоявшийся в шестьдесят восьмом пленум ЦК КПСС дал поручение разработать план перераспределения стока рек. Вторая вырезка из газеты, вышедшей всего месяц назад, содержала постановление ЦК и Совета Министров. Его название напоминало научную статью: «О перспективах развития мелиорации земель, регулирования и перераспределения стока рек в 1971–1985 гг.».

Кое-что понять в этом столкновении идей и мнений Варя смогла только после того, как проштудировала материалы раза три. И сделала для себя лишь два вывода. Первый состоял в парадоксальной, на первый взгляд, мысли о том, что чем больше погружаешься в тему, тем больше возникает вопросов. Второй гласил, что при первом чтении аргументов сторонников проекта кажется, что истина на их стороне, но стоит только открыть статью их противников, как ты становишься их союзником.

Когда она посетовала на свою непоследовательность Ручьеву, он расхохотался.

– То, о чем вы, Варя, мне рассказали, называется «синдромом новичка». Вы как бы оказались в ресторане заморской экзотической кухни, где не знаешь, что съедобно, а что нет. Где можно перепутать гарнир со специями. Необходимо немало перепробовать на вкус всякой всячины, чтобы в один прекрасный день уверенно сказать: «Это блюдо съедобно и полезно. Но чтобы оно было еще и вкусным, следует его чуть поперчить, добавить укропчика и подержать минут пятнадцать на небольшом огне». Или лишь понюхать и так же уверенно заявить: «А эту бурду – на помойку!». Так будем дальше продолжать наши кулинарные опыты? Тем более что я вам в них мало чем могу оказаться полезным.

Варя на несколько секунд взяла паузу.

«Знать бы, как повлияет на эти дегустации ранняя беременность», – подумала она про себя.

Но вслух произнесла иное:

– Позвольте занять место у плиты, Борис Григорьевич!

Брюллов. Август 1970

Постановление правительства об опытном статусе и двойном подчинении УМЦ было подписано в конце марта. Как раз накануне столетия со дня рождения вождя мирового пролетариата товарища Ленина. Страна Советов и все прогрессивное человечество отмечали юбилей с размахом. Была учреждена юбилейная медаль. Особая! Все остальные медали прикреплялись к пятиугольной колодке, а эта – к прямоугольной. И носить ее положено было выше всех других орденов и медалей на левой стороне груди. Как Звезду Героя Советского Союза.

Особенность юбилейных медалей состоит в том, что когда ими награждают, особой радости не испытываешь: ты один из лучших, но многих. Но, если она тебе по какой-то причине не досталась, это огорчает. Выходит, что до лучших ты не дорос.

Юрий Владимирович Брюллов «ленинской» медали был удостоен. На пятьдесят четыре управленца УМЦ райком выделил всего шесть «знаков». И то, что одним из них был награжден Юра, свидетельствовало о многом. Прежде всего, о хорошем отношении к нему руководства.

Хорошее отношение наглядно подтвердилось через четыре месяца. К этому времени стало ясно, что самое сложное в работе реформированного УМЦ – это совсем не хитрые технологии и капризы автоматики и телемеханики. Ежедневные организационные и финансовые головоломки задавали «чужаки» – смежники и заказчики. От «пушкарей» до производителей гироскопов и лодочных моторов.

Для их разгадывания и была учреждена должность главного экономиста – первого заместителя директора Центра, с подчинением ему четырех отделов: планово-производственного, финансового, кооперации и сбыта, снабжения.

На эту, скажем прямо, нескучную должность и был назначен Юрий Брюллов.

Дьяков. Октябрь 1970

«... Из восемнадцати членов ученого совета присутствовало – 16. Роздано бюллетеней – 16. При вскрытии урны оказалось бюллетеней – 16. За присуждение Дьякову Александру Игоревичу ученой степени кандидата юридических наук проголосовало – 14. Против – 2. Воздержавшихся – нет. Решение – положительное».

В ту же секунду, как эта информация была доведена до присутствующих, послышались аккуратные хлопки, зазвучали оживленные голоса, раздались звуки передвигаемых стульев.

Дьяков, сидевший за отдельным столиком, расслабился и поднял голову. И тут же, встретившись с ободряющим взглядом ректора, благодарно кивнул. Повернулся в сторону «болельщиков». Первая, кого он увидел, была ликующая Варька, достававшая из-под стола букет цветов. Весело посмотрев на него, она чуть чмокнула губами и подмигнула.

Председатель ученого совета еще завершал необходимые формальности, но Саня уже ощутил, как переполнявшее его последние дни высокое давление стремительно стравливается через наконец-то открывшийся кран.

То, что он испытывал, было чувством облегчения. До настоящей радости победителя эмоции, увы, не дотягивали. Забывая решающий гол, он чуть подправил мяч рукой. И, похоже, судья это заметил, но не свистнул.

То, что как минимум один «черный шар» он получит, не было для него сюрпризом. В перерыве перед голосованием, когда члены ученого совета получали бюллетени, к нему, прихрамывая на изувеченную на фронте ногу, подошел один из его преподавателей, доцент Рыбин.

– Дьяков, я уважал тебя еще студентом. Ты порядочно ведешь себя в студенческих начальниках. Но сейчас ты делаешь не то. У тебя один из интереснейших предметов защиты – опасность обострения противоречий между принципами суверенитета и территориальной целостности. Я хотел тебе подыграть. Спросил детали. Они в диссертации есть и очень интересные. А ты поплыл. Вывод: это не твое. Автор такие вещи не забывает. Ты меня очень огорчил. Выступать по этому поводу я не стал. Но если «против» будет только один голос, знай, что это мой. Честь имею!

Возразить старому саперу, легко обнаружившему мину, Дьякову было нечем. Стартовый год аспирантуры ушел у него на сдачу кандидатского минимума.

Те же студенческие экзамены. Ну, чуть сложнее. Процесс подготовки был отлажен, все экзаменаторы знали его в лицо. Итог – все пятерки.

А когда пришла пора писать диссертацию, то есть творить, то первый научный результат, который Саня сформулировал себе через три-четыре месяца, был печальным: ему явно не хватало трудолюбия.

Что-то в этом выводе было не так. С малых лет он, не жалея времени и сил, бегал кроссы, отрабатывал финты, пасы, удары, параллельно учил уроки, сдавал экзамены. Только слепой и глухой мог обвинить в отсутствии трудолюбия студента, исправно сдающего все сессии, и, одновременно, играющего (!) тренера. Многостаночник не может быть лентяем. А кем, как не многостаночником, является лидер университетского профсоюза?

Не сразу, но и до него дошло: если труд бывает разным, то и трудолюбие шьется не по одной выкройке. Одно дело, не жалея энергии и ног, по шестнадцать часов в день носиться по городу или футбольному полю, вести разговоры и переговоры, отдавать команды и проверять их исполнение. Совсем другое, – сидя целые дни на одном стуле, перелопачивать груды первоисточников, выдумывать на основании этого что-то новое, собственноручно излагать плоды своих мыслей на бумаге.

Это другое, как оказалось, было выше его сил.

Выход из тупика неожиданно нашелся сам собой. У его научного руководителя было еще два аспиранта. Естественно, что темы их исследований были близки. Один из товарищей по несчастью, уже завершающий работу над диссертацией, как-то посетовал:

– Жаль, что только сейчас нашупал, что можно представлять в качестве предмета новизны. Оказалось, что напахал я порядком лишнего. Лучше бы это время на «шабашки» потратил. С деньгами совсем хреново, а доплаты за ученую степень раньше чем через год не дождешься.

Дьяков вздрогнул, словно залпом выпил свои «сто пятьдесят». Не далее как вчера он принял очередное приглашение Фимы. Их творческий и почти бескорыстный союз отметил уже трехлетний юбилей. За это время они выяснили, что могут еще во многом быть полезными друг другу. От рекомендаций проверенных репетиторов для поступающих в университет до устройства «взрослых» в студенческие строительные отряды с хорошими заработками. Оба были люди занятые, встречались редко. Но пересекаясь, каждый раз расставались довольные друг другом.

Вздрогнул Санька по той причине, что вчерашний конверт, полученный от Фимы, лежал еще нераспакованным в укромном месте. А его содержимое раз в пять превышало гонорар бетонщика – бойца студенческого отряда – за его трехмесячный ударный труд на самом выгодном в Камской области объекте – строительстве животноводческого комплекса.

– Слава, ты всерьез сказал об излишках в своих интеллектуальных кладовых? – спросил он с опаской.

– Если не на две, то на полторы диссертации точно наберется. А что?

– Помнишь студенческую интерпретацию американского лозунга «Время – деньги»?

– Как же, как же. «Время, которое у нас есть, это деньги, которых у нас нет».

– А у меня, дорогой соратник, противоположная картина. Золотого тельца, играя в футбол, я малость поднакопил. И профсоюз кое-что подбрасывает. А времени сидеть в читалке – ноль. Тебя не обидит мое гнусное предложение: ты мне презентуешь часть своих творческих неликвидов, а я в ответ денежными знаками компенсирую время, потраченное на их производство? Гонорар по часовой ставке бетонщика пятого разряда. Плюс уральский коэффициент и оплата дороги к месту работы в оба конца.

– А доплата за вредность?

– Это святое! – обрадованно подхватил Санька. – Более того, я же понимаю, что кандидатская для тебя не финиш. Поэтому публикации, написанные на основе твоих материалов, оформим в соавторстве. По рукам?

– Давай для начала вместе посмотрим, что можно для тебя приспособить.

Материалов оказалось более чем достаточно. Когда Дьяков показал треть из них своему шефу, тот лишь произнес:

– Дышите спокойно. Дьяков. Из этих мальков может вырасти золотая рыбка.

Сумму, которую назвал Вячеслав, довольный покупатель щедро умножил на полуторный коэффициент.

– Ты забыл доплату за вредность!

Заемствованные идеи, выводы, предложения Дьяков компоновал, редактировал «под себя», писал связки. Кое-что, конечно, добавлял и от себя. Ближе к окончанию диссертации он даже испытал к ней отцовские чувства. И вдруг такой прокол. Видимо, по отношению к своей диссертации папаша из него не получился. Только отчим.

И все же Дьякова не столько огорчали два «черных шара», сколько реплика Рыбина. Второй «шар» показывал, что «чужой почерк» заметил не только он.

Снова прозвучали аплодисменты. Это председатель объявил, что протокол и решение совета утверждены единогласно, и поздравил новорожденного кандидата наук с успешной защитой.

Ладно, попытался успокоить себя Дьяков, не я первый, не я последний. Как там гласит древняя аспирантская поговорка? «Два часа позора, зато кусок хлеба на всю оставшуюся жизнь».

Брюллов. Ноябрь 1970

Пребывание в кресле главного экономиста УМЦ требовало от его обладателя всесторонней, прямо-таки змеиной гибкости. Точнее – трех разных. Инженерной, так необходимой для непрерывного освоения новых изделий и технологий. Экономической, чтобы не дать обидеть свой Центр многочисленным и прижимистым заказчикам. И конечно, дипломатической, без которой не выжить, будучи слугой двух капризных господ. Мягко говоря, господ МПС и ГКНТ не очень ладили друг с другом. Симпатии к каждому из них следовало проявлять по отдельности.

Но нет худа без добра. Большая часть информации о технических новинках сначала появлялась в англоязычных журналах, и Брюллов, чтобы технологи не водили его за нос, довольно прилично освоил язык. С этой целью дома с мамой он принципиально старался общаться на языке сэра Генри Бессемера²⁴.

Когда Брюллов напросился к ректору университета, чтобы проконсультироваться об особенностях ценообразования экспериментальной продукции, Петр Павлович, просидев с ним почти три часа, завершил их разговор фразой:

– Извините за откровенность, Юрий Владимирович, но если с вашими головой, знаниями и накопленными материалами вы в ближайшие два года не защитите кандидатскую по экономике, я буду вынужден считать вас никчемным человеком.

– Мне бы этого очень не хотелось, Петр Павлович, тем более что однокашники называли меня Академиком.

Через неделю Брюллов записался на курсы по подготовке к сдаче кандидатских экзаменов.

Директора УМЦ Ежикова двойное подчинение, тем более какому-то ГКНТ, сильно тяготило. Не желая губить собственные нервные клетки, он контакты с госкомитетом и все, что было связано с экспериментальными заказами, перепоручил Брюллову. По этой причине как минимум раз в квартал Юра посещал столицу. Когда он впервые оформлял командировку в Москву в качестве главного экономиста, то не задумываясь заказал гостиницу. Независимость дороже всего!

Ирину Воронову последний раз он навещал месяца три назад. Примерно раз в неделю кто-нибудь из них звонил другому. По праздничным датам происходил обмен открытками или телеграммами. Теплыми. Но не пылающими. Наиболее реалистично их отношения описывались словами популярной послевоенной песни: «Словно замерло все до рассвета».

В связи с этим ответ на вопрос, извещать или нет Ирину о своем приезде, потребовал от него некоторого напряжения ума. Консервативный принцип «от добра добра не ищут» входил в противоречие с холостяцкой тягой к новому и неизведанному. На этот раз победила тяга.

С Курского вокзала, на который его поезд прибыл утром минута в минуту, Брюллов заехал в гостиницу и уже в десять вошел в подъезд госкомитета. О том, что жизнь состоит не только из работы, он вспомнил лишь в восемнадцать сорок, выходя из кабинета начальника финансового управления. В уже опустевших кабинетах и коридорах неизведанных существ женского пола, достойных его внимания, не обнаружилось.

К уличным знакомствам Юра относился брезгливо. Можно было еще успеть купить «с рук» билет в какой-нибудь театр поблизости, но идти в храм культуры и искусства одному было не только неуютно, но и унижительно. Так же как и в одиночестве коротать московский вечер в гостиничном номере.

Брюллов огляделся вокруг и направился к таксофону.

²⁴ Автор одного из методов производства стали.

Телефон Ириной кельи ответил длинными, безответными гудками.

«Пижон! Мало ему синицы в руках, подавай журавлиху в небе», – сурово подумал он о себе в третьем лице.

Уже не надеясь на успех, Брюллов отыскал в записной книжке телефон родителей Ирины и снова стал терзать диск таксофона. Похоже, что черная полоса окончилась. Трубку взяла она.

– Меня срочно вызвали в ГКНТ, я даже не успел тебя предупредить, – не очень ловко соврал он. – Если не нарушил твои планы и при наличии хоть толики желания, готов предстать перед очами. И перед всем остальным.

По тому, как зазвенел ее голос, было понятно, что молодой женщине одной родительской любви все же было недостаточно:

– Юрик! Сама удивляюсь, но желание есть. И очень, очень, очень даже большое!

Командировка была оформлена со вторника по пятницу. Четверо суток для общения двух неравнодушных друг к другу молодых людей – срок не то что небольшой, а и просто никакой. Тем более что и он, и она не бездельники и тунеядцы, а люди, каждый при своем деле. Что уменьшает число часов на приятное общение как минимум на девять единиц в день.

Уже в четверг Юра получил подтверждение еще одной истины: «Аппетит приходит во время еды». Три месяца он особо не задумывался о перспективах вялотекущего романа с Ириной. Скорее, не романа, а связи. Для романа их отношениям не хватало романтики того, что именуется процессом оболышения. Не случись этой командировки, не окажись Ирина в эти дни в Москве, их изрядно усохшая за три месяца интимно-производственная связь безболезненно могла прерваться в это самое время и на том же самом месте.

Но сейчас, когда максимальный разрыв между любовниками в пространстве вписался в габариты однокомнатной квартиры, соединяющая их веточка не только ожила, но и расцвела.

Собираясь на работу, Ирина спросила, как бы он предпочел провести сегодняшний вечер. На людях? В ресторане? В компании бывших ее однокурсников? На концерте ансамбля «Дружба» с Эдитой Пьехой? На хоккее? Или вдвоем – «по-домашнему»?

Неожиданно для себя, даже не задумываясь, Юра ответил:

– Конечно, вдвоем. Хотя... Ты меня не приняла за жмота? Может быть, наоборот, ты хотела бы выйти в люди?

Ирина расхохоталась.

– Юрка! Какой из тебя жмот? Насчет этого не беспокойся. Я тебя выпотрошу и в домашнем варианте, который хорош уже тем, что ты не будешь паяться по сторонам на семнадцатилетних дурочек. Итак, леди и джентльмены! Сегодня в программе шампанское под икорку при свечах! И сладкое на десерт!

– На десерт предлагается стриптиз, – внес он свою весомую поправку в ее дельное предложение.

– Стриптиз так стриптиз. В половине шестого я тебя жду у госплановского «стола заказов». Пропуск закажу...

Два часа разницы между московским и камским временем дали о себе знать. Несмотря на то, что «ужин при свечах» завершился около двух, Брюллов без всякого будильника легко проснулся в шесть утра. Стараясь не потревожить свернувшуюся в комочек Ирину, он аккуратно повернулся, чтобы улечься удобнее. До прихода такси часок можно было себе позволить понежиться... и подумать.

В первую очередь о теме, ранее для него немислимой. О позитиве домашнего уюта. Уюта «взрослого», совсем не того, что бывает в родительском доме. До сих пор домашний уют и праздник жизни воспринимались Брюлловым как антиподы. Он был уверен, что праздник обязан быть ярким, шумным, многолюдным. Так ли это? Может быть, яркость оставить, но в дру-

гом комплекте? Вместе со спокойствием, теплом и надежностью. С неподдельным интересом ее к тебе и твоим к ней?

Поразмыслив, Брюллов аккуратно выбрался из постели, мысленно похвалив качество югославской мебели: даже не скрипнула. Его хорошее воспитание, умноженное на проросшие только что мысли, дало о себе знать в виде совсем неплохой идеи – подать любимой женщине кофе в постель...

Позвонила диспетчер такси:

– Машина у подъезда.

– Давай присядем на дорожку, – предложил Юра.

– Я провожу тебя в Домодедово, – вдруг решила Ирина.

– Зачем такое самопожертвование?

– Никаких жертв, просто захотелось. Я вернусь этой же машиной.

Как только автомобиль двинулся, она сразу прижалась к нему под расстегнутым пальто.

– Если тебе это интересно, то и в моей беспутной голове порой наблюдается какой-то «сдвиг по фазе». Непонятные импульсы серьезности намерений и осуждения легкомыслия. Даже в народ не тянет. Хотя народ попадаетея вполне ничего: широкоплечий, рослый и не совсем умственно отсталый. Впрочем, все закономерно: девушка разменяла четвертак и почувствовала опасность остаться неохваченной официальным мужским вниманием. Когда, сто лет назад, Воронов предлагал мне прибыть в гарнизон и там нарожать ему будущих генералов, мне эта идея показалась «за гранью». А сейчас кажется вполне правдоподобной. Брюллов! Ты что напрягся? Расслабься. Девушка шутит...

Брюллов. Февраль 1971

Ирину разбудили пронзительные звонки «межгорода». Разбудили не сразу, и это было неудивительно: стрелки будильника криво раскорячились внизу циферблата на шесть и двадцать.

Ей очень хотелось зарычать в трубку:

– Что за идиот звонит в такую рань!

Но осторожность и приличное воспитание победили.

– Я слушаю.

– Иринка, это Юра. Извини, что разбудил. Через десять минут оперативка, потом разборка со сварщиками. Ранее тринадцати по-нашему позвонить не смогу. А вопрос срочный.

Ирина постепенно приходила в себя.

– Срочный хороший или срочный плохой?

– По-моему, хороший.

– Тогда задавай, – благосклонно разрешила она.

– Три месяца назад одна девушка сказала, что созрела покинуть Москву и уехать в дальний гарнизон. Девушка не передумала?

Ирине словно дали понюхать нашатырный спирт. От сна ничего не осталось.

– Все зависит от того, к кому ехать в этот гарнизон.

– К лейтенанту запаса Брюллову.

– Юрка! Чтобы сформулировать этот вопрос, тебе понадобилось всего-навсего три месяца?

– Три месяца не такой большой срок, чтобы разобраться, шутит девушка или говорит всерьез?

– Девушка говорила всерьез, но делала вид, что шутит. Но чтобы это узнать, совсем необязательно будить ее в такую рань.

– Не сердись, тебе это не идет. Все прозаичней... и серьезней. Вчера госкомиссия приняла наш новый жилой дом. Первый за последние три года. Ежиков предложил мне квартиру. Холостому – «однушку», женатому – «двушку». Следующей сдачи придется ждать как минимум столько же. Заседание профкома послезавтра. Юристы все это называют «вновь открывшимися обстоятельствами», а химики – катализатором.

– Юрка, я уже точно проснулась и вроде бы все понимаю. И, конечно, этому лейтенанту запаса говорю «да». Но не соображу, то ли мне при этом радоваться, то ли обижаться.

– В основном радуйся. Но обижаться тоже имеешь право. За предложение руки и сердца по расчету. Всего-то за одну комнату. Целую! Вечером позвоню, и поговорим подробнее.

Второй раз за эти сутки Брюллов набрал телефон Ирины около десяти вечера.

– Иринка! Ты за шестнадцать часов не передумала?

– А мне еще и думать позволено, свет очей моих?

– Не только позволено думать, но и решать – в какой форме доводим наше решение до родителей и где подаем заявление?

– Из этой же серии деликатных вопросов ты забыл еще один: мне оставаться Вороновой или переименоваться в фон Брюллову?

– У нас в семье к этому отношение ровное. Мама на своей девичьей фамилии, и я не замечал, чтобы папу это волновало. Поэтому поступай, как тебе комфортнее.

– Начинаешь совместную жизнь с того, что бремя принятия решения взваливаешь на хрупкие женские плечи?

– Не печалься об этом. Даже самое трудное решение принимается легко, когда оно вынужденное.

За какие-то полторы недели целый пакет протокольных и этических проблем остался позади.

Старшие Брюлловы и Шпагины в общих чертах догадывались о командировочном флирте своих чад. И те и другие относились к нему как к неуправляемой с их стороны, очередной и бесперспективной забаве своих взрослых детей. Объявление о преобразовании забавы в серьезное занятие с сопутствующими штампами в паспортах, изменением места работы и даже жительства вызвало у родителей одинаково противоречивую реакцию. Облегчение в связи с прекращением затянувшегося холостяцкого и, особенно, незамужнего статуса вполне созревшего ребенка. И вместе с тем некоторое разочарование в его (ее) выборе.

Нет, и по внешним данным, и «по анкете» все было нормально.

Но разочарования, небольшие по объему, но разнообразные по ассортименту, присутствовали у каждой из сторон. Если бы контрразведка позаботилась установить в генеральской квартире «прослушку», она бы зафиксировала несколько сказанных шепотом фраз:

- Мало ей мужиков в Москве оказалось.
- И что она будет делать со своими тремя иностранными языками в закрытом городе?
- Мы люди без предрассудков, но лучше бы «пятая графа» была без экзотики.
- Мягковат он для Ирки. Будет она из него веревки вить.

Тексты, звучавшие в то же время на левом берегу Камы, были иными, но столь же драматичными:

- Капризнее генеральских дочек бывают только маршальские.
- Московские розы уральских заморозков не переносят.
- Свеженькие нетоптанные третьекурсницы табунами ходят, а тут свет клином сошелся на разведенке. Спасибо, что не с готовыми внуками.

Особое внимание к третьекурсницам Диляра Эльдаровна проявляла по причине многолетней работы именно с этим контингентом.

Шептания шептаниями, но генерал Шпагин не зря ел свой военно-дипломатический хлеб. Ситуацию он оценил трезво. Конечно, дочь своя, родная, но переговорные позиции другой стороны более сильные. Так что воротить нос и тем более ставить условия – себе дороже.

– Ирка, твой суженый правильно поймет, если наше согласие сбыть тебя с рук он запросит по телефону?

- Тон мне твой не нравится, какая-то в нем ущербность, но Юра поймет все правильно.
- Как нам поаккуратнее ответно выйти на его родителей?
- Он будет звонить с домашнего телефона, попроси передать трубочку.
- Тогда намекни ему, чтобы так и получилось.

После обмена дежурными любезностями Шпагин-старший без хитроумных маневров пошел в лобовую атаку:

– Владимир Теодорович! Имеются деликатные вопросы, о которых в нашем с вами положении думают все, но вслух почему-то не говорят. Я, как старый солдафон, предпочитаю их не мариновать, а снимать.

– Сергей Андреевич! Как врач, я полностью с вами солидарен. Профилактика еще никому не повредила.

– При желании у меня найдутся дела на пятницу в штабе вашей дивизии ПВО. Мы не испортим вам выходные, если на субботу всем семейством напросимся в гости на обед, плавно переходящий в ужин? Познакомимся, потолкуем, да и в Камске мы никогда не были. О встрече в аэропорту и нашем ночлеге не беспокойтесь. Военный городок рядом с аэропортом, а комдив наш старый знакомый.

– У нас встречное предложение. Программу вашего визита сразу распространить и на воскресенье. Тогда не придется украдкой поглядывать на часы. Камск летом, конечно, несравненно красивее, но и зимой есть что посмотреть.

Утром в субботу «Волга» с армейскими номерами подкатила к дому Брюлловых. Командир дивизии ПВО в генеральской форме проводил московских гостей до подъезда, поочередно обнял:

– Удачи. Вечером я вас заберу.

Процесс знакомства родителей прошел штатно.

Мужчины друг другом остались довольны. У них оказались одинаковыми взгляды на погоду (лучше морозец, чем слякоть), на употребление алкоголя (рекомендуется в меру), на курение (сплошной вред). Более того, одинаково гэдээровскими²⁵ оказались их костюмы.

Женщины, осторожно улыбаясь, приглядывались.

Будущая невестка Владимиру Теодоровичу понравилась. Энергичная, не ломака, не писклявая. И, конечно, внешность!

Что ни говорите, но нормальный мужчина женский интеллект и образование ценит, но устоять перед ними способен. Сделать же это по отношению к красивой и обаятельной женщине дано единицам.

Брюллов-старший, как глава семьи, развлекал гостей. Но при этом успевал перехватить явно неравнодушные взгляды Ирины, периодически бросаемые ею на сына. Заметил он и почти незаметное касание ее рук, чуть поправивших узел Юриного галстука. Оценил их шутливую пикировку о достоинствах и недостатках ранних браков.

С каждой минутой его бдительность таяла, как пломбир в жару, а прежние логические построения и опасения хотя и без треска, но рушились.

Кроме того, привыкший логически мыслить доцент Брюллов сделал еще одно оптимистическое профессиональное наблюдение: мама невесты по стройности мало уступала дочери.

«Это хорошо, – подумал он, – а то знаем мы вас: сегодня тростиночка, а завтра центнер веса в пятьдесят восьмом размере».

Пока генерал Шпагин размышлял, когда перейти к деловой части, натошак или сытыми, его будущий зять взял инициативу в свои руки.

– Мы с Ирой признательны Сергею Андреевичу за инициативу совместно обсудить, как он ювелирно выразился, «деликатные» вопросы. До обеда у нас полтора часа. Чтобы потом сосредоточиться на исключительно приятном знакомстве с кулинарным искусством мамы, предлагаем с «деликатным» покончить до этого. Одно решение с Иринкой мы уже приняли. Жить и работать будем в Камске. Формулировка: «по месту работы мужа». Аргумент: в московских условиях занимаемая здесь должность, а следовательно, и положение, да еще с квартирой, мне не грозят. На обсуждение выносятся сопутствующие вопросы: где расписываемся, как празднуем, где Ира прописывается, какой будет ее фамилия?

Для ответов хватило сорока минут. Высокое собрание решило:

Первое. Подать заявление в ЗАГС здесь и сегодня.

Второе. Ирине за высокими должностями не гнаться. Хватит дурака валять, рожать надо!

Третье, но не менее важное. Прописку Ирине в Москве сохранить. Потерять легко, восстанавливать надорвешься.

Четвертое, из третьего плавно вытекающее. Гостевой статус Ириной «однушки» не менять. Нечего по московским гостиницам мыкаться.

И, наконец, пятое и последнее. Из-за отсутствия в Камске друзей и близких у Шпагиных, а в Москве – у Брюлловых молодые предложили свадьбу «зажать». Вместо нее совершить

²⁵ ГДР – Германская Демократическая Республика.

свадебное путешествие на Кавказ, а сэкономленные средства пустить на обустройство новой квартиры.

Когда дело дошло до изменения или сохранения фамилии Воронова, генерал безапелляционно заявил:

– Извини, дочь, твое мнение мы выслушаем, но последнее слово здесь за Брюлловыми. Ты к ним в семьюходишь, а не наоборот.

– Я хотела бы ее сохранить. И документы, дипломы менять не хочется, и как профессионала меня знают как Воронову, и... примета такая есть. Но, Владимир Теодорович, если вас это хоть как-то коробит, то я готова.

– Не будем создавать проблем на пустом месте. Внуки все равно, извините, Сергей Андреевич, будут Брюлловы.

Генерал удовлетворенно хмыкнул и объявил:

– Решение принято. Заседание объявляю закрытым. А музыка в этом доме имеется?

Случайно это получилось, или Юра пошутил, но первая пластинка, которая оказалась на проигрывателе, была утесовская²⁶. Со словами:

*Маруся все хохочет,
Маруся замуж хочет.
И будет верная ему жена.*

²⁶ Леонид Утесов – популярнейший артист эстрады, певец 30-70-х годов.

Дьяков. Сентябрь 1971

На планете Земля имеется категория людей, для которых и суббота, и воскресенье такие же суматошные дни, как и все остальные. Даже еще в большей мере. Удел этих людей – сохранять покой и спокойствие тех, кто по выходным позволяет себе поспать подольше. А после того как «охраняемые лица» соизволят проснуться, чем-нибудь их развлечь. Детским утренником или вечерним спектаклем, праздничной демонстрацией трудящихся, эстафетой по улицам города или «праздником урожая».

Александр Игоревич Дьяков как минимум седьмой год относился к числу развлекающих, а не развлекаемых. К тому же он был «жаворонком», способным, совершенно не травмируя собственную нервную систему, просыпаться ранним утром и без будильника.

Сегодня и он мог бы себе позволить понежиться, но привычка рано встать взяла свое. Осторожно выбравшись из-под одеяла и заглянув в детскую кроватку, где сладко причмокивал годовалый Павлик, и не одеваясь, Дьяков присел за письменный стол. На столе с четверга лежал номер городской газеты «Вечерний Камск».

Из правой тумбы стола был извлечен большой пакет из плотной бумаги с типографской надписью «Для бандеролей». В пакете лежали его школьные свидетельства и аттестат, университетский и кандидатский дипломы, партийный и профсоюзный билеты, и с десяток вырезок из газет.

Самая старая из них, датированная пятьдесят девятым годом, была из «Мотора» – о его первых футбольных успехах. Лезвием безопасной бритвы Александр аккуратно вырезал из «Вечерки» обведенные красным карандашом два столбика, заканчивавшихся словами:

В связи с переходом на хозяйственную работу, от должности заместителя председателя Левобережного райисполкома освобожден Астахов С. В. Заместителем председателя райисполкома избран Дьяков А. И.

За два последних года Дьяков получил целых три приглашения изменить место работы. Сначала его позвали возглавить отдел студенческой молодежи в горкоме комсомола. На семейном совете единогласно было решено, что «переростком», в его двадцать шесть, идти на комсомол – не дело. Вскоре председатель областного профсоюза работников высшей школы позвал Дьякова к себе заместителем. С прицелом на его место. До пенсии председателю оставалось чуть более двух лет. Будучи страстным охотником, ждал он этого часа свободы с большим нетерпением.

Профсоюзная должность для Саниных лет была солидной, перспективной. Если бы не три «но».

Во-первых, диссертация у него была уже на выходе. Переход на новое место требовал на первых порах полной самоотдачи, из-за недостатка времени защита могла отодвинуться, а там мало ли еще что случится.

Второе. Варя только-только родила сына и не хотела отставать от своего курса. Несмотря на энтузиазм и мирное соревнование двух бабушек за внука, его помощь была не лишней.

Наконец, год назад университет выделил ему новехонькую квартиру хотя и в панельной, но в очень уютной хрущевке. Сразу после этого уходить было неудобно.

Имелась еще одна причина, о которой он думал, но вслух не высказывал даже Варе. Озвучил ее Юрка.

– Ты в футбол где играл? В нападениях! А профсоюз – это что? Защита трудового народа. Дьяков, какой ты нахрен защитник? Ты нападающий, хищник! Вот как позовут тебя эксплуатировать рабочий класс или гнилую интеллигенцию, иди не задумываясь. Это твое!

В райисполкоме ему досталась в подчинение та еще грыжа: жилищно-коммунальное хозяйство, или, по-простому, коммуналка. С протечками воды, холодными батареями отопления и мусорными машинами. Чтобы подсластить горькую пилюлю, добавили еще торговлю. Торговля районного подчинения была довольно убогой, но все же.

Первый клочок шерсти новый зампред состриг с торговли в первый же день пребывания в новой должности. Во входящей почте он обнаружил разнарядку на продажу легковых автомобилей. В ней фигурировали одна «Волга» и шесть «Москвичей». «Волгу» рекомендовалось выделить ветерану войны.

Достойный ветеран у Дьякова имелся. Не мешкая, он набрал номер своего бывшего физрука:

– Василий Иванович! Это Санька. Как вы смотрите на то, чтобы приобрести «Волгу»? Естественно, по госцене.

– Кто это вдруг озаботился о скромном физруке?

– Партия, правительство... и Левобережный райисполком.

– Спасибо, дорогой мой Левобережный райисполком. О твоём назначении читал. Поздравляю. Рад от души. Но с моей изувеченной рукой я далеко не уеду. Так что с великой благодарностью, но откажусь.

А уважил ты меня своим предложением до слез. Низкий поклон и удачи тебе.

– И никого впереди?

– Никого, никошошеньки, Саня, до самого Верховного Совета!

Варя Дьякова. Июнь 1972

Когда два года назад Варя получила от руководителя студенческого кружка стопку материалов о переброске северных рек, это была всего лишь безобидная игра в науку. Через полгода эта игра превратилась в серьезное увлечение. Ей предстояло решить сложную задачу. Много-слойную, емкую, противоречивую. Уже было ясно, что ей, гуманитарии, в одиночку до конца дней своих не постичь некоторые ее хитрости. Особенно инженерные и математические.

С доцентом Ручьевым обсуждать это обстоятельство Варя постеснялась, а с Юрой Брюловым, который вечером забежал к Сане, оказалось в самый раз.

– Зачем тебе, занимаясь такой масштабной проблемой, забивать себе голову частностями? – удивился Юра. – Уверен, что в университете есть ребята других специальностей, разбирающиеся во всем этом. Сейчас они вместе с преподавателями высасывают из пальца абстрактные темы для курсовых и дипломных работ. А ты им сможешь предложить что-то конкретное, живое.

– А где мне их искать и вербовать?

– Санька поможет. С его профсоюзной колокольни все как на ладони.

– Да ты и без меня легко обойдешься, – откликнулся Дьяков. – В твоём же танцевальном коллективе наберется полный ассортимент. Та же Светка, что солировала с Толиком на новогоднем балу. У нее диссертация как раз по математическому моделированию. Не помню, правда, что она там моделирует.

Варя показала аспирантке Свете две статьи с математическими выкладками, которые обосновывали изменения водного баланса после осуществления проекта, и задала вопрос:

– Ты в этом мне можешь помочь?

Света перелистала странички. Те, где громоздились формулы, просмотрела внимательнее.

– В чем помочь? В проверке математического аппарата, в расчетах? Работы здесь море, но, в принципе, могу. Если честно, мне это совсем не интересно. Диссертацию я завершила еще год назад. Теперь жду своей очереди на защиту. Безработица тоже не грозит. Но дело не только в этом. Насколько я понимаю, это одна из оптимизационных задач. Одна из многих. Ты можешь четко сформулировать, что тебе от нас, математиков, нужно? Что имеется на входе, что ожидаешь на выходе?

– Пока все довольно туманно.

– В нашем деле туманности не проходят. Нужна ясность. Как на танцплощадке. Если ты второй раз танцуешь с одним и тем же парнем, то пора сформулировать для себя задачу, зачем он тебе нужен. Получить эстетическое удовольствие от танго? Позволить проводить себя до подъезда и заодно узнать его отношение к притеснению американских негров? Зная, что соседки по общежитию на каникулах, затащить его, прости Господи и комсомол, в свою постель? Завоевать его сердце и обязательно руку на ближайшие десять пятилеток? Без этого к математикам не ходи. Но если ты корректно сформулируешь что-то интересное, сведу с кем надо.

Точно и доходчиво ставить и растолковывать задачи оказалось не только интересным, но и полезным. Не только для математиков, гидрологов и биологов, а прежде всего для себя.

Все содержание работы Варя по интуиции разбила на отдельные части, элементы, изобразила их на одном листе ватмана в виде кружочков, прямоугольников и ромбиков, соединила их стрелками. И для каждой «веточки», как на школьном уроке арифметики, записала: задано, требуется определить...

Когда свое творение она показала Ручьеву, руководитель кружка порекомендовал ей разобраться с сетевым методом управления PERT, описание которого недавно появилось в

советской печати. Через пару недель американская новинка была освоена применительно к их работе, и Варя, глядя на себя в зеркало, гордо, строго по Пушкину объявила своему отражению:

– Ай да Дьякова! Ай да сукина дочь!

Для части «веточек» то, что требовалось определить, она изучала и описывала самостоятельно, для остальных искала сподвижников. Кто-то соглашался, но потом терял интерес. Кому-то не нравилось положение зависимости, подчинения, и они тоже выходили из игры. Но пятеро прошли вместе с ней трехлетний путь, узнав для себя много интересного и полезного, опубликовав по паре статей во «взрослых» научных журналах и убедившись, что не боги горшки обжигают.

В своем учреждении Токарев был птицей не самого высокого полета. Он относился к той категории сотрудников, ниже которой был лишь канцелярский да технический персонал. Но все посетители этого учреждения, от академиков и генералов до писателей-лауреатов и аграрных директоров с геройскими звездами на груди, относились к нему и его коллегам с подчеркнутым почтением.

Ничего удивительного в этом не было, потому что учреждение называлось Центральный Комитет КПСС. Токарев и его коллеги именовались ответственными работниками аппарата ЦК. А сам он в этом аппарате был консультантом отдела науки.

Было Токареву под пятьдесят. До тридцати пяти лет он без насилия над собой тянул ляжку геолога. Летом ходил в экспедиции в поисках месторождений бокситов, зимой писал отчеты и статьи. Между делом стал кандидатом наук.

Как и положено настоящему геологу, он мог без изысков, но и не фальшивя, сыграть на гитаре, негромко спеть, был легок в общении с представителями обоих полов. С мужчинами – в процессе заработка нелегких «полевых». С женщинами – без лихости, но и без терзаний расставаясь с заработанными в тайге рублями.

Была у Токарева еще одна черта характера. Он никогда не прятался за чужие спины.

Директор его института всю войну, «от звонка до звонка», командовал саперным полком. И на дух не переносил комиссаров. Особенно тех, что учат «правильно жить», шараясь от ответственности.

Совсем освободиться от комиссара (секретаря парткома) директору было не по зубам. А подобрать его по принципу наименьшей вредности, – вполне. Так Токарев стал секретарем парткома института. Партийная карьера ему понравилась тем, что теоретически она была временной. В любой момент, добровольно, по решению или по капризу руководства, он мог вернуться к основной профессии – поиску приключений и полезных ископаемых. Временную работу, как и любую другую, следовало, по его личному мнению, выполнять добросовестно, но ее потеря не являлась трагедией. Эта возможность маневра позволяла Токареву ни перед кем не пресмыкаться, сохранять достоинство в собственных и в чужих глазах. Наверное, благодаря этой внутренней прочности, через четыре года Токарев был назначен заведующим отделом науки обкома, а еще через три оказался в ЦК. Там Токарев курировал сибирскую академическую науку. В названии принятого в 1968 году постановления «О перераспределении стока рек» Сибирь не упоминалась, но речь в постановлении шла не о Миссисипи, не о Рейне и даже не о Днепре.

В итоге Токареву, кроме всего прочего, было поручено «присматривать» от ЦК и за возможным разворотом вспять сибирских рек, точнее – за научным обеспечением «проекта века».

И в советские времена, и в наши дни чиновникам не положено прирабатывать на стороне. Но заниматься оплачиваемой научной работой им позволено. Для Министерства высшего образования было престижно иметь в экспертах «человека из ЦК». Да и небесполезно. Мало ли что может случиться, а нормальный человек все же помнит добро. Для Токарева эпизодическое, не очень трудоемкое, но неплохо оплачиваемое участие в экспертных советах, в

экзаменационных комиссиях и в жюри научных олимпиад и конкурсов не было обременительным. И в то же время заметно подпитывало довольно скромный семейный бюджет.

Так из министерства на его стол попали две бандероли со студенческими конкурсными работами. Они были направлены ему на отзыв как члену жюри. С одной работой, посвященной перспективам развития нефтяной сырьевой базы Восточной Сибири, он разобрался за тридцать минут. Работа была сделана добротной, крепко сколочена, гладко написана, но ни единой свежей мысли не содержала.

Токарев вынес вердикт, что она «достойна награждения грамотой», и потянулся за вторым отчетом. В названии «Комплексный анализ целесообразности перераспределения стока Оби и Иртыша в бассейн Арала» Токарев подчеркнул красным карандашом первое слово и буркнул:

– Парень от скромности не помрет.

Но, просмотрев десяток страниц, вернулся к началу и поставил напротив подчеркнутого слова восклицательный знак. Действительно, первая часть отчета была посвящена исследованию взаимосвязей самых различных граней проблемы: природно-географических, технических, экологических, экономических и даже демографических.

Еще любопытнее оказалась вторая часть. Называлась она довольно безобидно: «Оценка комплексности опубликованных вариантов экспертизы». Автор исследовал не только «бухгалтерию» экспертных материалов (учитывается повышение урожайности, не учитывается подъем грунтовых вод). Он рискнул дать свою оценку объективности самой экспертизы.

Сторонников поворота рек автор упрекал в завышении достоинств проекта и недооценке его недостатков. Они видели в нем прежде всего положительного героя, способного напитать водой огромные засушливые территории и тем самым осчастливить экономику и миллионы живущих на них людей. А вот «цену вопроса» и некоторые неприятные «мелочи» эти эксперты оценивали по минимуму. Хотя набралось их предостаточно: затопление полей и лесов водохранилищами, гибель ценных пород рыбы в Оби, изменение режима вечной мерзлоты и условий жизни малочисленных народов сибирского Севера, засоление «орошаемых» почв.

Противников «стройки века» автор работы подловил на слабой обоснованности негативных последствий изменения северного климата и сокращения площадей заболоченных земель. В конце раздела следовал вывод, правда, не свободный от юношеского максимализма. Молодой талант настаивал, что «эксперты той и другой стороны, подобно полководцам, приукрашивают свои победы и скрывают потери».

В заключительной главе работы довольно схематично давался перечень параметров, обязательных для оценки эффективности проекта, зато развернуто описывалась схема организации независимой вневедомственной экспертизы и контроля над проектом на всех его стадиях.

Токарев задумался. С одной стороны, все, о чем было написано в работе, он знал или хотя бы представлял намного больше, чем автор конкурсной работы.

Но сложить все это в единую систему показателей, гибко, но крепко связанных друг с другом, первым догадался сделать незнакомый студент. Еще ему понравилось, что работа написана логично и предельно доходчиво.

«Хоть сразу генсеку неси!» – вспомнил он любимый комплимент референтов, «допущенных к телу» членов политбюро.

«Что это за умелец у нас объявился?» – подумал Токарев, открывая пропущенную ранее вторую страницу с подзаголовком «Авторский коллектив».

Коллектив оказался многочисленным. Научный консультант: Ручьев Б. Г. – доцент, кандидат экономических наук. Руководитель и координатор авторского коллектива: Дьякова В. – студентка географического факультета. И далее следовали фамилии еще пяти студентов различных специальностей – авторов разделов, посвященных инвестициям, экономическим результатам, гидрологии, экологии, математическому моделированию.

– Похоже, что товарищ Ручьев выходит на защиту докторской диссертации. Для чего и объединил вокруг себя этот детский сад.

Тогда он дважды молодец!

Токарев посмотрел на часы. В Москве было двадцать минут пятого. Значит, в Камске – на два часа позднее. Начальство в это время еще должно было быть на посту.

Он достал из ящика стола телефонный справочник с грифом «Для служебного пользования» и набрал прямой номер секретаря Камского обкома партии.

– Консультант отдела науки ЦК Токарев Владимир Константинович. Семен Спиридонович, к нам из Минвуза поступила работа, представляющая прикладной интерес. Выполнена в вашем университете. Научный руководитель Ручьев Бэ Гэ. Запишите, пожалуйста, тему, – он четко продиктовал название. – Судя по содержанию работы, ее руководитель может оказаться полезным в качестве консультанта или ответственного работника аппарата у нас или в Госплане. При отсутствии партийности возможны варианты в системе Минвуза или Академии наук, в том числе дистанционные. Прежде чем выходить непосредственно на него, мы хотели бы кое-что выяснить. Первое. Его фактическая роль в этой работе: он научный консультант формальный или по существу? Второе. Чем он дышит? Вы меня поняли? Официальный запрос я вам направлю через час. Спасибо.

Разговор этот состоялся в пятницу, а уже во вторник после обеда раздался ответный звонок.

– Владимир Константинович! Вопрос прокачали с деканом и проректором по науке. Выслушав их, я вспомнил еще довоенную, то ли пьесу, то ли кинокартину.

Жандармский офицер спрашивает филера:

– Скажи, голубчик, как ты думаешь, Розенблюм – большевик или эсер?

– Ваше благородие! Они – баба.

Доцент Ручьев является руководителем студенческого кружка географического факультета скорее как педагог и наставник, но не как руководитель тематического направления и конкретной работы, которая вас интересует.

– А кто же фактический оранжировщик и дирижер этого джаз-оркестра?

– Все обозначенные вами функции в ансамбле выполняет выпускница географического факультета Дьякова Варвара. Двадцать шесть лет, комсомолка, замужем, имеет сына. На работу распределена в наш облплан. Муж до недавнего времени являлся лидером университетского студенческого профсоюза, в настоящее время работает зампредом райисполкома.

Компания, которая спустя полгода собралась за празднично накрытым столом на квартире заместителя председателя Левобережного райисполкома Александра Дьякова, была, прямо сказать, пестрой. И по профессиональному составу, и по возрасту. Старшее поколение единолично представлял руководитель студенческого кружка доцент Ручьев. Хозяина квартиры и его друга – главного экономиста УМЦ Юрия Брюллова, смело можно было назвать «молодыми да ранними». К этой же возрастной категории принадлежал и Никита Фокин – Санькин одноклассник и Варин брат. Пять лет назад он получил инженерный диплом и сейчас работал старшим мастером на «Моторе».

Шесть из десяти участников застолья делегировало из своих рядов советское студенчество. Два студента и четыре студентки, включая хозяйку дома. Именно они и были виновниками торжества, которые «обмывали» сегодня свои солидные дипломы с надписью:

***«Лауреат Всесоюзного конкурса студенческих работ»
(Первой степени)***

Все, кроме третьекурсницы-филологини Оксаны, на днях получили свеженькие «ромбики» – значки выпускников университета.

Первый тост произнесла Варя.

– Еще две недели назад, когда я приглашала вас собраться, это было лишь здоровое желание доставить себе удовольствие. Удовольствие именно с вами отметить окончание нашего «универса». Удовольствие сказать спасибо тем, кто помог нам сделать это «на уровне». Борису Григорьевичу, который возился с нами как с малыми детьми. Всем моим дорогим соавторам – за чувство локтя, понимание, терпение. Бескорыстному советчику и своднику Юре Брюллову. Это ему первому пришла в голову идея объединить вместе наши усилия. Санечке – за все, все, все. Нашим близким, представленным за этим столом. Некогда беспутному, а теперь самому заботливому в мире братику Никитке. Это именно они освободили меня на годы учебы от того большого и сурового, что называется «ведением домашнего хозяйства». За каждого из нас мы еще выпьем. Поименно.

– Борис Григорьевич, – обратилась она к Ручьеву, – можно сделать совместное заявление? – и, развернувшись к сидящим за столом, продолжила: – А теперь сюрприз от нас с Борисом Григорьевичем. Наша сегодняшняя встреча является не столько моим желанием, сколько производственной необходимостью. И дело совсем не в лауреатстве. Две недели назад выяснилось, что «большие дяди» в Москве оценили результаты нашего совместного труда и наши персональные головы как светлые и полезные. Полезные в целом для развития советского народного хозяйства. И для аккуратного обращения с разворотами рек в частности. И этими «дядями» уже принято несколько конкретных решений по данному поводу.

Варя пододвинула к себе лист бумаги:

– Специально под наш коллектив решено создать при университетском НИИ лабораторию «Комплексной экспертизы региональных проектов». Непосредственным заказчиком исследований, выполняемых нашей лабораторией, определен Госплан СССР. Специально для нас решено выделить пять с половиной штатных единиц. А ректорату дано право перераспределить молодых специалистов, направляемых для работы в эту самую вновь созданную лабораторию. И последнее, – она окинула взглядом присутствующих, – два дня назад в обкоме партии Борису Григорьевичу предложено возглавить новое научное учреждение. Девочки! Мальчики! Кто готов ввязаться в эту авантюру – неделя на размышление. Такая спешка потребовалась из-за срочности оформления перераспределения. Я знаю, что по семейным обстоятельствам не все смогут даже при желании продолжить нашу совместную работу. Но с каждым и с каждой из вас мы с Борисом Григорьевичем очень бы хотели и дальше вместе творить, выдумывать, пробовать. И побеждать! За вас, ребята! И если народ не возражает, я передаю бразды правления нашему несравненному тамаде – Юрию Владимировичу.

Юра не стал давить педаль газа «до пола». Он понимал, что «народу» требуется время, чтобы тщательно переварить съеденное и услышанное.

– Борис Григорьевич! – обратился он к Ручьеву. – Не желаете ли вдохновить массы на новые подвиги?

Свежеиспеченный шеф еще раз удивил всех с самой хорошей стороны.

– Дорогие мои юные коллеги. Во-первых, поздравляю вас и благодарю! Во-вторых, поясню. По формальным соображениям (ученая степень, должность, опыт работы) командовать лабораторией предложено мне. Я свою роль в выполнении конкурсной работы, которая и вызвала интерес руководства, оцениваю короткой формулой: «поощрял и не мешал». О чем и сообщил вышестоящим товарищам, добавив, что локомотивом и координатором исследования является Варя.

Мне задали встречный вопрос: «Не слишком ли рискованно назначать вчерашнюю студентку руководителем вновь создаваемого научного подразделения союзного подчинения?». Я ответил: «Рискованно. А вот слишком или нет – покажет время». Пропуская промежуточные сцены драмы, излагаю содержание финала. Ваш покорный слуга временно, я это подчеркиваю,

согласился возглавить лабораторию. Обратите внимание, что нам выделили пять с половиной ставок. Половинка – моя. Обязуюсь и далее добросовестно осуществлять исповедуемый мной вышеназванный принцип участия в этом общем деле. А дальше, как говорит хозяин этого дома, «игра покажет».

Заключительный тост тамады по содержанию и форме заслуживает того, чтобы процитировать его без купюр.

– Дорогие друзья! Не сочтите меня за скупердяя, но один тост я хочу произнести сразу за двоих. Поднимем наши бокалы за Александра Игоревича, за Саню, который разглядел в красивой и домашней женщине личность и нашел в себе мужество сделать все от него возможное и невозможное, чтобы эта личность раскрылась перед нами и советским народом во всей полноте. Виноват! Какая у Вари полнота? В полной стройности. Плавно переходя к ее личности, хочу сам себе задать несколько умных вопросов и получить на них от себя самого столь же умные ответы. За пять лет учебы не получить ни единой тройки, стать лауреатом студенческой театральной весны, родить и вскормить сына и погрузиться в науку. Такое бывает? Отвечаем: бывает, но редко. А возможно ли все это время держать на длинном поводке номенклатурного мужа, да еще и «Атлета», ни разу не пожаловавшись на него в ректорат и в партком? Случается и такое, но в порядке исключения. Насколько реально сохранить после всего этого высокий товарный вид и размер талии пятьдесят восемь и девять десятых сантиметра? Это уже вообще на грани фантастики. И как насчет того, чтобы без отрыва от страстной любви и танцев победить на Всесоюзном конкурсе студенческих научных работ? Это, товарищи, уже патология. Но рукотворная! За ее творцов – Варю и Саню, предлагаю выпить стоя и до дна!

Как ни странно, предложение было принято, но не единогласно. Одинокий протест выразил родной Варин брат Никита. С самого начала праздничного ужина он уютно устроился между стройной рыженькой математичкой и пухленькой брюнеткой – защитницей окружающей природной среды. Уже после первого тоста Брюллов с белой завистью зафиксировал, что обе руки Никиты покоятся на талиях лауреаток, не причиняя им заметного дискомфорта. Скорее, наоборот. Чтобы сохранить возникший консенсус, Никита на минуту убирал то одну, то другую руку, чтобы выпить.

Неудивительно, что к моменту последнего тоста чувства Никиты были несколько обострены.

– Нет, Юрка! Так не пойдет! – возразил Никита, игнорируя налитую рюмку, но переместив обе руки с талий чуть повыше. – Наш парторг на каждой политинформации талдычит, что критика и самокритика – двигатель прогресса. Раньше меня это раздражало, а теперь я понял, что парторг прав. Санька, конечно, и сегодня может гол заколотить хоть с левой, хоть с правой. А Варька уже не та. Опять же, кто ее Павлику перед сном сказки читает?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.